

Академия наук Республики Таджикистан
Институт истории, археологии и этнографии
имени Ахмада Дониша
Российско-Таджикский (Славянский) университет

Гузель Майтдинова

Диалог цивилизаций
в центральноазиатском ареале Великого
Шелкового пути: исторический опыт интеграции
и ориентиры XXI века

Душанбе – 2015

УДК 338.48(658)

ББК85.313(2 тадж)+85,32(тадж)

Майтдинова Гузель. Диалог цивилизаций в центральноазиатском ареале Великого Шелкового пути: исторический опыт интеграции и ориентиры XXI века. Душанбе, 2015, 288с.

Рецензенты:

доктор политических наук Саидов Х.С.

кандидат философских наук Сафаров С.С.

В монографии проведено комплексное исследование роли Великого Шелкового пути в сложении локальных цивилизаций Центральной Азии. В книге исследуются роль древних и средневековых коммуникаций в сложении этнокультурных традиций народов юга Центральной Азии, культурный диалог вдоль южных трансевразийских путей, значение Великого Шелкового пути в сложении основ традиционной культуры таджиков. Особое внимание в монографии уделяется анализу проектов возрождения Великого Шелкового пути в XXI веке и диалогу цивилизаций в условиях глобализации.

Книга предназначена для историков, культурологов, искусствоведов, политологов и для всех тех, кто интересуется историей цивилизаций Центральной Азии.

Содержание

Введение

Глава 1. Великий Шелковый путь: генезис и роль евразийских коммуникаций в развитии цивилизаций.

Глава 2. Роль коммуникаций в сложении этнокультурных традиции народов Центральной Азии в древности и в раннем средневековье.

2.1. Этнические процессы и сложение этнокультурных традиций в Центральной Азии в кушанский период

2.2. Этнические процессы и культурные традиции народов Центральной Азии на трассах Великого Шелкового пути в средневековье.

Глава 3. Культурный диалог вдоль трансевразийских коммуникаций в древности и раннем средневековье.

3.1. Межцивилизационное взаимодействие на трассах Великого Шелкового пути в кушанский период.

3.2. Культурное взаимодействие на Великом Шелковом пути в эфталитский период.

Глава 4. Центральноазиатский Ренессанс в искусстве 1-Х вв. и межцивилизационный диалог

Глава 5. Роль Великого Шелкового пути в сложении основ традиционной культуры таджиков.

Глава 6. Дипломатические традиции в центральноазиатском ареале Великого Шелкового пути

Глава 7. Традиции Великого Шелкового пути в XXI веке: новые концепции и межцивилизационный диалог в условиях глобализации.

Заключение.

Список принятых сокращений.

Приложения.

Введение

Великий Шелковый путь сыграл важную роль в развитии народов Центральной Азии и сложению локальных цивилизаций. Центральноазиатский регион находится на стратегическом перекрестке Евразии, где еще с древнейших времен происходило активное взаимодействие между иранской, греко-римской, индийской, эллинистической, древнекитайской, тюркской и другими культурами. Активному межкультурному взаимовлиянию способствовали сухопутные и морские коммуникации древности и средневековья.

Промежуток между VI-I вв. до н. э. - I в н. э. был временем укрепления международных связей Западной и Центральной Азии в связи с включением стран этих регионов сначала в империю Ахеменидов, а затем и Александра Македонского, позже и в систему эллинистических государств. В период четырех империй (Ханьской, Кирпандской, Парфянской, Римской) сложился Великий Шелковый путь. Впервые термин "Шелковый путь" (Seidenstrasse) употребил немецкий ученый Фердинанд Фрайхерр фон Рихтхофен в своей работе "Китай", вышедшей в 1877 г. Этим названием известный немецкий географ обозначил сложившуюся в начале летоисчисления трансконтинентальную сеть дорог, которые связывали Восток и Запад. Свое название эта сеть дорог получила по особенно популярному в торговых сношениях товару - шелку. Этот материал, легкий и удобный для перевозок на далекие расстояния, высоко ценился от Тихого океана до Атлантики. Условной точкой отсчета функционирования Великого Шелкового пути можно считать начало 112 года до нашей эры, когда Бактрия налаживает регулярные дипломатические отношения с Хань и связывает сухопутные пути в Евразии.

Великий Шелковый путь способствовал сближению культур народов, населявших страны вдоль трасс и

активному межкультурному диалогу. Здесь вели активный диалог евразийские локальные цивилизации: конфуцианская, индо-буддийская, исламская, христианская. Как известно, локальные цивилизации выражают культурно-исторические, этнические, религиозные, экономико-географические особенности отдельной страны, группы стран, этносов, связанных общей судьбой. Каждая локальная цивилизация обладает только ей характерными социально-политическими отношениями, духовным и материальным миром, технологическим, экономическим способами производства, а народы имеют свойственные только им общественную структуру и общую этнопсихологию. Великий Шелковый путь дал импульс для сложения основ современных локальных цивилизаций, а также способствовал дальнейшему развитию мировой цивилизации.

Великий Шелковый путь изначально был не только системой торговых дорог, но и сетью межкультурного взаимодействия и дипломатическими трактами. Торговые караваны зачастую сопровождали те, которые налаживали международные связи, распространяли новые религии, искусства, архитектуру, письменности: дипломаты, миссионеры, переписчики священных текстов, художники, певцы, танцоры и т.д. Торговцы, миссионеры, паломники, которые пользовались словесными и письменными элементами коммуникации, способствовали распространению языков и письменности. Эти знания концентрировались в селениях и городах по всему пути.

Великий Шелковый путь оказал огромное воздействие на развитие текстильного искусства, созданию центральноазиатских школ шелкоткачества, способствовал формированию и распространению «моды в костюме», распространению бумаги и книгопечатания, пороха, стекла, фарфора, глазурованной керамики и пр. Формирование Больших пространств, где проходили древние и средневековые пути, распространение мировых религий по

трассам Шелкового пути, письменности, языков, художественных стилей способствовали формированию синкретических культур с локальными особенностями. Это был сложный процесс становления основ традиционной культуры таджикского народа: параллельно шли процессы взаимовлияния и творческого восприятия нового, трансформации привнесенных традиций под влиянием местных.

Вдоль трасс Великого Шелкового пути в древности и средневековье возникают два основных художественных течения: династийное и религиозное. Эти художественные течения оказывают огромное воздействие на развитие искусства и архитектуры в Центральной и Восточной Евразии. Созревшая на местных центральноазиатских традициях буддийское искусство и архитектура дали новый импульс развития буддийской культуры далеко на востоке - в Китае, Японии, Корее.

Культурная толерантность в широком смысле этого слова явилась важным условием расцвета искусства населения Центральной Азии, позволяла сохранять своеобразие местных традиций и достижений локальных культур наряду с созданием общих для всего огромного региона культурных ценностей. Огромную цивилизаторскую роль сыграли согдийцы на трассах Шелкового пути. Если согдийцы на трассах Шелкового пути способствовали распространению экономических и культурных достижений, то роль бактрийцев особенно важна в распространении античного наследия на восток, в распространении буддийской культуры, традиций длительного сосуществования различных религиозных систем и течений.

Великий Шелковый путь на центральноазиатском отрезке трассы особенно активно функционировал в период существования больших интегрированных пространств: в кушанские, эфталитские периоды истории империи Кирпанд, в рамках Тюркского каганата, в Саманидский период, в

тимуридскую эпоху. Данная книга посвящена истории развития южного отрезка Великого Шелкового пути в Центральной Азии, его опыту интеграции, традициям, которые в начале XXI века вновь приобретают актуальность. Хронологически работа в большей части охватывает 1 тыс. нашей эры, когда особенно активно функционировали сухопутные трассы Великого Шелкового пути.

В начале XXI века проблема истории развития Шелкового пути и его традиций вновь стали актуальными. Этому способствовали геополитические перемены, которые произошли в Центральной Азии в конце XX- начале XXI века: распад Советского Союза, появление новых центральноазиатских государств и влияние афганского фактора на политические процессы в регионе. С возникновением в начале 90-х годов новых независимых государств Центральной Азии одним из долгосрочных их приоритетов государственной политики стало развитие транспортной инфраструктуры - Возрождение Великого Шелкового пути. В 1993г. на конференции в Брюсселе, в которой принимали участие восемь стран (пять новых независимых государств Центральной Азии и три кавказские страны) была принята Брюссельская декларация. Целью этой программы является оказание технической помощи для развития транспортного коридора Запад – Восток. 8 сентября 1998г. в Баку, Азербайджан, Армения, Румыния, Молдова, Болгария, Грузия, Турция, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Украина подписали основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа - Кавказ - Азия в рамках проекта ТРАСЕКА. 12-13 сентября 2000 года в г. Санкт - Петербурге ходе 2-ой международной евроазиатской конференции по транспорту Иран, Индия и Россия подписали Соглашение о международном транспортном коридоре " Север - Юг", по которому должны связываться транспортные маршруты в Индию, Оман, Иран, Каспийский регион, Россия.

В 2012 года в китайском городе Ухань между 10 государствами (Афганистан, Азербайджан, Китай, Казахстан, Киргизия, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), входящими в организацию Центрально - азиатской программы экономического сотрудничества (The Central Asia Regional Economic Cooperation – CARES) была достигнуто соглашение об инвестировании 23 млрд. долларов США в развитие региональной транспортной системы. Все вышеперечисленные проекты должны не только способствовать свободе передвижения людей, товаров и услуг, но и усилить экономическую и культурную интеграцию вдоль трасс Нового Шелкового пути.

Большое значение возрождению Великого Шелкового пути придается и в Таджикистане. Проблема коммуникаций становится для Таджикистана одной из важных геостратегических задач. В стране строятся внутренние дороги, мосты и туннели, а также вводятся в строй мосты и дороги, связывающие с соседними государствами. Велик у Таджикистана транзитный потенциал. Прохождение трансконтинентальных трасс через Таджикистан дает возможность связи стран АТР с государствами Центральной и Южной Азии, а также связывает страны СНГ со Средним и Ближним Востоком, с выходом в Европу. Кроме того, по мере стабилизации Афганистана, для Таджикистана в перспективе наладятся более интенсивные автомобильные и железнодорожные сообщения, а также усилится экономическое взаимодействие в южном направлении.

В 2013 году Россия предложила строительство железной дороги Россия–Казахстан-Кыргызстан-Таджикистан в ходе обсуждения стратегии ЦАРЭС на 2020 год в Астане. Таким образом, реализация вышеназванных проектов способствует решению важной геостратегической задачи - выхода Таджикистана из географического тупика. Именно выход Таджикистана из географической изоляции будет способствовать восстановлению геополитической

целостности Центральной Азии и даст новый импульс расширению общего культурного, экономического пространства и коммуникаций на новом этапе развития Великого Шелкового пути. Географическое положение Таджикистана создает благоприятные условия для возрождения Современного Южного Шелкового пути, по которому в прошлом шел обмен не только торгово-экономический, но и интеллектуальный. В современной культуре народов региона и сейчас обнаруживаются самые разнообразные цивилизационные пласты, которые стали неотъемлемой частью уже традиционной культуры. По трассам Великого Шелкового пути в XXI веке вновь активизируется диалог цивилизаций. Изучение наследия Великого Шелкового пути важно тем, что оно наглядно демонстрирует исторический опыт общения между государствами и народами, опыт интеграции, опыт политической культуры и толерантности на евразийском пространстве и может дать позитивный импульс развития современным международным связям.

Глава 1. Великий шелковый путь: генезис и роль евразийских коммуникаций в развитии цивилизаций

В структурировании евразийского пространства огромную роль сыграл Великий Шелковый путь. Несмотря на то, что в основу локальных цивилизаций легли автохтонные культурные традиции, но не менее была велика роль коммуникаций- транслятора материальных и духовных ценностей. В процессе становления и развития цивилизаций Евразии непреходящее значение имеет Великий Шелковый путь. Великий Шелковый путь - громадный, динамичный цивилизационный ареал, где происходил активный диалог, где шло в древности и средневековье сухопутное и морское международное общение на пространствах Евразии. В структуре Шелкового пути можно различить несколько его поддерживающих компонентов: дороги, города, караван сараи, крепости, колодцы, базары. Великий шелковый путь делился на несколько типов: интерконтинентальные пути (Шелковый путь), внутриконтинентальные (пути соединяющие два государства), региональные пути, пути между местностями и пути между городами.

В хронологическом промежутке 1У тысячелетия до н.э. - до У1 века до н.э. происходит интенсификация торговых обменов между Центральной и Западной Азией. В этот же период шло развитие взаимообмена между скотоводами степной полосы вдоль 40-й параллели. Укреплялись контакты между оседлоземледельческими и кочевыми народами по оси «север-юг», особенно в период с конца II тысячелетия- по 1 тыс. до н.э.¹ Это был период становления и расширения путей локальных контактов в Евразии. Данные о торговых связях населения Центральной Азии с окружающими его регионами восходят к 1У-II тыс. до н. э. Возникновению этих связей во

¹ Франкфор А.-П. Существовал ли Великий шелковый путь во II-1 тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989, с.216

многим способствовала разработка залежей полудрагоценных камней: лазурита в горах Бадахшана, и нефрита в верхнем течении р. Яркенд. Письменные и археологические источники свидетельствуют о существовании торгового пути, по которому из Бадахшана в Иран, а затем в Месопотамию и далее в Сирию, Египет и Анатолию доставлялся лазурит-камень высоко ценившийся на древнем Востоке.² Чуть позже из Бактрии поставляли на Ближний Восток бирюзу, а из Согда – сердолик. Археологические находки в поселении Саразм (Северный Таджикистан) также свидетельствуют о торговых связях Центральной Азии, восходящих к концу I У – началу II тыс. до н.э. Анализ культурных связей Саразма указывает на то, что происходила постепенная передача культурных инноваций из земледельческо-скотоводческих оазисов юго-запада Копетдага, Бактрии, Месопотамии, Белуджистана, Индии в северо-восточные области Средней Азии.³ Сложению Шелкового пути, как основной трансконтинентальной трассы, как свидетельствует вышеизложенное, предшествовал долгий период ранних "путей", которые были всего лишь направлением контактов посредников во взаимообмене, когда редкие минералы и предметы роскоши передавались от области к области, от одного народа к другому.

Уже со второй половины I тыс. до н.э. укрепляются межрегиональные торговые связи, особенно в южных районах, связывающие Бактрию как с владениями внутри ахеменидского Ирана так и с восточными районами от Индии, Китая. Среднеазиатский участок дороги начинался в Арее и разветвлялся на север и восток. Восточная дорога через современный Кундуз – Ваханский коридор шел в

² Майтдинова Г. Цивилизационная роль Великого шелкового пути //Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2009, с.37-39

³ Исаков А.И. Саразм. Душанбе, 1991, с.138; Петров А.М. Великий шелковый путь. М., 1995, с.22

Индию и в районы современного Синьцзяна. Северная трасса связей постепенно протягивается в Согд, что подтверждают создание крепостей у переправ и путей. Северная дорога пересекала Окс (Амударью) в районе Термеза (древняя Тармита) и далее она также расходилась по двум направлениям от Термеза и переправ Шуроб-Чушка-Гузар и Кара-Камар по долине реки Шерабад выводился к Железным воротам, расположенным в Западном Гиссаре. Западный Гиссар – мощная горная система, включающая множество мелких и больших хребтов, являлась естественной границей между Бактрией и Согдом. Издревле здесь по горным проходам через перевалы и по долинам рек пролегали караванные дороги и тропы, проходил основной путь торговых караванов и воинских соединений, следовавших из центральных областей Азии в Бактрию-Тохаристан и Индию и, наоборот, из Индии в Бактрию, Согд, Бухару и Чач. Узловые пункты этой дороги были укреплены мощными фортификационными сооружениями. Второе направление дороги от Термеза шло в горную страну населенную комедами, которая, вероятно, локализовалась в Каратегине, а оттуда дорога шла в район Ташкурмана (современный Синьцзян).⁴

Промежуток между VI-I вв. до н. э. - I в н. э. был временем укрепления международных связей Юго - Западной и Центральной Азии в связи с включением стран этих регионов сначала в империю Ахеменидов, затем Александра Македонского, а позже и в систему эллинистических государств. Эта эпоха была переломным для развития цивилизаций Евразии. Она сыграла важную роль в

⁴ Буряков Ю.Ф. Города Мавераннахра на Великом Шелковом пути. // Тезисы докл. Международ. семинара ЮНЕСКО «Города и каравансарай на трассах Великого шелкового пути» Ургенч, 2-3 мая 1991 г. Ургенч, 1991, с.12; Ртвеладзе Э. Великий Шелковый путь. Энциклопедический справочник. Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999, с.24-27

становлении локальных цивилизаций Запада и Востока. Этот период был назван крупнейшим немецким историком Карлом Ясперсом "осевым временем" или "осью мировой истории", поскольку именно тогда произошел резкий поворот в истории человечества - складываются мировые религии - буддизм, а затем и христианство. В формировании структуры цивилизаций Евразии неопределима заслуга Великого Шелкового пути.⁵ Именно по трассам Шелкового пути шли многочисленные миссионеры, монахи различных конфессий, распространяя свои учения, духовные ценности. Благодаря их важной миссии были заложены основы, которые определяют цивилизационный облик современных стран буддийско-конфуцианского блока Восточной Азии, индо - буддийского блока Юго-Восточной, Южной Азии, стран Юго-Западной Азии и Западной Европы.

В ахеменидский период связи Ближнего и Среднего Востока значительно расширяются. Кроме лазурита в страны Ближнего Востока из Согдианы и Бактрии вывозили сердолик, а из Хорезма - бирюзу. Наряду с "лазуритовым" путем в древности существовал "нефритовый" путь, связывавший области Хотана и Яркенда с Северным Китаем. К ранним путям можно отнести и региональные дороги, соединяющие ограниченное число стран ("царская дорога" в Ахеменидской державе, трассы в империи А. Македонского, "дорога пряностей" из Египта в области Красноморья, Персидского моря, Индии и Цейлона, "путь на Запад" из Китая в Среднюю Азию).⁶ По сведениям Геродота, протяженность «царской дороги» в империи Ахеменидов составляла около 2,2 тыс. км. «Царская дорога начиналась в Малой Азии от Сард, а несколько позже от Эфеса на побережье Эгейского моря и тянулась в Иран, в царскую

⁵ Майтдинова Г. Государство Кирпанд - империя в Сердинной Азии. Душанбе, 2011, с. 218.

⁶ Ставиский Б.Я. Великий Шелковый путь // Культурные ценности. Вып. 1. Ашгабад, 1995.

резиденцию в Сузы, а оттуда далее в Бактрию, Северную Индию. Вдоль дороги располагались постоянные дворы на расстоянии однодневного путешествия. В Средней Азии в древности однодневный путь, пройденный караваном занимал от 23 до 30 км.

Начало формирования трансконтинентального Великого Шелкового пути относится к промежутку между 112 гг. до н. э., когда Китай по инициативе императора У-ди впервые устанавливает дипломатические отношения с Кирпандом (Китай и империя Кирпанд обменялись посольствами). Выдающимся результатом этих посольств и открытия Западного края явилось возникновение Великого Шелкового пути. Но активное функционирование трассы Восток-Запад стало возможным только тогда, когда в конце I в. н. э. сложился квартет могущественных империй древности, которые контролировали евразийское пространство. Эти империи - Рим в Средиземноморье и Европе, Иран на Ближнем и Среднем Востоке, государство Кирпанд на юге Средней Азии, в Афганистане, на севере Индо-Пакистанского субконтинента; государство Хань на Дальнем Востоке – вступили в сложные политические, торговые и культурные контакты. Очень важный момент: международная трасса взаимобмена достижениями Востока и Запада появилась именно тогда, когда номады (парфяне и юэчжи) осели в регионе между Ханьским Китаем и Римской империей. I – IУ вв. Великий Шелковый путь соединил все четыре древние империи, относительно стабилизировав трассу, от берегов Тихого до Атлантического океанов.⁷

Государство Кирпанд способствовало становлению, развитию и стабильному функционированию первой в истории человечества трансконтинентального и дипломатического тракта - Великого Шелкового пути. Китайские источники сообщают, что, начиная от Кашгара, охранные функции Западных земель самостоятельно

⁷ Майтдинова Г. Государство Кирпанд. С. 219-222.

осуществлял кирпандский правитель. Объединение народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии, части Ирана в рамках единого государства и относительная безопасность от внешних военных вторжений привели к росту городов, к расцвету экономики и культуры этих областей. Возвышению Кирпанда способствовало его стратегическое положение на Шелковом пути. Причем именно через это государство Западный край и Срединная империя держали связь с Морским Шелковым путем, значение которого возрастает в период расцвета Кирпанда. Завоевательные походы кирпандского шаха на юге были связаны с решением важной, первой в истории народов региона геополитической задачи - достичь пределов южных морей, пробить путь к морской трассе. Эта задача была решена с момента правления кушанских, а затем кидаритских, хионитских и эфталитских династий в государстве Кирпанд. Возникновение Кирпандской империи, соприкасавшейся на востоке с ханьским Китаем, а на западе с Парфянским царством, соединило разорванные ранее древнейшие центры цивилизаций Старого света в единую систему квартета империй древнего мира, способствовало активному диалогу цивилизаций на трансконтинентальной трассе. В одном из китайских текстов правители Кирпанда кушанской династии наряду с правителями Рима и Ханьского государства называются "Сынами Неба", которые делят между собой весь мир. Кирпандцы через свои морские ворота на юге Индии наладили регулярное сообщение по Индийскому океану между завоеванными римлянами Египтом и Передней Азией.

Ведущих трасс Великого Шелкового пути насчитывалось всего три: два сухопутных и одна океанская. Первая, сухопутная - тянулась из столицы Китая через юг Средней Азии и Иранское плато (в древности это были владения кирпандских и парфянских государей) в Восточное Средиземноморье (в древности - римские Сирия и Египет). От этой трассы еще в Средней Азии отходила дорога на юг,

через перевалы Гиндукуша в Индию, и в том числе к портам ее западного побережья, а затем в долину Ганга. Существовали также дороги через горы из нынешнего Синьцзяна прямо в Индию (в частности, там, где сейчас проходит Каракорумский тракт из КНР в Пакистан), равно как и водный путь по Амударье, ее пересохшему уже к раннему средневековью прикаспийскому рукаву - Узбою, по Каспийскому морю и рекам Закавказья, выводящий в Северную Месопотамию, Малую Азию и, видимо, к портам Восточного и Южного Причерноморья. Вторая трасса, океанская, соединяла Египет, через Красное море и Индийский океан, с портами Западной Индии - морскими воротами Кирпанда. Одно из ее ответвлений заходило в Персидский залив, в то время как другие вели далее на восток - на Малабарское побережье Индии, на Шри-Ланка, в Индокитай. Третья, не менее грандиозная, чем две первые, трасса Великого Шелкового пути - северная (или степная) вела из Китая, Синьцзяна и, вероятно, Южной Сибири и Монголии в обход Каспия с севера. В северном Приаралье и в Прикаспии с ней соединялись пути, ведущие из Синьцзяна, через Фергану, из Тохаристана и Согда, а далее, в низовьях Волги, степная трасса делилась на два направления: один шел далее на запад в Северное Причерноморье, второй - на юго-запад, на Северный Кавказ и через кавказские перевалы в Западную Азию.

Через Бактрию-Тохаристан и Согд (территории современного Таджикистана) проходили четыре важных отрезка Великого Шелкового пути: Согдийский, Каратегинский, Хатлонский, Памирский. Согдийский путь проходил из Самарканда в Коканд через Пенджикент, Вагатон (Наврузшох), и далее по дороге, ведущей в Ферганскую долину: Варз (Айни), Бунджикат (Шахристан), Ура-Тюбе, Хаватак, Кукат (Нав), Ходжент, Канибадам, Исфара. Каратегинский путь соединял Термез с Кашгаром (совр. СУАР КНР) через Регар, Гиссар, Душанбе, Андигон

(Кафарнихон), Вашгирд (Файзабад), Дарбанд (Сариджар), Гурканд (Гарм), Хаит, Ляхш, долину рек Сурхоб- Кызылсу- Дарауткурбан (Киргизия), Алайскую долину в Кашгар (совр. СУАР КНР). Хатлонский путь ответвлялся от Каратегинского на юг и из Душанбе уходил в Тамилот (Нурек)-Бурбан (Дангара)-Мунк (Ховалинг)- Хульбук (Курбоншаид)-Рустак (Сайед) –Пархар –Ковбандж (Пяндж) –Халовард (Колхозабад-Левканд (Курган-тюбе-Кобадиян-Балх (совр. Афганистан) и далее до южной ветви Великого Шелкового пути.⁸

В начале нашей эры первая сухопутная трасса, проходящая через Бактрию, Иранское плато в Римскую империю имела исключительно важную роль. Несмотря на сложность южного пути, он был под надежной защитой государства Кирпанд. Здесь была создана многофункциональная инфраструктура для путешественников. Даже сложные горные участки путей были снабжены сетью фортификационных сооружений и крепостей для приюта и обеспечения безопасности караванов. Наиболее значительные фортификационные сооружения Памира можно отнести к кушанской эпохе, когда складывается первая трансконтинентальная трасса. Памирская горная цепь была узлом, где пересекались международные связи в кушанский и эфталитский периоды. Функция крепостей Памира определялась исторической ситуацией и могла быть различной: контролируя древние торговые пути, эти крепости были либо центрами небольших независимых владений, либо играла пограничную роль, входя в состав большого государственного образования, как Кирпанд. Во всяком случае, создание таких больших крепостей как Каахка и Ямчун предполагает существование централизованной

⁸ Мамадназаров М.Х. Таджикистан на Великом Шелковом пути. Путеводитель. Душанбе:Дониш, 1999, 36 с.; Майтдинова Г. Цивилизационная роль Великого шелкового пути //Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2009, с.41

власти, распространявшейся не только на долину Вахана, но и на весь Бадахшан в целом. Возможно, эти грандиозные крепости служили промежуточным пунктом остановки правителей Кирпанда на пути перехода из центральной резиденции в Балхе в летнюю резиденцию в Пешаваре. Одновременно они выполняли функции жизнеобеспечения торговых караванов и контролировали дороги. Очевидно одно, что крепости Шугнана, Вахана и Сарыкола ясно показывают направление основных древних маршрутов, связывающих Восток-Запад. Крепостные сооружения, расположенные от низовьев долины Вахана до истоков Пянджа, включая памятники Сарыкола, свидетельствуют о том, что линия Ваханского пути особенно с кушанского времени была важным центром коммуникаций Памиро-Гиндикушского горного узла.⁹

Уже с 1 в. до н.э. через Памир и Припамирье существовали следующие пути:

Шугнанский путь – единственный путь, пересекавший Памир с востока на запад в широтном направлении. Он шел по линии: Яркенд-Ташкурган-Аличур-Гунт-оз. Шива-Файзабад-Балх. Одновременно Шугнанский путь являлся северной ветвью Южного пути из Китая в государства Запада. Ваханский путь, проходящий по югу Памира вдоль северных склонов Гиндукуша по линии Яркенд-Ташкурган-Вахан-Ишкашим-Зебак-Файзабад-Балх. Маршрут из Ташкургана в Вахан проходил тремя путями: по р. Памир, по р. Вахандарья и по р. Вахджир через одноименный перевал. Наиболее удобным был маршрут по р. Памир через оз. Зоркуль. Ваханский путь являлся главной ветвью Южного пути и был, видимо, самым важным путем Памира и Припамирья. Этот путь назван исследователями «буддийской дорогой» или «Великим Памирским путем». Ваханский путь являлся важнейшей линией связи через Памир между

⁹ Зелинский А.Н. Древние крепости на Памире.//Страны и народы. География, этнография, история. Вып.Ш. М., 1964, с.139-141

Синьцзяном, Бадахшаном, Тибетом и Северной Индией. Из Ваханского коридора путешественники выходили к Ташкургану – Каменной Башне и, далее - к стоянке торговцев, которая была конечным пунктом дороги из Средней Азии. После стоянки торговцев Великий Шелковый путь обходил с северной и южной сторон огромную пустыню Такла-Макан. Южный участок дороги шел через оазисы Яркенда, Хотана, Нии, Мирана и в районе Дуньхуана соединялся с северным участком дороги, который до этого пересекал оазисы Кизила, Кучи, Турфана. Далее дорога шла на восток вдоль Великой Китайской стены и подходила к Чаньани – столице Поднебесной. Цзибинский путь от Синьцзяна в Северную Индию по линии: оазис Гума-Кокъяр-Сарыкол-перевал Мингтеке-Кунджут был еще одной линией древних связей. Ферганский путь, проходящий через северо-восточную окраину Памира и связывающий Кашгар с Ферганой и другими районами Средней Азии по линии: Кашгар-Иркештам-перевал Терек – Даван – Суфи - Курган-Гульча - Фергана, служил продолжением Северного пути из Китая в страны Запада. Кроме того, существовали второстепенные пути по Алаю и Каратегину. Древние пути Памира и Припамирья играли жизненно важную роль в культурных, политических и торговых связях Кирпанда, а через него и всего Средиземноморского мира с бассейном Тарима и Дальним Востоком.¹⁰

Основными средствами передвижения из-за сложных дорог, проходящих по крутым горным перевалам и обширным пустыням, служили двугорбый верблюд – бактриан, а также лошади, ослы и яки, приспособленные к суровым условиям путешествия. Мало использовались телеги и повозки из-за сложности оазисных трасс.

¹⁰ Зелинский А.Н. Древние пути Памира. / Страны и народы. География, этнография, история. Вып.Ш. М., 1964,с.118-119; Ртвеладзе Э. Великий Шелковый путь, с.28

Великий Шелковый путь можно считать не только торговой сетью дорог, но и сетью межкультурной коммуникации. Торговые пути способствовали к многочисленным межкультурным взаимодействиям и приводили к передаче материальных ценностей, а также идей. Торговцы, миссионеры, паломники пользовались словесными и письменными элементами коммуникации, что способствовало распространению языков и письменности. В особенности этот обмен знаниями имел место в селениях и городах по всему пути. Таким образом, можно считать, что Великий Шелковый путь был дорогой и системой взаимообмена, которая значительно влияла на развитие цивилизаций, расположенных вдоль трассы. Особенную заслугу в процессах взаимообмена играли общества торговцев. Их сети, которые базировались на постоянных контактах, отличались от контактов других путешественников. Древние и средневековые торговцы являлись не только теми, кто перевозили материальные ценности, но и были теми, кто постоянно искал знания в других культурах и были хранителями этих информаций. Перевезенные ими товары служили толчком для новых инноваций и способствовали к пониманию других культур.

В раннем средневековье торговлю можно было бы назвать “торговлей странников”. Торговцы сопровождали товары странников и торговля не была специализирована на особых товарах. Начиная с 13 века в Европе только немногие коммерсанты отправлялись вместе с товаром. Странники начали продавать купеческие товары из определенных городов методом безналичной торговли, например, при помощи обмена писем. Чтобы лучше наладить свои контакты и торговлю, торговцы объединялись в общества. В Европе существовали, например, Общества по дальней торговле. Многие из этих обществ имели одну и ту же структуру, что позволяло коммерсантам на больших дистанциях иметь стабильную торговлю. Таким образом, их

контакты способствовали лучшему обмену знаниями. Таких, как, например, информации о дорогах, чужих странах и традициях купли-продажи.

Уже во время возникновения Великого Шелкового пути по ней торговали не только шелками. По трассе торговали фарфором, мехами, рабами, металлическими изделиями, пряностями, благовониями, лекарствами, слоновой костью, породистыми лошадьми, драгоценными камнями, диковинными животными и пр. По этой гигантской системе дорог вместе с караванами купцов двигались дипломатические посольства, паломники и путешественники.¹¹

Важной была цивилизаторская роль бактрийцев-тохаристанцев, согдийцев на трассах Шелкового пути. Уже в I У в. согдийцы, основали свои колонии вдоль путей, ведущих в Китай. Торговые фактории и поселения согдийских купцов, ремесленников и земледельцев в VI- VIII вв. распространялись на северо- восточные районы Средней Азии, в Синьцзян, Южную Сибирь, Монголию, Северный Китай, а на западе - до Крыма. Если согдийцы на трассах Шелкового пути способствовали распространению экономических и культурных достижений, то роль бактрийцев-тохаристанцев была особенно важна в распространении античного наследия на восток, в распространении буддийской культуры, традиций длительного сосуществования различных религиозных систем и течений. Созревшая на местных среднеазиатских традициях буддийское искусство и архитектура дали новый импульс развития буддийской культуры далеко на востоке - в Китае, Японии, Корее. Распространение буддизма по трассам Шелкового пути не означало уничтожения или поглощения местных верований, местных традиций. Это был сложный

¹¹ Майтдинова Г. Цивилизационная роль Великого Шелкового пути, с.42

процесс взаимодействия культурных ценностей и сложения основ современных цивилизаций.¹²

Результатом активных экономических связей в УП-середины УШ веков явилось значительное влияние дальневосточного монетного обращения на монетную систему Центральной Азии. Это воздействие сказалось в многочисленных выпусках бронзовых монет китайского типа с квадратным отверстием, с рамкой в центре и бортиком по краю. Пробразом их была монета с легендой «кайюаньтунбао», впервые чеканенная в 621 г. Эти монеты в течение долгого времени играли ведущую роль в торговле на Великом шелковом пути, будучи международной валютой. Монеты «кайюаньтунбао» уже в 30-х годах УП века копировались в Согде. И это не случайно. В международной торговле еще более усиливается роль согдийцев. Как известно, в узловых центрах Великого Шелкового пути существовали согдийские общины. Значительные согдийские колонии находились в Гуцзане (Лянчжоу) и Цзюцюане (Сучжоу), немало согдийских купцов обитало в танской столице Чанъане. Торговля играла значительную роль в экономической деятельности многочисленного согдийского населения «шести хуских округов» в Ордосе в УП-УШ веках. В оазисе Иу (Хами), лежащем на «северном пути», согдийские купцы в первой половине УП века занимали ведущее положение в транзитной торговле. Здесь согдийцы добились полной политической автономии. После 618 г. новые группы согдийских переселенцев во главе с «великим вождем» самаркандцем Яньтинамом основывают близ Лобнора четыре укрепленных поселения, одно из которых именовалось «Город винограда». В конце УП века в Ордосе возникла федерация шести согдийских колоний. Тексты,

¹² Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций Центральной Азии // Мат-лы Междунар. научн. конф. «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия.- Душанбе, 2007,с.89-91

обнаруженные в могильниках Астана и Караходжа, свидетельствуют, что в период существования государства Гаочан в УП-УШ вв. согдийцы составляли заметный процент населения оазиса и играли важную роль в караванной торговле. В УП-УШ вв. согдийская торговля, как показывают китайские документы, контролировалась гаочанскими государствами, а затем танской администрацией, однако согдийские купцы фактически держали в своих руках значительную часть северной и часть южной сухопутной международной караванной торговли, в частности на трассах, шедших через Таримский бассейн и Дуньхуан. Основными предметами торговли согдийских купцов в этот период были шелк, ткани из конопли, серебро, золото, медь, латунь, благовония и другие ароматические вещества, нашатырь, лекарственные травы и др. Активности согдийских купцов могло в известной мере способствовать их высокое общественное положение (в Согде в конце УП-начале УШ вв. они составляли второе сословие, следовавшее непосредственно после сословия военной аристократии), а роль согдийского языка и согдийской письменности на трассах Великого Шелкового пути определялась в первую очередь их применением в международной торговле и значимостью как средства коммуникации на обширном пространстве. В IX-X вв. согдийские буддийские, манихейские и христианские общины в Турфанском оазисе пользовались поддержкой уйгурских правителей Кочо. В начале X в. при поддержке Уйгурского княжества в Ганьчжоу согдийцы утвердили даже свою династию Цао.¹³

¹³ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь //Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.,1988, с.378-379; Кляшторный С.Г.,Лившиц В.А.Согдийцы в Центральной Азии //Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО «Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье». Ташкент, 1990, с.10-12

В конце УП – начале УШ вв. в связи с политическими изменениями в Центральной Азии сухопутный взаимообмен между цивилизациями Востока и Запада замедляется. В начале УШ века Мавераннахр (междуречье Аму-Дарьи и Сыр - Дарьи) окончательно был завоеван арабами. Политический кризис, связанный с захватом значительной части Центральной Азии арабами, ослабил экономические и политические связи региона с Танской империей и обусловил временное угасание транзитной торговли на Великом Шелковом пути. А со второй половины УШ века в системе международных связей Центральной Азии происходят важные изменения. В результате тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай за несколько десятилетий (60-90-е годы УШ в.) весь центральный участок Великого Шелкового пути, от Ичжоу до Ганьсуского коридора, попадает под тибетский контроль.¹⁴ Под тибетским контролем оказывается и бадахшанская часть Кирпанда. Все это способствовало сокращению сухопутной трансконтинентальной торговли и культурного взаимообмена. Политическая ситуация, вызвавшая упадок функционирования сухопутной трансконтинентальной трассы, привела на определенное время и к снижению развития некогда цветущих городских центров. Процесс упадка был медленным и комплексным, политические изменения дополнялись климатическими. Множество оазисов высыхало, города и монастыри оказывались в пустыне. Часть городов вдоль Шелкового Пути стали важными торговыми центрами исламского мира, другие превратились в провинциальные города, а третьи, в свою очередь, были вновь покинуты и на века засыпаны песками Такла-Макана.¹⁵ Кроме того, политическая ситуация из-за угрозы набега кочевников и сложная экономическая ситуация в течение

¹⁴ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь, с.280

¹⁵ Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шелкового пути. Лондон, Штутгард, Берлин, 1995. с. 27

нескольких веков в Китае способствовала перемещению в долины реки Янцзы и далее на юг хозяйственной и деловой активности, ориентированные на морскую торговлю.

Снижению роли сухопутной трассы в период средневековья, кроме политических и экологических проблем, способствовало развитие дальнего мореплавания. Морской путь был более выигранным: более высокая скорость кораблей, чем у караванов и больший объем грузоперевозок. Например, торговые корабли из Китая до Ормузского пролива добирались за 134 дня, а из Астрахани до Пекина по сухопутной трассе добирались караваны примерно за 260 дней при условии, если по пути мелкие правители не ведут между собой войн. Из Пекина в Самарканд и Бухару караваны добирались примерно от 6 до 9 месяцев. Один средний средневековый китайский корабль перевозил примерно 250 тонн груза, сколько мог перевезти караван в 1 тыс. вьючных животных. В основном эти факторы - абсолютное превосходство в скорости передвижения, дешевизне, способности к транспортировке значительных товарных масс – явились определяющими в том, что в течение средних веков все больше и все активней дальние международные связи смещались с суши на море. Индийский океан и прилегающие к нему моря превращались в самую удобную коммуникационную сеть, а на их побережьях сосредоточились все лучшие и крупнейшие торгово-ремесленные центры Азии. Самым важным в Персидском заливе портовым городом был процветающий Сираф, населенный персами и арабами. Здесь укомплектовывались корабли персоязычными командами: персидский язык служил международным языком на Южных морях, точно также как и согдийский - на сухопутных трассах.¹⁶

¹⁶ Петров А.М. Великий шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М., 1995, с.112-115; Шефер Э. Золотые персики

Некоторая активность взаимодействия народов на трансконтинентальных трассах Великого Шелкового пути в танский период постепенно идет на убыль к концу X века, хотя в значительный упадок приходит караванная торговля даже на отдельных участках Великого пути. Новый период оживления связей наступил после монгольских завоеваний в XIII веке и господства монгольской династии Юань в Китае, когда караванные пути становятся более безопасными. Особенно усиливается восстановление торговых и дипломатических сношений после образования в Китае централизованной империи Мин в XIV веке и укрепления династии тимуридов в Центральной Азии. Китайские источник «Мин ши лу» свидетельствует, что в период между 1368-1398 гг. посольства от Тимура прибывали в Китай девять раз. За период 1403-1449 гг. в Китай прибыли тридцать три посольские миссии из Самарканда и четырнадцать из Герата. Кроме того, в китайских источниках сообщается, что за это время Китай также посетили три посольства из Ходжента, Андигана и Маргилана.¹⁷ В период династии Мин внешняя торговля в Китае строго контролировалась государством и могла развиваться только в виде государственной, а нарушение этого монопольного права частными лицами сурово каралось. Основной контроль по пропуску иностранных купцов осуществлялся на таможенных заставах, как на границе Китая, так и в некоторых внутренних городах. Несмотря на большое значение сухопутной трассы, связывающей государства Центральной Азии с Китаем, к середине XV века Поднебесная постепенно ограничивает свои контакты с иностранными государствами. Дело в том, что в этот период

Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981, с.26-27

¹⁷ Watanabe H. Fn Index of Embassie and Tribute Missions from Islamic Countries to Ming China (1368-1644) as Recorded in the Ming Shih-lu//Memories of the Toyo Bunko. № 33. Tokyo, 1975, p.285

усиливается в торговле Восток-Запад роль морской трассы. В это же время минский двор стал с большим трудом справляться с принятием все чаще прибывавших посольств из различных стран, численность которых порой доходила до 2-3 тыс. человек. Содержание иноземных посольств во время их 6-9 –месячного пребывания в Китае требовало огромных средств и основательно опустошало императорскую казну. Это повлекло за собой принятие ряда специальных мер по ограничению численности и регламентированию периодичности прибытия иностранных посольств ко двору. Иностранным купцам не разрешалось следовать внутри страны дальше пограничных городов Сучжоу и Ганьчжоу. Причем пропускали через таможенную иностранную купеческие караваны численностью не более 200 человек, посланник внутри страны мог иметь свиту не более 100 человек, а в столицу Пекина (Ханбалык) посольства пропускали только в количестве не более двадцати человек. Послы и купцы обязаны были лишиться людей и вьючных животных оставлять в городе Ганьчжоу и следовать в Пекин уже в сопровождении китайцев. В этот период из Китая вывозился на запад в большом количестве чай, шелк, бумага, китайские бумажные деньги, серебро, фарфоровая посуда и облицовочные плитки, мускус, ревень и пр., а в Поднебесную поставляли ткани, лошадей и других домашних животных, экзотических животных (львов, леопардов), драгоценные камни, лекарственные растения, ароматические вещества, металлы, предметы светского обихода, птиц, меха и перья. Привозили музыкантов, танцоров, искусных художников.¹⁸ Многие центральноазиатские предметы были ценны тем, что были экзотичны для Китая.

Транзитная караванная дорога, соединявшая Запад и Восток в XV-XIII вв., сохраняет свои традиционные

¹⁸ Буриев О., Колганов А. Об одном участке Великого Шелкового пути.//На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990, с. 112-115

маршруты, выработанные еще в древности. Несмотря на повышения роли морских путей, участие центральноазиатских купцов в трансконтинентальной торговле продолжалось, хотя и в значительно меньших объемах. Торговые и посольские караваны, следовавшие из Средней Азии в Китай, шли северным маршрутом – через Семиречье-или южным – через Ферганскую долину. Важные пути проходили через нынешний Синьцзян. Далее путь шел по двум направлениям: по северному – через Турфан и Кумул, и южному – через Кашгар, Хотан и Яркенд. Эти направления были известны как главные ветви Великого Шелкового пути. Они соединялись на западе Великой китайской стены, где располагалась китайская таможня. Кроме главных дорог существовали более мелкие, определяемые как «самаркандская», «бадахшанская» и др. К началу ХУ1 века относится указание о караване, возвращавшемся с товарами из Китая через Андижанский (Андиганский) перевал, где пересекались самаркандская, каратегинская и бадахшанская дороги. Как свидетельствует Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфакхани, через Андижан к городу Йаси доставлялись «товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам».¹⁹

С ХУ1 века вновь слабеет уровень торгово-дипломатических отношений Средней Азии и Китая. Одной из причин было обострение политических отношений между государствами Шейбанидов и сефевидским Ираном, усиление междоусобицы в Семиречье. Общая нестабильность в центральноазиатском регионе и сложная международная обстановка в конце XVII –середине XVIII века значительно ослабили торгово-дипломатические связи на традиционных трассах Великого Шелкового пути.

¹⁹ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976, с.141

Глава 2. Роль коммуникаций в сложении этнокультурных традиции народов Центральной Азии в древности и в раннем средневековье

2.1. Этнические процессы и сложение этнокультурных традиций в Центральной Азии в кушанский период

Великий Шелковый путь способствовал не только интенсификации формированию Больших интегрированных пространств (империй – Римской, Парфянской, Кирпандской, Ханьской), но и ускорил этнические процессы вдоль трасс. Южные и северные трассы Великого пути обеспечивали жизнедеятельность каждого отдельного общества, а также определяли характер, направление, интенсивность связей с другими народами. Вдоль трасс создавались торговые поселения, по этим путям пролегли маршруты древних миграций народов. Имеющиеся археологические, антропологические, письменные источники свидетельствуют о сложных этнических процессах, об активной урбанизации и оседании кочевников в оседлоземледельческих оазисах.

Этническая структура Центральной Азии на момент прихода ко власти Кушанской династии до настоящего времени не достаточно исследована, что связано не только сложностью проблемы, но и ограниченностью введенных в науку первоисточников. Все еще вызывает дискуссию проблема происхождения кочевых народов, разрушивших Греко-Бактрийское царство. Даже отождествление племенных названий, фигурирующих в западных и восточных источниках, до сих пор могут считаться гипотетическими до появления новых данных.

Изучение обстоятельств крушения Греко-Бактрийского царства и роли кочевых племен в этом важном событии истории Центральной Азии было начато трудами русского академика Байера (1738 г.) по данным античных авторов и

французского сиолога Дегиня (1758 г.) по китайским хроникам. И только в связи с развернувшимися археологическими исследованиями погребальных памятников кочевников Евразии появляются гипотезы об идентификации памятников юечжийских племен.²⁰ Среди множества исследований наиболее обоснованной выглядит гипотеза Мандельштама А.М., который сопоставил с юечжами три могильника- Тулхарский, Аруктауский и Кокумский, находящиеся в южнотаджикской Бишкентской долине, а также расположенный на правом берегу Амударьи Бабашовский могильник. Могильники датируются в пределах конца II в. до н.э.-II в. н.э. А.М. Мандельштам выдвинул гипотезу о том, что погребальные материалы из вышеуказанных памятников непосредственно связаны с кочевниками, которые участвовали в уничтожении Греко-бактрийского царства и создании Кушанской династии.²¹ Позже Ю.А. Заднепровский поставил вопрос о сходстве аналогичных памятников Семиречья, Ферганы, Бухарского оазиса, Синьцзяна, Ганьсу с Тулхарской группой и о связи их с юечжами. Распространение этих памятников, как считает Ю.А. Заднепровский, видимо, отражал сложный процесс расселения и передвижения юечжийских племен с востока в сторону Бактрии.²² Данные о путях миграции юечжей, засвидетельствованные в китайских хрониках, совпадают с археологическими наблюдениями.

Юечжи, могущественный племенной союз центральноазиатских кочевников, известен под этим именем только из китайских источников. Китайский историк Сым

²⁰ Заднепровский Ю.А. Юечжи в свете новейших археологических данных //Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1994-1995 гг. Краткое содержание докладов.СПб., 1997, с.24-25

²¹ Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных //Центральная Азия в кушанскую эпоху.Том.1. М.:Наука, 1974, с.190

²² Заднепровский Ю.А. Указ. раб., с.25

Цянь в своих записях располагает коренную территорию юечжей в конце III в. до н.э. «между Дуньхуаном и Цилянью», то есть в юго-западной части провинции Ганьсу, но японский исследователь Кадзуо Еноки утверждает, что здесь находились лишь основные центры юечжей, привязанные к древней трансзиатской торговой трассе. Северо-восточные отроги Циляна – коридор Хеси – с глубокой древности известен как место, где сходились торговые пути в Китай с севера и запада. Наиболее древним (I тыс. до н.э.) считается Нефритовый путь, связывавший район добычи нефрита с областями Яркенда и Хотана с Северным Китаем. Есть гипотеза о том, что юечжи были посредниками в торговле нефритом. Эгами Намио считает возможным толковать имя «юечжи» как «народ нефрита».²³ Реальная власть юечжийских вождей и расселение их племен распространились тогда на большую часть Монголии, Джунгарии, Тянь-Шань, где они соседствовали с усунями, а также на Таримский бассейн и верховья Хуанхэ.²⁴ Сым Цянь пишет, что «...когда же Маодунь-шаньюй напал и разгромил Юечжи... юечжи ушли далеко, миновали Давань (Фергану) и к западу (от нее) нанесли удар по Дася (Бактрии), но подчинились ей. Поселились (ду) к северу от р. Гуйшуй, (где и) основали ставку (тин) правителя. Немногочисленные остатки их народа, что не смогли уйти, закрепились в южных горах, и цяны назвали (их владение) Малым Юечжи. Дася же изначально не имела верховного главы, а города и земли ставили обычно малых глав. Народ был слаб и боялся войны. Поэтому юечжи переселились сюда, и все (владения Дася)

²³ Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II-I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2000, с.245

²⁴ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. С-Пб., 2000, с.54

подчинились им.²⁵ Китайские источники упоминают в Средней Азии кроме да-юечжи также кочевые племена кангюй (канцзюй), усунь и сэ (саки), которых не связывают с завоеванием Бактрии. По данным «Ханьшу» определенная часть племен сэ (саков) под натиском да-юечжи двинулась на юг через «Висячий проход», и заняла Гибинь (Гандхара или Кашмир).²⁶ Разгром Греко-бактрийского царства и завоевание Бактрии были, вероятно, осуществлены не одним племенем прищельцев, а группой племен, для значительной части которых северные и северо-восточные районы Междуречья были не местом транзита, а территорией постоянного обитания.²⁷ На момент распада Греко-Бактрийского царства, этническая структура среднеазиатского региона, судя по письменным и археологическим источникам, состояла из оседлоземледельческого населения, оседлых и полuosедлых групп скотоводов и кочевников и, во-вторых, местных скотоводов и кочевников, а также пришлых. Так, массагеты, дахи, арии, туры, сай (сайрама), саки заяксартские – это были местные скотоводы, включавшие в свои объединения как разные по степени оседлости группы населения, так и кочевников с дальними маршрутами сезонных передвижений. В отличие от них племена или объединения их, известные под именами юечжи, тохары и другие вторглись в регион извне.²⁸ Земледельческие оазисы юга среднеазиатского региона и востока Иранского нагорья, в том числе Бактрия, ко времени прихода кочевников-тохаров, из среды которых вышла династия Кушанов, были населены ираноязычным

²⁵ Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II-I веках до н.э., с.163-164

²⁶ Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с.101

²⁷ Ставиский Б.Я. Указ. раб., с.103

²⁸ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999, с.303-304

населением, занимавшим промежуточное положение между носителями западных и восточных иранских языков.²⁹

Согласно греческим авторам, «наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно асии, пасианы, тохары, сакаровалы, вышедшие с того берега Яксарта (Сыр-Дарьи) что подле саков и согдианов и занят саками» (Страбон, X1,8,2). Если учесть, что Яксарт, служившей в среднем течении естественной границей между кочевым и оседло-земледельческим мирами, станет ясно общее северное (по отношению к Бактрии) местонахождение перечисленных кочевых племен. Страбон называет не все кочевые племена, а лишь «наиболее известные», что в косвенной форме свидетельствует об огромных масштабах военной экспансии. Римский историк Помпей Трог упоминает две кочевые народности, принимавшие участие в походе – сарауков и асианов. Согласно Юстину, соседней Парфии уже пришлось столкнуться с воинственными кочевниками-тохарами. Греко-римские авторы единодушны в том, что гибель Греко-бактрийского царства связана с военным вторжением кочевников – огромного кочевого союза или конфедерации племен, хлынувших в оазисы с севера, из-за Сырдарьи.³⁰ Локализация племен у Птолемея (У1,14,14) следующая: в местности ограниченной с востока Оксийскими горами, на участке вблизи устья Яксарта и части побережья между двумя реками, живут ариаки, ниже-намасты, дальше – «сагарауки». Если рассматривать отмеченное расселение племен вдоль Яксарта в связи с торговым путем, к которому скорее всего относятся сведения источника Птолемея, то сакараваки должны размещаться где-

²⁹ Пьянков И.В. К вопросу об этнической и языковой ситуации в Бактрии ко времени возникновения кушанской державы. // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999, с.42

³⁰ Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989, с.171

то на Средней Сырдарье, между ариаками и намастами с одной стороны и тохарами – с другой.³¹

Тезис об этнополитической неоднородности юечжийского племенного союза получил подтверждение в результате исследования петроглифических находок в Юго-Западной Монголии, где на скалах ущелья Цагангол (Гобиалтайский аймак), следы наскальных рисунков, помещался комплекс тамговых знаков. Российский исследователь Б.И. Вайнберг изучила возможные связи цагангольских тамг и показала их единство по начертанию и происхождению с группой тамг Средней Азии и Причерноморья – с тамгами на монетах царей Хорезма, Согда, Бухары, а также с сарматскими тамгами. Еще ранее ею было установлено, что родственные династии Согда, Бухары и Хорезма II-1 вв. до н.э. вышли из среды кочевых племен, принимавших участие в разгроме Греко-Бактрии, но вместе с тем они никак не были связаны с кушанской династией. Б.И. Вайнберг именует их «юечжами дома Чжаову», с которыми были связаны все правящие «дома», созданные юечжами к северу от Бактрии. Очевидно, что та ветвь юечжийских племен, тамги которой зафиксированы в Гобийском Алтае, а позднее – в Согде, Бухаре и Хорезме, не была идентична южной кушанской группе юечжей. По своим генетическим связям северные юечжи тяготели к сарматским племенам Казахстана и Приуралья. Этнополитическое разделение юечжийских племен их «владельческих домов» во II-1 вв. до н.э. на северную и южную группы отражает распад юечжийского (тохарского) многоплеменного объединения, создавшего до того во Внутренней Монголии архаичную кочевническую империю.³²

А.М. Мандельштам допускает, что каждый тип погребального сооружения кочевников, исследованные в

³¹ Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. С.250.

³² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. С.56-57

Северной Бактрии, соответствовал одному из племен, участвовавших в захвате Греко-бактрийского царства. Например, анализ самой многочисленной серии черепов, происходящей из Тулхарского могильника, позволил установить, что все они принадлежат к европоидной расе и характеризуются чертами, позволяющими говорить о генетической связи с племенами андроновской культуры. Особенно большая близость устанавливается с черепами из памятников Приаралья, предположительно относимых к апасиакам. Черепа из других могильников Северной Бактрии представлены несколькими типами.³³ Здесь можно проследить северный (андроновский), и южный (средиземноморский) расовые типы и их переходные формы к типу Среднеазиатского междуречья. На половине из изученных черепов был отмечен такой этнокультурный признак, как прижизненная деформация по лобно-затылочному типу. Что касается расового состава оседлого населения среднеазиатского Междуречья, то он восходит в своей основе к расам более древнего автохтонного населения эпохи бронзы. Последнее на юге Междуречья относилось к средиземноморскому типу европоидной расы, а на северо-западе – к восточной ветви северо-европейской (протоевропейской) расы. Оседлое население в южных и восточных районах Междуречья в основном относилось к типу Среднеазиатского междуречья, а в Приаралье антропологический тип местного оседлого населения в это время было ближе к средиземноморскому расовому типу. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в первые века н.э. характеризовалось уже более разнообразными расовыми типами, чем оседлое. Но и кочевое и оседлое население обладало многими общими расовыми чертами, одинаково восходя к более древнему населению Средней Азии, Южного Поволжья, степного пояса и бассейна Тарима.

³³ Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан ..., с.194

Это явилось следствием того, что юечжи, из среды которых вышла господствующая династия кушан, распространили на местное население не только свою политическую власть. Здесь постепенно шел процесс ассимиляции. В кушанский период вплоть до УШ века особенно усиливается кольцевая искусственная деформация головы в Бактрии-Тохаристане, Согде, Фергане и т.д. Обычно деформация наблюдается на отдельных черепах или как доминирующий признак в отдельной группе и, как считает Зезенкова В. Я., деформировали голову какая-то часть населения или отдельные индивиды. Следует отметить, что деформация головы, погребения в могилах катакомбного и подбойного типа быстро распространяются на территории среднеазиатского Междуречья не только среди кочевого, но и среди оседлого населения.³⁴ Учитывая, что традиции деформации черепа наблюдаются и у царей (наблюдаются на портретах царей на кушанских и эфталитских монетах) и у широкого круга населения, различающегося по антропологическому типу, надо полагать, что этот обычай указывает на благородство происхождения, а не на этническую принадлежность.

В кушанскую эпоху расовые типы древности в ходе ассимиляционных процессов смешиваются между собой. В этот период этноконсалидационные процессы охватывают разных по происхождению племена, о чем свидетельствуют исследования антрополога Зезенковой В.Я. Анализ показывает, что в ископаемом краниологическом материале кушанского времени наблюдается наличие следующих европоидных антропологических типов: варианты

³⁴ Гинзбург В.В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения среднеазиатского Междуречья в кушанскую эпоху. //Центральная Азия в кушанскую эпоху.М.,1974, с.219-223; Зезенкова В.Я. Некоторые краниологические материалы кушанского времени в Средней Азии.// Центральная Азия в кушанскую эпоху.М.,1974, с. 232.

средиземноморского типа; черепа, сходные с типом Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганским); переходные формы между этими типами с примесью арменоидного, андроновского типов и экваториальных черт. Монголоидный тип единичен или отмечен только в качестве незначительной примеси. Средиземноморский тип, известный в Междуречье еще с эпохи неолита, послужил базой, из которой в процессе сложного и длительного формирования образовался тип Среднеазиатского междуречья. Анализ краниологического материала, кушанского периода, сделанный Зезенковой В.Я., показал о наличии разных антропологических типов, никак не связанных со способом погребения, и отражает стадию формирования народов и их большое передвижение, причем это массовое передвижение и процесс формирования связаны с предыдущим периодом и являются его прямым продолжением. Обельченко О.В. полагает, что большая близость между курганными погребениями II в. до н.э. на территории Бухарского Согда и синхронными погребениями Приуралья и Поволжья, заселенного в этот период сарматскими племенами, позволяет считать эти захоронения принадлежащими племенам вторгшимся в южные районы Междуречья с севера.³⁵ Б.Я. Ставиский считает, что какая то часть кочевников действительно пришла из глубинной Центральной Азии, но значительное место среди них составляли обитатели северных районов Средней Азии. Во-первых, естественно предполагать, что населявшие эти районы степные племена сарматоидного круга при любом значительном движении с севера, северо-востока или северо-запада племен, близких им по культуре, оказывались вовлеченными в это движение; в этой связи показательно, что китайские источники, повествуя о движении юечжи, отмечают вызванные им перемещения усуней и саков. Во —

³⁵ Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе. //Центральная Азия в кушанскую эпоху, с.208

вторых, анализ черепов, обнаруженных при раскопках северобактрийских могильников, показал, что при довольно пестром в антропологическом отношении составе погребенных (свидетельство смешанного этнического состава), значительная часть черепов наиболее близка к серии черепов приаральских саков, антропологический тип которых известен здесь еще с эпохи бронзы.³⁶

Ископаемый краниеологический материал свидетельствует о том, что в этот период смешение происходило в огромном масштабе. Кочевые племена включили в свой состав антропологический тип местного населения, а местное население ассимилировало кочевые и полукочевые племена, с которыми оно сталкивалось в ходе исторических событий.³⁷ Особенно в южной части центральноазиатского региона шел активный процесс этногенеза и параллельно шел синтез культур автохтонного населения и пришлых кочевых народов. Действительно, процесс этногенеза и культурогенеза народов Центральной Азии был взаимосвязанным процессом. Переселившись на земли Северной Бактрии, юечжи сохранили свой традиционный вид хозяйства и образ жизни на первоначальном этапе. При этом, вероятнее всего, что они ограничились получением дани и признанием своего верховенства со стороны многочисленных местных владетелей, поделивших бывшее эллинистическое царство. Размещение кочевнических курганов на окраинах оазисов и в неземледельческих местностях позволило А.М. Мандельштаму предположить, что кочевые завоеватели не ставили перед собой цели подорвать хозяйственную основу коренного земледельческого населения, напротив, они пытались, видимо, оградить посеvy от возможных потрав, а оросительные системы от разрушения (или использования их не по назначению). Кочевые завоеватели Бактрии, видимо, с

³⁶ Ставиский Б.Я. Указ.раб., с.107

³⁷ Зезенкова В.Я. некоторые краниеологические материалы кушанского времени в Средней Азии, с.231

самого начала стремились не к единовременному грабежу местного земледельческого населения, а к длительному господству и сосуществованию с ним.³⁸

Специфика взаимоотношений кочевников с коренным населением Бактрии, вырисовывающиеся по археологическим данным, указывает на то, что завоевание не преследовало цели простого захвата земель для освоения их под скотоводство. Можно предположить, что намерения завоевателей были иными: создать на новой территории основу для государства, в котором господствующая кочевническая часть населения имела бы постоянный источник продуктов земледелия и ремесла, обеспечиваемый прочностью хозяйственной основы подвластного оседлого населения.³⁹

Местонахождение курганных могильников юечжей преимущественно в местах не дающих оптимальные возможности для содержания скота и тяготение многих небольших из них к оазисам показывает, что кочевники, при выборе места обитания, руководствовались, чаще всего, не чисто экономическими, а еще иными – политическими соображениями. Несомненно, не случайно Бишкентская группа и Бабашевский могильник расположены вблизи от Амударьи и недалеко от важных переправ через нее; очевидно, племена, которым они принадлежали, обеспечивали охрану границы и пути связей с южной частью Бактрии. Часть небольших курганных групп, судя по их расположению, вероятно, связана с подразделениями непосредственно контролировавшими оазисы. Во всем этом имеется определенная закономерность, отражающая специфику взаимоотношений двух частей населения, сложившуюся в

³⁸ Ставиский Б.Я. Указ.раб., с.105

³⁹ Мандельштам А.М.Происхождение и ранняя история кушан..., с.195-196

итоге перехода политической власти к пришельцам – юечжийским племенам.⁴⁰

Этническая консолидация изначально сопровождается культурной интеграцией пришлых кочевников и местного оседлоземледельческого населения. Постоянный контакт с коренным населением должен был оказывать заметное влияние на культуру кочевников, о чем свидетельствует археологический материал. Вся керамика, составляющая значительную часть сопровождающего инвентаря в исследованных могильниках, изготовлена на круге и по формам несомненно принадлежит к изделиям оседлого населения. Изделиями бактрийских ремесленников являются также многие предметы различного назначения и украшения, изготовленные из латуни, причем значительная часть из них явно воспроизводит вещи, характерные для культуры кочевников. Влияние кочевников, вероятно, отражают некоторые варианты керамики (круглодонные миски и широкодонные кувшины). Это свидетельствует о воздействии вкусов и потребностей пришлого населения на местное производство. В то же время в могильниках имеются случаи, когда погребенным в рот клали серебряный обол. Кроме того, известны случаи захоронения детей в хумах. Здесь прослеживается явное воздействие земледельческого населения уже не только на материальную культуру, но и также и на идеологические представления кочевников.⁴¹ На смену культуре эллинистического периода, когда господствовала античная традиция, возникла синкретическая, вобравшая в себя самые разнообразные элементы мотивы, своеобразная культура, поставленная на службу местной власти и поддерживаемых ею религий и культов.

⁴⁰ Мандельштам А.М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. // Ариана и Арйанведжа. Худжанд, 2006, с.276

⁴¹ Мандельштам А.М. История скотоводческих племен и ранних кочевников, с.276

Сложной научной проблемой до сих пор является этнолингвистическая идентификация юечжей, несмотря на наличие большого количества письменных первоисточников. Крупнейшие исследователи Центральной Азии Г. Хэлоун, Намио Эгами и Кадзуо Еноки связывают юечжей со скифо-сакской этнокультурной общностью. Не менее распространена и другая позиция, согласно которой юечжи являются тем самым народом, который в античных и индийских источниках именуется тохарами. Такая идентификация серьезно подкреплена текстами середины и второй половины 1 тыс. н.э., обнаруженными в Синьцзяне и связывает юечжей с тохарами Таримского бассейна, говорившими и писавшими на диалектах архаичного индоевропейского языка (тохарский А и тохарский Б).⁴² В свое время еще Бернштам А.Н. отмечал, опираясь на сведения Сюань Цзана, что историко-культурная область Тохаристан включала не только современные территории южного Таджикистана, южного Узбекистана, и северный Афганистан, но и южные области Синьцзяна. Многочисленные языки этих областей представляли собой диалекты иранских языков, лучше всего отраженных в письменных документах из оазисов Хотана, Нии, Эндеры и библиотек, открытых в Дуньхуане. Иранскому языку «хотани» (Кирсте), еще именуемого сакским (Людерс Лекок), «северноарийским» (Лейман), тохарским (Сталь-Гольштейн) языком П, находят больше всего параллелей в припамирских языках.⁴³

Археологические открытия языковых материалов кушанского периода в Центральной Азии позволили прояснить в какой-то степени проблему об

⁴² Иванов В.В. Языковые данные о происхождении Кушанской династии и тохарская проблема. // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М., 1967, №3, с.117-118

⁴³ Бернштам А.Н. К вопросу об усунь/кушан и тохарах (из истории Центральной Азии). // Советская этнография. М., 1947, № 3, с.42

этнолингвистической принадлежности юечжей. В. А. Лившиц считает, что юечжи принесли в Бактрию сакский диалект, прямо связанный с хотано-сакскими диалектами Синьцзяна. Сакский язык кушан растворился в местной среде в результате ассимиляции пришельцев в виду, возможно, близости этнического происхождения. В.В. Иванов не исключал тохарской принадлежности первоначального языка тохар-кушан, имея в виду тохарский диалект Кучи. Вальтер Хенинг доказал, что на большой Сурх-Котальской надписи из Северного Афганистана засвидетельствован местный бактрийский язык – язык древней и раннесредневековой Бактрии. Эпиграфист Андрэ Марик язык сурхкотальской надписи определил как «истинно тохарский» (этео-тохарский), в своей статье разъяснил, что он имел в виду также язык коренного оседлого населения Бактрии – тот язык, диалекты которого сохранялись еще в конце X-начале XI веков, как об этом свидетельствует аль-Бируни как о диалектах ал-балхия, ал-тухария.⁴⁴

Как известно, в более поздних в уйгурских текстах VIII-X веков упоминается язык «toxri». Этим термином, по-мнению А.Н. Бернштама, уйгуры именовали все ираноязычное население Восточного и Западного Тохаристана, включая и согдийцев. Основание к этому у уйгуров было то, что страна ираноязычных племен юга Туркестана именовалась Тохаристан, так же как именовались ираноязычные племена, расположенные по верховьям Аму-дарьи, в Припамирье и в Афганистане, т.е. в западном Тохаристане. В этом отношении уйгуры были правы, когда они заявляли в карабалгасунской надписи о «четырех toxri» -речь идет об ираноязычных племенах; 1. Южного Тохаристана; 2. Западного Тохаристана; 3.Согда; 4. Согдийцах северного и южного Тяньшаня. Видимо, «toxri» - собирательное название

⁴⁴ Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык.//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1.М.,1974, с.313

ираноязычных племен Азии.⁴⁵ Между тем, в Орхонских надписях УШ века в значении «люди нетюркского происхождения» упоминается термин «тат», т.е. имеются в виду, видимо, среднеазиатские ираноязычные народы, с которыми приходилось сталкиваться тюркам в этот период. Подтверждением именно этого значения термина «тат» являются приводимые С.Г. Кляшторным сведения из словаря Махмуда Кашгарского (XI в.), где говорится, что «тат у всех тюрков это каждый кто говорит на иранском языке».⁴⁶ Видимо, термин «тохгi» идентифицируется с ираноязычным населением определенной историко-культурной области, а термин «тат» определяет носителя, говорящего на восточноиранском языке. Позже от соединения тат+джик (джик-тюркский аффикс) образовался этноним «таджик». Орхонские надписи локализуют местоположение народов, говорящих на иранских языках, а письменные данные Махмуда Кашгарского отождествляет этнонимом «тат» с ираноязычным населением Центральной Азии восходящее по крайней мере к УШ в.

Нумизматические данные и памятники письменности свидетельствуют, что впервые на монетах бактрийская письменность появляется в правление Канишки 1. Первые кушанские цари, как и их предшественники, использовали письменности, которые имели уже прочную традицию – индийские и греческую, равно как в соответствующие языки – санскрит в письменности брахми, пракрит в письменности кхарошти и греческий. Судьба письменности в Бактрии отличалась от других областей Центральной Азии. В то время как в Согде, Парфии, Хорезме, равно как на западе и юго-

⁴⁵ Бернштам А.Н. К вопросу об усунь/кушан и тохарах, с.43

⁴⁶ Люшкевич Ф.Д. Некоторые этнографические данные о татах Ирана (к вопросу о терминах «тат» и «таджик»). // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам работы института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. (11-13 апреля 1967 г.). Л., 1967, с.32

западе Ирана, возникли местные письменности на арамейской основе, в Бактрии такое письмо имело ограниченное распространение. В Бактрии устойчиво сохранялись традиции греческой письменности. Первый этап развития бактрийского письма демонстрируют легенды монет, надписи Сурх-Котала. Своеобразие генезиса бактрийской письменности состояло в том, что на основе греческого делового курсива было создано так называемое монументальное или лапидарное письмо, которое характеризуется сочетанием квадратных, остроугольных и округлых форм букв. Бактрийское письмо возникло только при Канишке 1. Внедрение этой письменности, означавшее переход от греческого к бактрийскому, сопровождалось лишь минимальными графическими реформами.⁴⁷

Немногочисленные пришлые юечжи, видимо, переняли письменный язык местного оседлого населения. Бактрийское письмо вошло в обиход уже в 1 в. н.э. На юге, в Бактрии распространяется бактрийское письмо и осуществляется переход в государственной политике Кирпанда на бактрийский язык и письмо. В эпоху Канишки эта письменность и язык стали государственными. Об этом говорит эдикт царя Канишки I в надписи из Рабатака (Северный Афганистан); "И он (Канишка) издал эдикт на греческом языке, а затем переложил его на арийский язык (т. е. на бактрийский)". Арийский язык был языком коммуникации на огромном пространстве Кушанской империи, наряду с двумя официальными с местными языками. Бактрийская (арийская) письменность бытовала в Бактрии - Тохаристане от 1 вв. до начала УШ века, то есть до конца существования государства Кирпанд.

Вместе с тем, на известном памятнике из Дашти-Навура – на каменной плите зафиксирована трилингва: на бактрийском, кхарошти и «неизвестным» письмом. Надписи «неизвестным» письмом известны из Каратепа, Хатын-

⁴⁷ Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык, с.318-319

Рабада, Кош-тепа, Кампыр-тепа, Старого Термеза, Сурх-Котала, Ай-Ханума. За пределами Кирпанда найдены лишь три надписи – курган Иссык, Дашти-Навур, Старый Мерв. Видимо, именно Бактрия была основным центром бытования неизвестной письменности, являясь также одной из трех официально-признанных в Кушанской империи письменностей. Известный исследователь Центральной Азии Э.В. Ртвеладзе предложил сенсационную гипотезу. Он считает, что неизвестная письменность должна отражать язык народа, составляющего в Кирпанде кушанского периода значительный пласт населения и игравшего важную роль в религиозной и административной жизни, или язык правящей династии и привилегированного слоя населения. Основную массу автохтонного населения в Бактрии составляли собственно бактрийцы – этносы восточно-иранского происхождения, письменность и язык которых отражен во многих памятниках. Три значительных этноса Бактрии имели свою письменность. Две из них – бактрийская и кхарошти – применены в надписи из Дашти-Навура, так как первая из них отражала язык еще основной массы коренного населения Кирпанда, а вторая – язык населения индийских колоний и буддийской религии, игравшей исключительно важную роль в жизни кушанского общества. Третий пласт населения Кирпанда, игравшие важную роль в политической жизни общества были скотоводческие народы юечжи и тохары (возможно, они – один и тот же народ), язык и письменность которых до сих пор не определена. Поскольку роль юечжей в истории Кирпанда была велика, а в трилингве из Дашти-Навура «неизвестная» письменность фигурирует как официальная наряду с кхарошти и бактрийской, то, возможно, что неизвестная письменность передает юечжийско-тохарский язык. Эта письменность была не только официальной, но и употреблявшейся в народной

среде, если судить по надписям на керамике из сельских поселений.⁴⁸

Таким образом, именно в кушанский период происходит консолидация этнических единиц на территории Центральной Азии. В центральноазиатском регионе возникают две крупные этнические общности – бактрийско-тохаристанская и парфянская. Парфянский язык относился к северозападной группе иранских языков, но с заметным следом в лексике восточноиранского диалекта. Придание бактрийскому языку статуса официального в рамках империи способствовало процессам этнической консолидации. Вторгшиеся в Бактрию кочевники, как мы выше отмечали, говорили на языках восточноиранской группы, в лингвистическом отношении были ассимилированы, оставив в бактрийском языке единичные заимствования. Для Бактрии устойчивым феноменом в кушанский период является массовая традиционная культура, отличающаяся урбанистическим обликом и в равной степени представленная как в крупных центрах, так и на сельских поселениях. Именно распространение кушанского культурного комплекса позволяет определить границы Бактрии как на правом, так и на левом берегу Амударьи, которые, скорее всего, и были границами расселения условно названной В.М. Массоном «бактрийской народности».⁴⁹ Кушанский период был началом завершающего этапа этногенеза таджикского народа, который растянулся еще на столетия.

⁴⁸ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии, Ташкент, 2008, с.150-158

⁴⁹ Массон В.М. Культурогенез и этногенез в Средней Азии и Казахстане. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып.1. Общие проблемы. М., 1990, с.46-47

2.2. Этнические процессы и культурные традиции народов Центральной Азии на трассах Великого Шелкового пути в средневековье

Этнокультурные традиции раннесредневековой Центральной Азии складывались при взаимодействии культур оседлоземледельческого и скотоводческого населения. В его основе лежали местные культурные традиции предшествующих периодов. Культура средневекового населения Центральной Азии представляет сложный сплав из бактрийско-тохаристанских, согдийских и заимствованных элементов: сасанидских, китайских, византийских, индийских, арабских, центральноазиатских кочевых и др. Синтезу культур способствовали относительная политическая интеграция центральноазиатского региона в рамках Больших пространств, этнические взаимодействия, активный культурный и торгово-экономический взаимообмен на трассах Великого Шелкового пути. Важную роль в развитии этнокультурных традиций сыграли политические события посткушанского периода, когда на обширном пространстве шли активные этноконсолидационные процессы и формировалась синкретическая культура раннесредневекового центральноазиатского Ренессанса, подвергшаяся позже влиянию исламских культурных традиций.

Политическая обстановка в Центральной Азии в конце III–IV вв определялась следующими факторами: сложными взаимоотношениями между членами слабеющей династией Кирпанда, политическими объединениями кидаритов, хионитов с Сасанидским Ираном и правящими династиями Китая; военно-политической ситуацией, которая способствовала децентрализации империи на определенный период. Раздираемая внутренними противоречиями кушанская династия была свергнута иранской династией Сасана и на землях Кирпанда при сасанидском шахиншахе

Шапуре II, правившем Ираном с 309-379 г. было установлено кушано-сасанидское наместничество.

По нумизматическим данным, российская исследовательница В.И. Вайнберг относит вытеснение Сасанидов из этих земель усилиями царя Кидары к концу 80-х годов IV в.⁵⁰ Бэйши именуется Цидоло (Кидару) царём государства больших юечжей, под которым китайские источники подразумевают бывшие территории кушанского Кирпанда: на монетах же Кидара носит титул кушаншаха. Кидаритские цари, видимо, считали себя продолжателями кушанской политической традиции. Кидариты укрепились в Средней Азии около 420 г. Титул Кидары - *Kusana sahi* показывает на то, что он сам считал себя родственником кушанов, т. е. юечжей., Кидариты (поданные царя Кидары) – коренное население Центральной Азии, были самостоятельным народом, отличным от хионитов (хуни) и эфталитов (поданных Эфталитской династии). История поздних кушан гипотетически восстанавливается Мартином следующим образом. Около 350 г. жужани заставили кушан покинуть Бактрию: часть кушанского населения ушла в Прикаспий, а часть (во главе с Кидарой) в Гандхару.⁵¹ Первоначальной столицей Кидары, скорей всего, мог быть нынешний Ташкуртан (СУАР КНР). Именно с первоначального ядра Кирпанда начинается возвышение Кидары. Главная, первоначальная резиденция правителей Кирпанда в Ташкуртане лежала на стыке стратегических коммуникаций и контроль над этими путями давала не только экономические выгоды Кирпанду, но и способствовала сохранению в целостности ядра кирпандской империи в

⁵⁰ Ставиский Б.Я. Средняя Азия в кушанский период// История таджикского народа. Душанбе, 1998, с. 430, 432; Вайнберг В.И. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV-V вв.// Кара-тепе, вып. 3. М., 1972, с. 137

⁵¹ Marquart J. Eransahr. Berlin, 1901, p. 55, 211; Martin M. Coins of Kidara and the little Kushans, JASB, ч. III, 1939, p. 23

последующие периоды. Кидара, уйдя из Ташкургана, обосновывается в прежней столице Кирпанда кушанского периода – в Балхе, куда в свое время перенес столицу император Канишка, который, согласно привезенной экспедицией П. Пэлю рукописи из Дунхуана (текст составлен на санскрите и продолжен в хотанском переводе) происходил из императорского рода правителей Балха.⁵²

Р. Гиршман, подробно исследовавший историю хионитов и эфталитов, видит в кидаритах пришельцев — возможно из Синьцзяна.⁵³ Видимо, кидариты – потомки оставшихся юэчжей в Синьцзяне и памирских саков, которые локализовывались на «Крыше мире» еще с древности. После 358 г. Кидара при поддержке племени забул завоевал Кабул и Гандхару. Бэйши сообщает о том, что Кидара совершил поход через Гиндукуш и завоевал пять владений, находившихся севернее Гандхары. Так же, как и кушанская династия возникает кидаритская династия в районе Памира и Гандхары – в первоначальном ядре становления Кирпанда. Шапур II после завоевания Армении (вероятно, в 370 г.) предпринял поход против Кидары, но потерпел поражение. Во втором походе почти всё персидское войско было уничтожено кидаритами. По данным Фавста, война была начата кидаритами,⁵⁴ что свидетельствовало уже о непризнании Кидарой верховной власти Ирана. Победили, видимо, кидариты только с помощью хионитов, (владения которые по сведениям китайских источников были в составе

⁵² Rosenfield J. M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley-Los-Angeles, 1967, p.287

⁵³ Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites. Cair, 1948, стр. 74

⁵⁴ Приск Панийский Сказания.(пер. Г.С. Дестуниса),..«Уч. зап. 2-го отделения Академии наук», кн. VII, вып. I, 1861, с. 84-91; Мандельштам.А.М. К вопросу о кидаритах, с. 66-67; Фавст Бузанд. ИсторияАрмении, V, 7 и 37

царства Кидары) так как войска Шапура II были очень многочисленны.⁵⁵

Кидара сыграл выдающуюся роль в событиях Центральной Азии, разыгравшихся на протяжении второй половины IV в. н.э., и сумел возглавить хионитские племена, по всей вероятности после участия их в походе Шапура II на запад. Заслуга Кидара состоит в том, что он сохранил ядро империи кушанского периода, в сложных политических условиях смог вновь объединить относительно большую часть Кирпанда и создал новую династию. При помощи хионитов он покончил с зависимостью от Ирана, а затем завоевал ряд областей северной Индии, намереваясь, очевидно, восстановить целостность былой империи. При дележе захваченных областей возникло столкновение с частью хионитов, участвовавших в походе. Это столкновение вынудило Кидару отдать хионитам центральный Афганистан. Часть хионитов, обосновавшаяся в Прикаспии, от Кидары не отложилась и продолжала сохранять в дальнейшем тесные связи с его преемниками.⁵⁶ Фавст Бузанд пишет, что в 368-374 гг., персы прекратили военные действия против армян, так как царь кушанов (кидаритов) Аршакуни, сидевший в Балхе, поднял войну против Шапура II и нанес ему сильное поражение. Как известно, Балх лежит на границе иранского плоскогорья и горной области около Памира. Задачей персидского наместника было наблюдение за соседними горцами, и, видимо, до восстания ему удавалось препятствовать их объединению. Но как только это воздействие прекратилось, горные племена объединились и покончили со своим врагом, чем и объясняется их союз с персидским царем. Таким путем эфталиты вышли на арену мировой истории. Л.Н. Гумилев считает, что царство Кидары просуществовало с 418 по 468

⁵⁵ Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites. Cair, 1948, стр. 74

⁵⁶ Мандельштам. А.М. К вопросу о кидаритах. // КСИЭ. Вып. XXX. 1958. С. 66-72

гг.⁵⁷, хотя, как свидетельствуют вышеуказанные источники, кидариты действовали на политической арене Центральной Азии вплоть до 80- годов 1У в.

О пришедшей на смену кидаритам эфталитской династии сохранились противоречивые сведения. О происхождении эфталитов в «Бэй-ши» сказано, что "в начале сей Дом показался за северною границей от Алтайских гор на юг, от Хотана на запад".⁵⁸ На запад от Хотана лежит Памир, по одну сторону коего находилась населенная область западного Тибета - Дардистан, а по другую афганский Ишкашим. Дардистан входил в состав государства эфталитов, что видно из перечисления областей, доставшихся в 567 г. Хосрою Ануширвану, а в Бадахшане в районе Файзабада находится долина Ефталъ.⁵⁹ Как считает Л.Н. Гумилев, эфталиты сложились как народ в горной области Памира. Как известно, горная область Памира и Гиндукуша была населена арийскими племенами индо-иранской группы. В конце VII в, до н.э. к ним пришло племя байди с границ Китая, За 800 лет оно акклиматизировалось и отчасти смешалось с автохтонным населением.

В кушанский период одна из ветвей этого племени, хуа, поселившаяся в долине Ефталъ, получила новое имя: йеда (китайское), ефталиты (греческое), хайталъ (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. В конце IV в., хуа уже организованное племя, а в начале V в. государство с претензией на гегемонию во Внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходит за счет объединения всех горных племен Памира и Гиндукуша, что связано с

⁵⁷ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в.//ВДИ. 1959, No 1, стр. 129-140

⁵⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. II, с. 268

⁵⁹ Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки, Каттаган и Бадахшан. Ташкент ,1926, с. 108; Grishman R. Les Chionites - Hephtalites. LeCaire, 1948, с. 99

расширением понятия "эфталит". Надо думать, что в эпоху их расширения и политического господства название "эфталиты" распространялось на всех подданных эфталитского царя. В «Бэй-ши» подчеркивается, что "владетельный дом Иеда происходит от одного рода с Большим Юечжи,⁶⁰ то есть приемственность и связь с юэчжами у эфталитской династии сохраняется, также как и у кидаритов.

Бадахшанская концепция происхождения эфталитов обосновывается в конце 50-х годов XX века в исследованиях японского ученого К. Еноки. Он считал территорией формирования эфталитов среднее течение реки Кокча. Он также считал, что эфталиты имели среднеазиатское, иранское происхождение.⁶¹

Анализ надписей на монетах эфталитских царей показывает, что сами себя эфталиты называли *хион*. Иначе говоря, *эфталиты* были одной из этнополитических групп *хионитов*. Сопоставление различных источников выявляет, что таких групп было по меньшей мере две: *спет хион* «белые хионы» и *кармир хион* «красные хионы». Как считает С.Г. Кляшторный, *хионы* были одной из древних групп ираноязычных кочевников, обитавших в горно-степной юго-восточной и южной полосе Центральной Азии.⁶² Р.Гиршман, в результате дешифровки легенд на эфталитских монетах (как «Хэфтал – царь хионитов»), приходит к заключению, что хиониты и эфталиты были одним народом: эфталиты – название правящего рода, а хиониты – самоназвание народа (в форме «хион»), который представлял собой союз иранских

⁶⁰ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в.//ВДИ. 1959, No 1, стр. 129-140

⁶¹ Enoki K. On yht nationality of the Ephtalites //the Toho Bunko (The oriental Librari).-№18, Tokyo, 1959, p. 23,27

⁶² Кляшторный С.Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель.//Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии.СПб.,2005, с.40

племен или народность, родственную кушанам.⁶³ На наш взгляд, эфталиты- тохаристанцы, поданные царя Эфталана, основателя династии эфталитов. Монеты, приписываемые эфталитам, имеют легенды на брахми, пехлеви, бактрийском, а титулы же, имена собственные и географические указывают на тесные культурные связи с Ираном и Индией. Что же касается титулов, совпадающих с тюркскими (тегин, ябгу), то они скорее заимствованы тюрками у эфталитов, чем наоборот, так как с тюркского языка они не читаются. Как считает Л.Н. Гумилев, возможно, что эфталиты в свою очередь заимствовали титулатуру у кушан.⁶⁴

В настоящее время все больше исследователей склоняются к концепции тохаристанского происхождения эфталитов.⁶⁵ По свидетельству «Бэй-ши» эфталиты: «городов не имеют, а живут в местах, привольных травой и водою, в войлочных кибитках. Летом избирают прохладные места, а зимою теплые».⁶⁶ Но этому сообщению противоречат утверждения об эфталитах Прокопия Кесарийского: "Они не кочевники, подобно другим гуннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну. Они одни из гуннов белы телами и не безобразны видом... и не живут какой-то звериной жизнью, как те, но управляются одним царём и имеют законную государственность, соблюдая между собой и соседями

⁶³ Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites, p.115

⁶⁴ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. С. 129-140

⁶⁵ Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986, с.93-94; Мандельштам А.М., Майтдинова Г.М., Рахимов Н.Т. «Государство эфталитов. Политическая карта Средней Азии второй половины V-VII вв.»//История таджикского народа. Том.П. Душанбе, 1999, с.36-37; Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии//www.pandia.ru/465729/

⁶⁶ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. раб., т. II, стр. 268

справедливость ничуть не хуже ромеев и персов».⁶⁷ По мнению Э.В. Ртвеладзе, эфталиты с самоназванием алхон (хион) были автохтонным населением Бактрии – Тохаристана. Он указывает, что в пользу этого свидетельствует ряд данных: погребальный обряд и антропологический тип населения Тохаристана в IV-VI вв. мало меняются по сравнению с кушанским периодом; противоречивые оценки образа жизни эфталитов, содержащиеся в письменных источниках, объясняются тем, что местное население издавна делилось на оседлое и кочевое. Указание, что эфталиты живут в городах, связано, видимо, с овладением ими городами Центральной Азии и созданием местных политических центров. По мнению В.С. Соловьёва, эфталиты – потомки памирских саков, которые после поражения во II в. до н. э. от юэчжей переселились в Бадахшане и жили не только на Памире, но и в примыкающих к нему районах, в частности, в Каратегине, где имеются эфталитские погребения Ляхш I и Ляхш II. В.С.Соловьёв отождествляет кидаритов с юэчжами, а хионитов – с приаральскими массагетами, которые покинули места первоначального обитания под давлением хуннов и двинулись в пределы Кушанского государства, а в дальнейшем, были завоеваны эфталитами.⁶⁸

Археологические открытия последних десятилетий XX века все больше подтверждают гипотезы о бактрийско-тохаристанском происхождении эфталитов. Определенные аргументы дали материалы могильных комплексов 1У-У1 вв в бассейне Сурхандарьи. При разнообразных погребальных сооружениях, что связано в известной степени с изменениями культового содержания погребального обряда, генетическая

⁶⁷ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами. (Пер. С. Дестуниса). СПб., 1876, стр. 22

⁶⁸ Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986, с.93-94; Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль.

связь погребенных с населением предшествующего времени сохранялась.

Как показывает исследование антропологического материала населения Средней Азии, здесь расовый состав населения не менялся на протяжении ряда тысячелетий (эпох бронзы и античности), и эфталиты идентичны местному иранскому центральноазиатскому населению древности. Серия черепов из погребений Сурхандарьинского бассейна – Дальверзинтепа, Курган (Старый Термез), Биттепа, исследованных антропологом Т.К. Ходжайовым, имеет искусственную деформацию, характерную для эфталитов и отмеченную еще Ш.Уйфальви у правителей белых гуннов, изображения которых дошли до нас на монетах.⁶⁹ Подобную характерную деформацию черепа практиковали и население Кирпанда кушанского периода. Сопоставление монетных изображений эфталитских правителей с деформацией головы и материалов палеоантропологии не вызывает сомнения однотипности искусственной деформации черепа.⁷⁰ Судя по антропологическим материалам, кольцевая и лобно-затылочная деформация черепа чаще практиковалась у мужского населения Тохаристана. По основным расово-диагностическим признакам серии черепов из эфталитских погребений европеоидная.⁷¹

Сопоставление изображений эфталитов на монетах и в живописи Дильберджина (Северный Афганистан) и Балалыктепа (бассейн Сурхандарьи), а также комплекс материалов из уникального эфталитского памятника Курган (Старый Термез) дают возможность идентификации этого

⁶⁹ Ujfalvy Ch. Memoire les Huns blancs. L'Anthropologie. T.1X, №3-4б 1848

⁷⁰ Трофимова Т.А. Изображения эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности. М., 1968, с.189

⁷¹ Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент. 1980, с.138, 146

загадочного народа и их памятников материальной культуры, имеющей генетическую связь с древнейшим местным населением. Установлено, что население, обитавшее в Тохаристане, на протяжении многих веков было тесно связано между собой этнически и что родиной обычая кольцевой деформации головы является Средняя Азия. Учитывая, что с выходом эфталитов на политическую арену погребальный обряд, культура и антропологический тип их существенно не меняется, то совокупность археологического и антропологического материала дает возможность считать, что эфталиты именно потомки коренных бактрийских племен, издревле обитавшие в Бактрии-Тохаристане.

На монетах эфталитских правителей, чеканившихся в Кирпанде, надписи в основном выполнены бактрийской курсивной письменностью на бактрийском языке. Первые монеты, которые выпускали эфталиты, - алхоны в Пакистане и Индии, были также выполнены бактрийской письменностью, хотя впоследствии они переходят здесь на брахми.⁷² Причем, письменные документы эфталитов, найденные в Синьцзяне выполнены на восточно-иранском языке.⁷³ Нельзя также отбрасывать сведения китайских источников о том, что эфталиты из одного рода с юэчжами.⁷⁴ Антропологические материалы показали родственную близость населения Кирпанда кушанского и эфталитского периодов и преемственность традиций их материальной культуры. Мы не случайно подробно остановились на анализе совокупных археологических материалов: они еще раз аргументировали в пользу автохтонного происхождения эфталитов и подкрепили сведения письменных источников.

Скорей всего, на обломках кидаритской империи начинается политическое усиление хионитов – конфедерации скотоводческих племен. Феофан Византийский отмечает:

⁷² Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. Памятники минувших веков, с.92-93

⁷³ Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972, с.207-208

⁷⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ.раб., т. II, с. 268

эфталитами они стали называться по имени их царя Эфталана.⁷⁵ А Р. Гиршман, как выше мы отмечали, изучив надписи на монетах, пришел к выводу, что сам народ назывался хионитами, а эфталитами они называли себя только в официальных документах, и это – имя династическое.⁷⁶ К середине V века на политическую арену выступает правитель хионов Эфталан – основатель могущественной династии Эфталитов. В армянских источниках, в описаниях 450 г. впервые названа «страна эфталитов».⁷⁷ Между 467-480 гг. эфталиты подчинили Согд. Эфталиты обложили Иран тяжелой данью, которую тот платил в течение 60 лет. Ещё до того, как *эфталиты* полностью овладели Согдом, они в 479 г. начали продвижение на восток и подчинили Турфанский оазис; между 490-509 гг. они завершили подчинение большинства городов-государств Таримского бассейна, а возможно, всего Синьцзяна. Само новое подчинение эфталитами бывших владений кушанского Кирпанда -Хотана, Кучи и Карашара произошло в 495 - 508 гг. В начале VI века большая часть Синьцзяна находилась под управлением кирпандского императора и на этом огромном пространстве он осуществлял контроль коммуникаций.

К началу VI в. эфталитский царь Торамана занял большую территорию в Северо-Западной Индии и добрался до Центральной Мальвы. Источники свидетельствуют, что эфталиты в этот период завоевали Гандхару, Синд, Пенджаб, Раджастан, Мальву, Сиалкат и другие области северо-западной части Индостана, и даже проникнув еще глубже в Джамно-Гангскую долину, захватили Гвалияр. К концу V в. эфталиты овладели и Северной Индией. Все известные эфталитские североиндийские правители чеканили свои

⁷⁵ Дестунис С. Византийские историки. СПб, 1861, с.493

⁷⁶ Ghirshman R. Les Chionites-Nephtalites, p.115

⁷⁷ Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IУ-УП вв. //СА,XXI, 1954, с.136-137

монеты, которые отличались тамгой от монет среднеазиатских владетелей Кирпанда. Кроме того, монетам эфталитских правителей индийских областей были характерны надписи, выполненные греко-бактрийским алфавитом.⁷⁸ По существу, эфталиты полностью овладели кушанским наследием и становятся решающей политической силой в Центральной Азии.

Воинственные горцы-эфталиты добились возможности объединения империи, используя временный упадок и затруднения соседних владений, опираясь на силу военной организации эфталитского общества, но с другой стороны давали владетелям покоренных областей империи свободу управления, вверенных территориях. Время от разгрома сасанидского царя Пероза до 545 года (дата прекращения выплаты Ираном дани) было периодом наивысшего могущества эфталитов. Успехи эфталитов объясняются глубоким разложением захваченных ими областей.⁷⁹

К концу V - начала VI вв. эфталитам удалось подчинить себе весь Тохаристан, Согд, Афганистан, Северо-западную Индию, бывшие владения кушанского Кирпанда в Синьцзяне и возродить мощь Кирпандской империи, которая простиралась от Северо-западной Индии до Семиречья и от Хотана до границ Сасанидского Ирана. В середине V – начале VI вв. эфталиты пресекли попытки Сасанидского Ирана овладеть Тохаристаном и тем самым, способствовали самостоятельному развитию военно-политических, торгово-экономических, культурных отношений народов Центральной Азии.

Государство эфталитов в V-VI вв. было слабо централизовано. Оно состояло из 27 владений или историко-

⁷⁸ Исоматов М. Эфталиты в Индии и Восточном Туркестане// Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2010, с.13-15; Кляшторный С.Г. Степные империи. С.40

⁷⁹ Гумилев Л.Н. Эфталиты - горцы или степняки // "Вестник древней истории", 1967, No 3, стр. 91 – 98

культурных областей, границы которых определялись естественными рубежами. Эфталитский Кирпанд по форме правления была конфедерацией, в отличие от формы правления кушанского периода (абсолютная светско-теократическая монархия). В отличие от индийских владений Кирпанда, в среднеазиатских владениях эфталитов не было централизованного монетного чекана, осуществлявшегося от имени одного царя. Даже в самом Тохаристане, являвшемся оплотом Кирпанда, чеканка монет осуществлялось правителями более мелких областей.⁸⁰ В V в. наличие тамг или династических знаков указывает на полную самостоятельность правителей в выборе символики и определенную политическую их независимость. Только в VI веке и особенно во второй его половине нарастает политическая мощь правителей отдельных владений, что довольно хорошо отражают монеты. Экономически и политически сильные владения уже чеканили монеты с указанием на них имени и титулатуры правителей. Более слабые владения продолжали выпуск анэпиграфических монет, зачастую только медных.⁸¹

По свидетельству Прокопия Кесарийского, все эфталиты были подчинены одному царю, и у них существовала «законная государственность», в отношениях между собой и другими странами они «соблюдали справедливость в такой же мере, как византийцы и персы».⁸² Танские источники свидетельствуют, что правитель Кирпанда правит страной справедливо. Было развито судопроизводство. Кирпандцы

⁸⁰ Noldeke T. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden.*, стр. 156; Ghirshman R. *Les Chionites - Hephtalites*, стр. 94; Ртвеладзе Э., Сагдуллаев А. *Памятники минувших веков*, с. 90

⁸¹ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. *Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье.* Ташкент, 1990, с. 130

⁸² Прокопий Кесарийский. *История войн римлян с персами.* (Пер. С. Дестуниса). СПб., 1876, стр. 22

были законопослушны. За разбой и убийство наказывали казнью.⁸³ Некоторые данные свидетельствуют о том, что в подчиненных им владениях не было смены династий. Это засвидетельствовано, например, для Бухарского оазиса: в 627 г. владетели Большого и Малого Ань неоднократно говорили о непрерывном правлении их династий (первая – в двадцати двух поколениях, а вторая – в десяти). Относительно Ферганы также известно, что местная династия правила непрерывно примерно с I в. О Кане – Самаркандском Согде – в источниках говорится, что правящая династия здесь по происхождению юэчжийская (родственная эфталитам), и преемственность в ней не прерывалась со II в. до н.э.⁸⁴

Монетные данные свидетельствуют о постепенном и неуклонном возвышении чаганианских династий конца V – второй половины VI в. В этот период Чаганиан становится одним из наиболее крупных и могущественных владений. В нем правила своя наследственная династия.⁸⁵ Чаганианский правитель в начале VI века отправляет ко двору Самаркандского царя Вархумана свое посольство во главе с начальником канцелярии, дапирпатом Пукар-заде с дарами и невестой для заключения династического брака.⁸⁶ Различия в составе монетной массы, обращавшейся в Чаганиане, с одной стороны, и в Термезе и Гуфтане – с другой – убедительное свидетельство политической обособленности фактически смежных владений уже в конце V – первой половине VI в.⁸⁷

Судя по имеющимся источникам, в Кирпанде, видимо, существовало несколько резиденций-столиц императора. Судя по китайским источникам, столицей государства считался город Бадиян (Балх? Бамиан?), находившийся

⁸³ Краткая история таджиков («Тажикларнин кискичи тарихи»- на уйгурском языке).- Урумчи, 1985, с.9-16

⁸⁴ Бичурин Н.Я. Указ. раб., с.312, 319, 271

⁸⁵ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Указ.раб., с.133-134

⁸⁶ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с.52-56

⁸⁷ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Указ.раб., с.134

недалеко от современного Кундуза, в Афганистане. Однако верховный правитель Кирпанда обитал в Бадиане лишь три зимних месяца. Вместе с царем переезжали его приближенные и большая группа эфталитов в очередную столицу. Одной из резиденций, летней, видимо, был город Пешавар. Китайские источники сообщают, что в столице эфталитского царя "множество храмов и обелисков буддийских, и все украшены золотом". Бэй-ши добавляет: "Престол не передается наследственно, а получает его способнейший из родственников. Наказания чрезмерно строги. За кражу без определения количества положено отсечение головы, за украденное взыскивают в десять крат". "Столица - есть лишь дворец царя" "около 10 ли в окружности (т. е. 5 км), это роскошный замок". В обществе практиковалась полиандрия: одна жена могла иметь мужей по количеству их братьев. Обряд погребения - захоронение в земле вместе с личными вещами,⁸⁸ а Прокопий Кесарийский передает, что эфталитских правителей и знать хоронят даже с сотрапезниками – друзьями, которых заводили богатые эфталиты. При жизни эти «друзья» пользовались вместе всеми благами, но в случае смерти царя и знати они должны были сопровождать его в мир иной.⁸⁹ В обществе эфталитов существовала четко выраженная имущественная дифференциация. Буддизм сохраняет свои позиции в обществе, однако вместе с зороастризмом население исповедует, манихейство, христианство, митраизм и другие местные культы.

Кирпанд в середине VI века сталкивается с двумя мощными силами: сасанидским Ираном и Тюркским каганатом. При Хосрове I Иран достигает экономического и политического могущества и к середине 50-х годов VI века перестает платить дань эфталитам и это послужило сигналом

⁸⁸ Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ. раб., т. II, с. 269

⁸⁹ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами., т. I, стр. 24

для военных действий эфталитов. В этот же период эфталиты сталкиваются с тюрками в северной части Кирпанда, где они захватили некоторые области Северного Чача (Ташкента), а в 555 г. овладели территории вплоть до Сырдарьи и Приаралья и границы Тюркского каганата вплотную подошли к границам Кирпанда, а до этого были захвачены тюрками кирпандские владения в Синьцзяне. Кирпанд угрожал интересам и сасанидского Ирана и Тюркского каганата в Центральной Азии, поэтому Иран и Тюркский каганат заключают военно-политический союз для уничтожения эфталитской империи. Тюркско-эфталитская битва, происходившая между 563 и 567 гг, длилась восемь дней и закончилась полным поражением эфталитов. Это сражение считается самым кровавым в древней истории Центральной Азии.⁹⁰ Остатки разбитого эфталитского войска бежали на юг, где выбрали нового царя Фаганиша, вместо убитого Гатифара. Узнав о поражении эфталитов, Хосров 1 с армией покорил Тохаристан, Забулистан, Кабулистан и Саганийан (Чаганиан). Новый эфталитский правитель Фаганиш, стремясь избежать окончательного разгрома, покорился Хосрову 1 для сохранения остатков своего царства. Территория Кирпанда была поделена между союзниками – победителями. Все области к югу и западу от Амударьи, в частности территории южных областей современного Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, в виде вассальных царств и владений были присоединены к сасанидскому Ирану, а земли, лежавшие к северу от Амударьи, вошли в сферу политического влияния Тюркского каганата.⁹¹ Таким образом, мощью двух сил – сасанидского

⁹⁰ Исоматов М. Сасаниды, эфталиты и тюрки в свете данных арабо-персоязычных источников IX-XI вв. (опыт анализа источников)//Очерки истории и теории культуры таджикского народа. Душанбе, 2009, с.10-14

⁹¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе, 1989, с.275

Ирана и Тюркского каганата- была сокрушена самая мощная империя раннего средневековья – эфталитский Кирпанд. Китайские источники о крахе эфталитской империи Кирпанд пишут: «тукуесцы (тюрки) разорили владения Йеда (эфталитов) и поколения рассеялись...».⁹² Ядро кирпандской империи, откуда началось расширение империи и укрепление ее мощи – горные районы Верхнего Тохаристана и первоначальная столица Кирпанда - Ташкурган с прилегающими территориями, видимо сохраняют относительную самостоятельность в последующие УП - начало УШ вв. Относительная стабильность Северного Шелкового пути снижает роль опасного Южного Шелкового пути. В середине танской эпохи, с потерей стратегической роли южного пути, Кирпандское государство теряет свои былые политические и экономические позиции. В 713-727 гг. (по другой версии – в 719-729 гг.) последний кирпандский царь Фиошин со своими придворными и частью населения покоряется Тибету.⁹³ Но известно, что около 812 года известный арабский военачальник аль-Фадл б.Сахль нанес в Вахане поражение тибетцам, которое закончилось договором, установившим «сферы влияния», а тибетцы были оттеснены за Гиндукуш.⁹⁴

Кирпанд в эфталитский период смог опять подчинить себе обширные территории, но создать сплоченные экономические и политические основы для прочной империи он не смог. Причиной тому были определенная независимость отдельных владений и их культурно-хозяйственное и политическое обособление: монетная система, материальная и художественная культура, письменность, типы погребальных сооружений и обрядов в различных областях Кирпанда в это время уже отличались. Тем не менее, вхождение различных

⁹² Бичурин Н.Я. (Иакинф) Указ.раб., т, II, с. 269

⁹³ Курбан Ширин . Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти) /на уйгурском языке/. Урумчи, 1992, с.40.

⁹⁴ Зелинский А.Н. Древние крепости на Памире.С.141.

по культуре народов в состав империи способствовал укреплению культурных связей, способствовал культурному синтезу достижений многих народов, лежащих на трассах Великого Шелкового пути, а также распространению городской культуры в кочевом мире.

Если в древности города выступают важными структурообразующими факторами в формировании всей системы Великого Шелкового пути, то с раннего средневековья города все в большей степени становятся активно действующими агентами взаимодействия в этой системе. Место города в его иерархической структуре определялось в значительной степени экономическим потенциалом и связью с магистральными трассами караванных путей. Выделялись города, которые специализировались на производстве и продаже отдельных товаров в странах вдоль трасс. На главных стратегических путях выделялись крупные караван-сарай – место постоя караванов, а иногда и войск. Хотя еще у истоков формирования Великого Шелкового пути существовали постоянные дворы типа «саховатхона» в Кирпанде, но формирование определенной архитектурной типологии, отвечавшей их основным функциям, имело место уже в постарабский период. Средневековые караван-сарай делились на внутригородские (игравшие роль складов, перевалочных пунктов товаров, остановки купцов отдельных стран и центров оптовой торговли) и загородных (выполнявших функции крепостей и пунктов остановки транзитных караванов).⁹⁵ По своему устройству все каравансарай можно разделить на четыре типа: 1.Бездворовые (как в Ташрабате в Кыргызстане); 2.Одноворовые, состоящие из жилых, хозяйственных, жилых, бытовых и складских помещений (как

⁹⁵ Буряков Ю.Ф. Города Мавераннахра на Великом Шелковом пути. // Тезисы докл. Международного семинара ЮНЕСКО «Города и каравансарай на трассах Великого Шелкового пути». Ургенч, 2-3 мая 1991 г. Ургенч, 1991, с.12-13

в южнотуркменских Хурмузафарре, аль-Аскере, Дае-Хатыне; как Учкудук, Ажигельды, Белеули, Косбулак, Чурук в Центральном Устюрте; Каль-Тепа Джизакской области Узбекистана; как в Чальдивар в Кыргызстане); 3. Двухдворовые- внешний двор предназначался для скота и складов товаров, во внутреннем дворе находились жилые помещения и специальная комната для богослужения (как в южнотуркменистанские Акча-кала и рабаты в пригородах Дахистана, Пашана); 4. Многодворовые (как Рабаты-Малик в Бухарском оазисе).⁹⁶ Основу вариантов караван-сараев составлял квадрат или прямоугольник обводных высоких стен, фланкированных на углах круглыми башнями, с внутренним двором, охваченным по периметру помещениями и нередко арочной на столбах обводной галереей. Пробразом такой композиции послужила четко разработанная система Омеядских дворцов арабского мира.⁹⁷

В У-УШ вв. в Центральной Азии появилась новая архитектура, в которой отразились традиции зодчества Сасанидского Ирана, Византии, Индии: возникли кешки-замки, крепости, монументальные городские и загородные дворцы. Вдоль трасс Великого Шелкового на расстоянии однодневного караванного прохода возникали крепости, в которых путешественники получали не только необходимую помощь, но несли охранные функции путей. Важную роль играли мощные укрепленные крепости Каахка, Ямчун, Ратм, Вранг, Иссор, Калаи –Пяндж вдоль Южного Шелкового пути

⁹⁶ Абдуллаев Д. Рабаты-каравансарай в системе средневековых торговых путей Мавераннахра. // Тезисы докл. Международного семинара ЮНЕСКО «Города и каравансарай на трассах Великого Шелкового пути». Ургенч, 2-3 мая 1991 г. Ургенч, 1991, с.22

⁹⁷ Пугаченкова Г.А. Архитектура караван-сараев на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути (типология и эволюция). // Тезисы докл. Международного семинара ЮНЕСКО «Города и каравансарай на трассах Великого Шелкового пути». Ургенч, 2-3 мая 1991 г. Ургенч, 1991, с.15

на Памире, которые не только контролировали торговые пути, но и несли охранные функции. В архитектуре и в строительных методах крепостей отражались культурные традиции сопредельных областей. Например, А. Стейн отмечал, что структурные особенности каменной кладки ваханских крепостей сходны со строительными принципами буддийских сооружений в горных районах Свата и Гандхары.⁹⁸ Активное функционирование этих крепостей приходится на кушанский и эфталитский периоды, когда особенно был активен культурный и экономический взаимообмен по Южному пути.

Города, как правило, располагались в местности, которая не требовала особых затрат на укрепление -фортификацию: город стоял на возвышенности у реки или у подножья горы, недалеко от рек. Между городами по всем главным путям располагались сторожевые башни. В раннесредневековый период сложная политическая картина наложила свой отпечаток и на систему оборонительных сооружений Согда. Бухарский и Самаркандский оазисы окружали «длинные стены», соединявшие ряд пограничных крепостей. Города имели свою, часто многолинейную систему укреплений, состоящую из собственно городских стен, иногда членищих город на несколько частей (Афрасиаб, Пенджикент, Пайкенд), и цитадели, включенной в общую систему обороны города. Поселения-крепости также часто имели цитадель. Отдельный замок-кешк также был крепостью. В целом в У-УШ вв. существовала тесная взаимосвязь военной архитектуры города и отдельного замка. При постройке городской стены в У в. и при расширении замков был «мультиплицирован» четырех башенный замок начала У в. В конце УП в. при постройке «новых» замков использовались

⁹⁸ Stein A. Innermost Asia, vol.2. Oxford, 1928, p.864

план городского дома и традиции предшествующего периода.⁹⁹

Результатом активных экономических связей в УП-середине УШ веков явилось значительное влияние дальневосточного монетного обращения на монетную систему Центральной Азии. В оазисе Иу (Хами), лежащем на «северном пути», согдийские купцы в первой половине УП века занимали ведущее положение в транзитной торговле. Здесь согдийцы добились полной политической автономии. После 618 г. новые группы согдийских переселенцев во главе с «великим вождем» самаркандцем Яньтинамом основывают близ Лобнора четыре укрепленных поселения, одно из которых именовалось «Город винограда». В конце УП века в Ордосе возникла федерация шести согдийских колоний. Тексты, обнаруженные в могильниках Астана и Караходжа, свидетельствуют, что в период существования государства Гаочан в УП-УШ вв. согдийцы составляли заметный процент населения оазиса и играли важную роль в караванной торговле. В УП-УШ вв. согдийская торговля, как показывают китайские документы, контролировалась гаочанскими государствами, а затем танской администрацией, однако согдийские купцы фактически держали в своих руках значительную часть северной и часть южной сухопутной международной караванной торговли, в частности, на трассах, шедших через Таримский бассейн и Дуньхуан. Основными предметами торговли согдийских купцов в этот период были шелк, ткани из конопли, серебро, золото, медь, латунь, благовония и другие ароматические вещества, нашатырь, лекарственные травы и др. Активности согдийских купцов могло в определенной мере способствовать их высокий общественный статус, а роль согдийского языка и согдийской письменности на трассах Великого Шелкового

⁹⁹ Семенов Г.Л. Город и замок в раннесредневековом Согде.//Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье.М.,1990, с.58,64

пути определялась, в первую очередь, их применением в международной торговле и значимостью как средства коммуникации на обширном пространстве. В IX-X вв. согдийские буддийские, манихейские и христианские общины в Турфанском оазисе пользовались поддержкой уйгурских правителей Кочо. В начале X в. при поддержке Уйгурского княжества в Ганьчжоу согдийцы утвердили даже свою династию Цао.¹⁰⁰

В конце УП – начале УШ вв. в связи с политическими изменениями в Центральной Азии сухопутный взаимообмен между цивилизациями Востока и Запада замедляется. В начале УШ века Мавераннахр (междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи) окончательно был завоеван арабами. Политический кризис, связанный с захватом значительной части Центральной Азии арабами, ослабил экономические и политические связи региона с Танской империей и обусловил временное угасание транзитной торговли на сухопутном Великом Шелковом пути. А со второй половины УШ века в системе международных связей Центральной Азии происходят важные изменения. В результате тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай за несколько десятилетий (60-90-е годы УШ в.) весь центральный участок Великого Шелкового пути, от Ичжоу до Ганьсуского коридора, попадает под тибетский контроль.¹⁰¹ Под тибетским контролем оказывается и бадахшанская часть Кирпанда. Все это способствовало сокращению сухопутной трансконтинентальной торговли и культурного взаимообмена. Политическая ситуация, вызвавшая упадок

¹⁰⁰ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь //Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.,1988, с.378-379; Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийцы в Центральной Азии //Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО «Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье».Ташкент, 1990, с.10-12

¹⁰¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий Шелковый путь ,с.280

функционирования сухопутной трансконтинентальной трассы, привела на определенное время и к снижению развития некогда цветущих городских центров. Процесс упадка был медленным и комплексным, политические изменения дополнялись климатическими. Множество оазисов высыхало, города и монастыри оказывались в пустыне. Часть городов вдоль Шелкового Пути стали важными торговыми центрами исламского мира, другие превратились в провинциальные города, а третьи, в свою очередь, были вновь покинуты и на века засыпаны песками Такла-Макана.¹⁰² Кроме того, политическая ситуация из-за угрозы набега кочевников и сложная экономическая ситуация в течение нескольких веков в Китае способствовала перемещению в долины реки Янцзы и далее на юг хозяйственной и деловой активности, ориентированные на морскую торговлю.

Снижению роли сухопутной трассы в период средневековья, кроме политических и экологических проблем, способствовало развитие дальнего мореплавания. Морской путь был более выигрышным: более высокая скорость кораблей, чем у караванов и больший объем грузоперевозок. Например, торговые корабли из Китая до Ормузского пролива добирались за 134 дня, а из Астрахани до Пекина по сухопутной трассе добирались караваны примерно за 260 дней при условии, если по пути мелкие правители не ведут между собой войн. Из Пекина в Самарканд и Бухару караваны добирались примерно от 6 до 9 месяцев. Один средний средневековый китайский корабль перевозил примерно 250 тонн груза, сколько мог перевезти караван в 1 тыс. вьючных животных. В основном эти факторы - абсолютное превосходство в скорости передвижения, дешевизне, способности к транспортировке значительных товарных масс – явились определяющими в том, что в течение средних веков все больше и все активней дальние международные связи смещались с суши на море. Индийский океан и прилегающие к

¹⁰² Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шелкового пути, с. 27

нему моря превращались в самую удобную коммуникационную сеть, а на их побережьях сосредоточились все лучшие и крупнейшие торгово-ремесленные центры Азии. Самым важным в Персидском заливе портовым городом был процветающий Сираф, населенный персами и арабами. Здесь укомплектовывались корабли персоязычными командами: персидский язык служил международным языком на Южных морях, точно также как и согдийский - на сухопутных трассах.¹⁰³

Некоторая активность взаимодействия народов на трансконтинентальных трассах Великого Шелкового пути в танский период постепенно идет на убыль к концу X века, хотя в значительный упадок приходит караванная торговля даже на отдельных участках Великого пути. Новый период оживления связей наступил после монгольских завоеваний в XIII веке и господства монгольской династии Юань в Китае, когда караванные пути становятся более безопасными. Особенно усиливается восстановление торговых и дипломатических сношений после образования в Китае централизованной империи Мин в XIV веке и укрепления династии тимуридов в Центральной Азии. Китайские источник «Мин ши лу» свидетельствует, что в период между 1368-1398 гг. посольства от Тимура прибывали в Китай девять раз. За период 1403-1449 гг. в Китай прибыли тридцать три посольские миссии из Самарканда и четырнадцать из Герата. Кроме того, в китайских источниках сообщается, что за это время Китай также посетили три посольства из Ходжента, Андигана и Маргилана.¹⁰⁴ В период династии Мин внешняя торговля в

¹⁰³ Петров А.М. Великий Шелковый путь. О самом простом, но мало известном. М., 1995, с.112-115; Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М., 1981, с.26-27

¹⁰⁴ Watanabe H. Fn Index of Embassie and Tribute Missions from Islamic Countries to Ming China (1368-1644) as Recorded in the Ming Shih-lu//Memories of the Toyo Bunko. № 33. Tokyo, 1975, p.285

Китае строго контролировалась государством и могла развиваться только в виде государственной, а нарушение этого монопольного права частными лицами сурово каралось. Основной контроль по пропуску иностранных купцов осуществлялся на таможенных заставах, как на границе Китая, так и в некоторых внутренних городах. Несмотря на большое значение сухопутной трассы, связывающей государства Центральной Азии с Китаем, к середине XV века Поднебесная постепенно ограничивает свои контакты с иностранными государствами. Дело в том, что в этот период усиливается в торговле Восток-Запад роль морской трассы. В это же время минский двор стал с большим трудом справляться с принятием все чаще прибывавших посольств из различных стран, численность которых порой доходила до 2-3 тыс. человек. Содержание иноземных посольств во время их 6-9 –месячного пребывания в Китае требовало огромных средств и основательно опустошало императорскую казну. Это повлекло за собой принятие ряда специальных мер по ограничению численности и регламентированию периодичности прибытия иностранных посольств ко двору. Иностранным купцам не разрешалось следовать внутрь страны дальше пограничных городов Сучжоу и Ганьчжоу. Причем пропускали через таможню иностранные купеческие караваны численностью не более 200 человек, посланник внутри страны мог иметь свиту не более 100 человек, а в столицу Пекина (Ханбалык) посольства пропускали только в количестве не более двадцати человек. Послы и купцы обязаны были лишних людей и вьючных животных оставлять в городе Ганьчжоу и следовать в Пекин уже в сопровождении китайцев. В этот период из Китая вывозился на запад в большом количестве чай, шелк, бумага, китайские бумажные деньги, серебро, фарфоровая посуда и облицовочные плитки, мускус, ревень и пр., а в Поднебесную поставляли ткани, лошадей и других домашних животных, экзотических животных (львов, леопардов), драгоценные камни, лекарственные растения, ароматические вещества, металлы,

предметы светского обихода, птиц, меха и перья. Привозили музыкантов, танцоров, искусных художников.¹⁰⁵ Многие центральноазиатские предметы были ценны тем, что были экзотичны для Китая.

Транзитная караванная дорога, соединявшая Запад и Восток в ХУ-ХШ вв., сохраняет свои традиционные маршруты, выработанные еще в древности. Несмотря на повышения роли морских путей, участие центральноазиатских купцов в трансконтинентальной торговле продолжалось, хотя и в значительно меньших объемах. Торговые и посольские караваны, следовавшие из Средней Азии в Китай, шли северным маршрутом – через Семиречье-или южным – через Ферганскую долину. Важные пути проходили через Восточный Туркестан. Далее путь шел по двум направлениям: по северному – через Турфан и Кумул, и южному – через Кашгар, Хотан и Яркенд. Эти направления были известны как главные ветви Великого Шелкового пути. Они соединялись на западе Великой китайской стены, где располагалась китайская таможня. Кроме главных дорог существовали более мелкие, определяемые как «самаркандская», «бадахшанская» и др. К началу ХУІ века относится указание о караване, возвращавшемся с товарами из Китая через Андижанский (Андиганский) перевал, где пересекались самаркандская, каратегинская и бадахшанская дороги. Как свидетельствует Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфакхани, через Андижан к городу Йаси доставлялись «товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он (город) является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам».¹⁰⁶

¹⁰⁵ Буриев О., Колганов А. Об одном участке Великого Шелкового пути. // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990, с. 112-115

¹⁰⁶ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). М., 1976, с.141

С XV1 века вновь слабеет уровень торгово-дипломатических отношений Средней Азии и Китая. Одной из причин было обострение политических отношений между государствами Шейбанидов и сефевидским Ираном, усиление междоусобицы в Семиречье. Общая нестабильность и сложная международная обстановка в центральноазиатском регионе в конце XV1 – середине XV11 века значительно ослабили торгово-дипломатические связи с Китаем.

Глава 3. Культурный диалог вдоль трансевразийских коммуникаций в древности и раннем средневековье

3.1. Межцивилизационное взаимодействие на трассах Великого Шелкового пути в кушанский период

Важным этапом в генезисе и развитии Великого Шелкового пути играет кушанский период. Культура кушанского периода в истории культуры таджикского народа сыграла исключительную роль в сохранении древних культурных традиций и в формировании облика цивилизации Центральной и Восточной Азии в последующие периоды. В кушанском искусстве проявились характерные черты древнейших местных традиций и наряду с ними отразилось взаимодействие широкого спектра культур разных этносов Центральной Азии, их синтез с древними локальными традициями, творческое освоение инноваций. В этом процессе огромна цивилизаторская роль империи Кирпанд, которая способствовала стабильному функционированию Великого Шелкового пути и распространению цивилизационных ценностей.

В источниках не сохранилась хронология становления Кирпанда. Китайские источники время становления этого государства относят ко второй половине I - начала II века.¹⁰⁷ Хотя письменных свидетельств времени его основания нет, но есть косвенные данные. Известно, что кирпандский правитель Вьюшах привёз буддийского святого Туншо в эпоху деятельности китайского военачальника Бан Чао (32-102 гг. н. э.), о котором сохранились сведения в связи с его деятельностью в окрестностях Кашгара. Ширин Курбан пишет, что время деятельности Туншо в Кирпанде

¹⁰⁷ Бичурин н.Я. Средняя Азия и Восточный Туркестан. Алматы, 1997, с. 88

соответствует эпохе кушанского шаха Канишки.¹⁰⁸ Дата правления Канишки долгое время в науке было предметом дискуссий. Китайские исследователи считают, что Канишка правил во второй половине I века н.э. Но сенсационное открытие в селении Рабатак (провинция Баглан, Сев. Афганистан) эдикта царя Канишки на бактрийском языке проливает свет на датировку Кирпанда. Правление Канишки в свете нового открытия согласно исследованиям английского учёного Д. Крибба датируется 100-126 или 120-146 гг.¹⁰⁹ Исследования известного таджикского ученого Д. Довуди нумизматических источников вместе с письменными данными тоже подтверждают выводы английского ученого. Д. Довуди считает, что Канишка правил в 105- 128 гг. н.э.¹¹⁰

Название государства в китайских источниках "Кипанту", а на восточноиранском - "Кирпанд", как считают китайские исследователи, произошло из соединения двух древнеиранских слов "кир" - гора, "панд" - дорога, то есть название страны в переводе означает "Горная дорога" - государство на горной дороге. Кроме того, уйгурские исследователи в своих работах используют название государства «Кирпаня», исходя их древнекитайских источников. Нами принято название государства «Кирпанд», как наиболее общепринятое. Возможно, объяснение этимологии слова «Кирпанд», «Кирпана» дают современные источники. В отдаленных северных штатах Индии, некогда входивших в государство Кирпанд, в настоящее время сохранились достаточно многочисленные реликты древней культуры, которые могли бы помочь реконструировать

¹⁰⁸ Курбан Ширин Культура таджиков Китая (Жунго тажик маданияти). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1992., с.40 (на уйгурском языке)

¹⁰⁹ Sims-Williams N., Cribb j. A New Bactrian Inscription// Silk Road Art and Archacology.-Vol.4-Kamakura, 1995/96y. P.75-142

¹¹⁰ Довуди Д. Денежное обращение древнего и средневекового Хатлона (У в. до н.э. – нач. XX в.н.э.)-Душанбе,2006, с.58

исчезнувшие традиции древней культуры Центральной Азии. Осколок некогда могущественного государства Кирпанд, видимо, сохранился в современном штате Джамма, в Индии - район Кирпан. Слово «Кирпан» на индоарийском языке означает «кинжал», который носят за пазухой пенджабцы-сикхи - носители языка пенджаби, относящийся к индоарийской подгруппе индоиранской группы индоевропейской языковой семьи. Как правило, во всех изобразительных источниках мужчины-кирпандцы изображены с непременным атрибутом – кинжалом на боку. Кирпаня – здесь, например, слово «аяна» опять же на пенджаби означает «дом». Возможно, Кирпаня означает «страна (дом) носителей кинжала».

Огромную цивилизаторскую роль сыграл Кирпанд, объединив огромные пространства (заселенные носителями различных культур) в единое государственное образование. Наивысшим достижением Кирпанда можно считать формирование самобытной цивилизации. В двух культурных, экономических и политических центрах – Бактрии и Северо-Западной Индии – в равной мере исходным для культурного развития было наследие цивилизаций бронзового века. Важна роль кирпандской империи в трансляции ценностей цивилизаций евразийского континента. Из ханьского Китая, через земли Кирпанда к берегам римского Средиземноморья и причерноморским античным колониям курсировали бесконечные караваны, а из берегов римской Северной Африки по регулярной водной трассе шли корабли к морским воротам Кирпанда в западной Индии. Стратегически важное географическое расположение Кирпанда сыграло немаловажную роль в передаче научных ценностей, достижений искусства и градостроительства, в обмене духовных знаний Запада и Востока. Цивилизационное наследие государства Кирпанд заложило основу Возрождения центральноазиатской культуры Саманидского периода. Развитие культуры в государстве Кирпанд происходило в

рамках огромного государственного образования, которое включало обширные земли современных Таджикистана, Афганистана, Узбекистана, части Индии и Пакистана.

Сложение Кирпандской империи завершило формирование на евразийском пространстве четырех империй древности – Римской, Парфянской (затем Сасанидской), Кирпандской и Ханьской (китайской). Именно в период четырех империй сложился Великий Шелковый путь, по которому шел активный диалог цивилизаций. Сложение Великого Шелкового; подготовленное многими более ранними дорогами региональных контактов, явилось качественно новым этапом в развитии международных связей человечества, сыграли важную роль в сложении основ современных локальных цивилизаций.

По трассам Шелкового пути шли многочисленные миссионеры, монахи различных конфессий, распространяя свои учения, духовные ценности. Благодаря их благородной миссии были заложены основы, которые определяют цивилизационный облик современных стран буддийско-конфуцианского блока Восточной Азии, индо - буддийского блока Юго-Восточной, Южной Азии, стран Юго-Западной Азии и Западной Европы. В формировании структуры цивилизаций Евразии неопределима заслуга квартета великих держав древности и Великого Шелкового пути. Великий Шелковый путь соединил все четыре древние империи, относительно стабилизировав трассу, от берегов Тихого океана до Атлантического океанов. Государство Кирпанд способствовало стабильному функционированию первой в истории человечества трансконтинентального и дипломатического тракта - Великого Шелкового пути. Китайские источники сообщают, что, начиная от Кашгара, охранные функции Западных земель самостоятельно осуществлял кирпандский правитель. Объединение народов Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии, части Ирана в рамках единого государства и относительная безопасность

от внешних военных вторжений привели к росту городов, к расцвету экономики и культуры этих областей. Причем именно через Кирпанд Западный край и Срединная империя держали связь с Морским Шелковым путем, значение которого возрастает в период расцвета Кирпандской империи. Завоевательные походы кирпандского шаха на юге были связаны с решением важной, первой в истории таджикского народа геополитической задачи - достижения пределов южных морей, выхода к морской трассе. Эта задача была решена именно с момента правления кушанских династий в государстве Кирпанд. Возникновение Кирпандской империи, соприкасавшейся на востоке с ханьским Китаем, а на западе с Парфянским царством, соединило разорванные ранее древнейшие центры цивилизаций Старого света в единую систему квартета империй древнего мира, способствовало активному диалогу цивилизаций на трансконтинентальной трассе. В одном из китайских текстов правители Кирпанда кушанской династии наряду с правителями Рима и Ханьского государства называются "Сынами Неба", которые делят между собой весь мир.¹¹¹

В кушанском Кирпанде власть была в руках представителей тех сил, которые были чужды или враждебны эллинистическим правителям, и господствующему положению греков и эллинизированных слоев пришел конец. Однако, именно это привело к более широкому и глубокому освоению античного культурного и художественного наследия. В Кирпанде в I века правящая верхушка уже не блистала греческой образованностью и не поклонялась греческим божествам. Элементы и мотивы античного происхождения, наряду с местными и иноземными

¹¹¹ Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций Центральной Азии // Мат-лы Междунар. научн. конф. «Цивилизационный фактор на Среднем Востоке: опыт исторического взаимодействия.- Душанбе, 2007, с.177-187

традициями, ставшими известными в результате широких международных связей, подверглись тогда творческой переработке. На смену культуре эллинистического периода, когда господствовала античная традиция, возникли синкретические, вобравшие в себя самые разнообразные элементы мотивы, своеобразная культура, поставленная на службу местной власти и поддерживаемых ею религий и культов. В разнообразии и, на первый взгляд, эклектичности культуры Центральной Азии этого периода лежат истоки ряда последующих культурных и художественных явлений. Это разнообразие – результат поисков новых мировоззрений и вкусов, и вполне закономерно, что из этого богатейшего арсенала многое было почерпнуто и христианством, и буддизмом, и прокламативным искусством Сасанидского Ирана, чья культура в свою очередь оказала сильнейшее воздействие на Ближний и Средний Восток в эпоху мусульманского средневековья.¹¹²

Начальный этап синкретического искусства Кирпанда стал известен в результате открытий в конце 1978-начале 1979 г. на севере Афганистана материалов, полученных в ходе раскопок известным московским археологом В.И. Сарианиди на памятнике П- начала 1 тыс. до н.э. Тилля-тепе недалеко от Шибергана. Именно в тиллятепинских находках отразился тот динамичный культурный синтез, который определил неповторимый облик кирпандской цивилизации. В тайных захоронениях (возможно, князя, его жен, наложниц) Тилля-тепе было найдено около 20 тыс. золотых художественных изделий- пряжек, блях, перстней, нашивных украшений, обкладок ножен мечей и кинжалов. Одни из них выполнены в стиле, характерном для искусства степей Евразии, с фигурами зверей и богатой инкрустацией бирюзой, сердоликом и другими камнями. Другие – несут на себе следы греко-римских, парфянских, индийских, дальневосточных

¹¹² Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии. М., 1992, с.43

традиций. Но, наряду с выполненными в каком-либо одном стиле изделиями в захоронениях Тилля-тепе, найдены художественные предметы, демонстрирующие уже не сосуществование, а умелое сочетание в творчестве древних мастеров образов и мотивов различных культурных и художественных традиций. Таковы, например, золотые обкладки ножен кинжала: вдоль центральной их полосы изображены идущие друг за другом разъяренные драконы, терзающие предыдущих. Изображения, выполненные в традициях скифского звериного стиля, сочетались с двумя рядами свастик и цветочных мотивов, тянувшихся по краю ножен. В отличие от образов драконов, хорошо известных не только в степях, но и в древнейшей Бактрии и на Ближнем Востоке, свастика в искусстве Бактрии попала в раннекушанский период, скорее всего из Индии. Не менее синкретичны изображения, украшавшие золотые подвески, найденные возле висков одного из погребенных. На каждой из подвесок изображен персонаж с раскосыми глазами в зубчатой короне и в кочевнической одежде, держащий в руках по дракону. Со степным звериным стилем безусловно связаны также изображения рогатых и крылатых драконов с длинными туловищами и неестественно вывернутыми назад ногами, обильное украшение подвесок бирюзовыми, сердоликовыми и лазуритовыми вставками. В то же время пятнышко на лбу – тика говорит об индийском влиянии.¹¹³

Для культуры кушанского периода Кирпанда характерно расцвет градостроительства (система застройки, фортификация), архитектуры, изобразительных искусств в их крупных и малых формах (скульптура, живопись, торевтика, коропластика), профессионального ремесла, развития письменности, науки, права. В междуречьи Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи развиваются большие и малые города с развитыми товарно-денежными отношениями и динамичным

¹¹³ Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев.- М.,2002,с. 246-247

ростом культуры. Для кушанской городской культуры, время формирования и расцвета которой относится к 1-1У вв. н.э., характерна высокая степень развития всех основных подсистем от жизнеобеспечивающей до соционормативной. О характере крупного кушанского города можно судить по археологическим памятникам центрального Кирпанда, таким как Балх в Афганистане (его площадь 550 га), Термез в Узбекистане (350 га), Шахринауское городище в Таджикистане (350 га), Калаизаль в Северном Афганистане (200 га). Но лучше исследованы более мелкие города, как городища Дальверзинтепе, Зартепе, Кампыртепе на юге Узбекистана.

Как правило, города окружены крепостными стенами и рвами. Город имел цитадель, главную улицу, культовые постройки (буддийские храмы, храм «Великой бактрийской богини» или святилище с алтарями огня). Например, Зартепе имел четкий план. По середине проходила главная улица шириной 10 м. Почти в самом центре города на эту магистраль выходил фасадом дворец правителя, а по другую сторону главной магистрали располагался жилой квартал, состоящий из нескольких отдельных домовладений (от 600 до 800 кв. м каждое). Внутри домовладений четко различаются парадные и жилые комнаты, подсобные и складские помещения. Основным строительным материалом в кушанском центральном Кирпанде оставался крупный квадратный сырцовый кирпич. Для вымостки полов зданий и дворов использовались жженые квадратные плитки. Широко применялся камень для изготовления архитектурных деталей (капителей, баз, карнизов). Важным элементом кирпандской архитектуры служат деревянные колонны с каменными профилированными основаниями и каменными капителями коринфского ордера. Стены зданий часто украшали пилястрами, поверхности стен покрывались белой штукатуркой, а иногда и монументальной живописью, как орнаментальной, так и сюжетной, в том числе с

изображением местных и буддийских божеств.¹¹⁴ Крупные благоустроенные дома, использование горожанами высококачественной художественной керамики, сотни находок нумизматики характеризуют высокий уровень благосостояния населения городов Кирпанда. Именно активная градостроительная политика центральной власти способствовала росту четко спланированных укрепленных городов.

Уже во время становления Великого Шелкового пути по ней торговали не только шелками. По трассе торговали фарфором, мехами, рабами, металлическими изделиями, пряностями, благовониями, лекарствами, слоновой костью, породистыми лошадьми, драгоценными камнями, диковинными животными и пр. По этой гигантской системе дорог вместе с караванами купцов двигались дипломатические посольства, паломники и путешественники.

В виду особого спроса на шелк, уже в V в. в Центральной Азии возникают свои школы художественного шелкоткачества в Тохаристане, Согде, Фергане, в Турфане и т. д. Центральноазиатские школы художественного шелкоткачества имея много общего в текстильных традициях, в то же время отличались от собственно китайских (отличия выражались в специфических технических приемах, в художественном решении и т.д.). С конца VI- начала VII века сасанидский, согдийский, тохаристанский орнаменты, проникшие в Китай из областей, находившихся под иранским культурным влиянием, слились с традиционными представлениями китайцев, "Сасанидские" типы орнамента становятся государственными обозначениями чиновничьих рангов. Во многих случаях происходит слияние образов, существовавших независимо друг от друга, как в Китае, так и на иранском Западе.

¹¹⁴ История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе, 1998, с., 443-445

Византийские, сасанидские, тохаристанские, согдийские традиции искусства распространяются в Восточной Азии.

Шелковый путь сыграл еще одну важную роль в развитии текстильного искусства - в распространении хлопка и хлопчатобумажности. Хотя хлопок был известен в Средней Азии еще во II тыс. до н. э., но его широкое распространение происходит именно с вхождением индийских территорий в состав государства Кирпанд и стабильным функционированием Шелкового пути. С начала нашей эры хлопчатобумажные ткани используются повсеместно у населения Тохаристана.

Диалог цивилизаций на трассах Великого Шелкового пути непосредственно отразился на costume населения кирпандцев. Как известно, история традиционного costume охватывает как собственную эволюцию, так и интеграцию внешних культурных влияний в ходе этнокультурной консолидации древних и средневековых народов Центральной Азии. Диалог культур отражался на составных частях costume: на используемых тканях, украшениях, формах одежды, косметике и т.д. Важным фактором переноса достижений одной локальной цивилизации в другую было образование крупнейших империй древности, в рамках которых шел активный культурный синтез, в том числе и в искусстве costume. Как правило, пришлые компоненты costume в результате этнических или культурных контактов в ходе интеграционных и ассимиляционных процессов становятся традиционными элементами локального costume. Причём идёт не прямое усвоение культурных веяний извне, а их селективный отбор, связанный эстетическими вкусами, климатическими условиями и природными ресурсами.

Внешние культурные влияния прежде всего отражаются в используемых материалах, в декоре costume, но основные формы одежды трансформируются только в ходе этнических процессов, а также в период цивилизационной экспансии.

Подлинный переворот в среднеазиатском костюме произошел в кушанский период, когда в массовом количестве хлопковый текстиль стал использоваться в моделировании одежды, более того, здесь стали сами вырабатывать этот вид текстиля. К началу нашей эры относятся хлопчатобумажные ткани тончайшей выработки, обнаруженные известным археологом Л.И.Альбаум при раскопках Чингизтепа (Старый Термез). В Южном Таджикистане, в Пархарском районе, в могильнике Иттифок, были найдены фрагменты красной хлопчатобумажной одежды с богатой вышивкой с мотивами "древа жизни", датируемые II-III в. III-V вв. датируются хлопчатобумажные ткани из буддийского комплекса Каратепа в Старом Термезе. Этим же временем датируются самые массовые находки хлопчатобумажных тканей и одежд в Кургане (Старый Термез).¹¹⁵ Здесь обнаружены в погребении обычных горожан белые хлопчатобумажные рубахи и набедренные одежды традиционного кроя, что явно свидетельствует о местной выделке хлопчатобумажного текстиля. В этот период китайские источники уже утверждают, что согдийцы наряду с шелками и камкой используют белые хлопковые полотна. Хлопчатобумажные ткани в Центральной Азии широко распространяются одновременно с шелковыми и сразу же становятся популярными в силу дешевизны и возможности вырабатывать в домашних мастерских. Но в этот период наряду с дешевым текстилем из хлопка вырабатывают высокохудожественные драгоценные ткани, не уступающие по цене шелкам.

Вхождение в состав империй древности огромных территорий, распространение мировых религий по трассам Шелкового пути, способствовали формированию понятий "мода" в костюме. На трассах Шелкового пути

¹¹⁵ Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А. Одежда конца IV-V вв. из Старого Термеза // Буддийские комплексы Каратепа в Старом Термезе. М., 1996, с.307-326

распространяются сходные ткани, приёмы шитья, происходит изменение форм одежды. А господствующая религия привносит свои веяния, отражающиеся, прежде всего в декоре и пропорциях одежды. Как правило, иноземные заимствования происходят в господствующей среде. Эти новые веяния в моде могут и не иметь утилитарного значения, поскольку заимствование идёт в среде элитарных слоев населения, для которых заимствованные инновации служат средством утверждения своего особого положения в данной социокультурной среде. Культурные инновации, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами.¹¹⁶ В кушанский период происходит критическое освоение и преломление эллинских веяний, приспособление их к вкусам нового господствующего слоя - кочевников. В дальнейшем происходит процесс видоизменения и эволюция с включением эллинистического элемента в глубинный пласт художественного творчества, что находит отражение в ювелирном искусстве, в художественном ткачестве, орнаменте и т.д. Этот процесс взаимодействия традиций и инноваций на всех этапах истории костюма отражали сложный процесс культурогенеза и диалога культур, которые протекли в древности. В образе жизни, мысли греков не все одинаково поддавались освоению. Его степень зависела от удаления, этнического характера, но в основном от уровня цивилизации. Если Рим полностью изменился в результате контакта с эллинистическими царствами, то бактрийцы обязаны эллинизму только новым пониманием красоты. Поддаться чарам эллинизма (для любого народа) никогда не значило отказаться от самого себя. Напротив, это означало обрести средства для полного самовыражения.

Греческие "цитаты" ярко проявляются в декоре костюма: это могли быть украшения, орнамент текстиля. Вероятно, предметами эллинистического происхождения являются

¹¹⁶ Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989., с. 30-31

серьги из могильников Тулхара и Айртама виде амфоры с двумя дельфинами. Особую группу мелких привозных изделий составляли, поступавшие из западных камнерезных мастерских геммы - инталии, которые оправлялись в кольца и служили личными печатями. Среднеазиатский костюм испытал влияние Индии не только в текстильном искусстве, но и в ювелирном деле. Особой популярностью не только в Индии, но и по всему Кирпанду пользовались сердоликовые бусы с травленным орнаментом, находимые во множестве в древних и средневековых археологических памятниках. Весь доисламский период важным предметом торговли были индийские ювелирные украшения. Культурные влияния отразились и в среднеазиатском ювелирном искусстве. Это было прямое заимствование индийских украшений или же их местное подражание. Например, в известном Дальверзинском кладе имеются браслеты двух видов - с утолщением на концах и со спиралевидной обмоткой, аналоги которым найдены в Таксиле.¹¹⁷ В этом же кладе имеются серьги индийского стиля. Исследовательница дальверзинских находок - Г. А. Пуганченкова отнесла к индийским изделиям и богатое ожерелье из пяти золотых шнуров, завершенных цилиндрами, инкрустированные бирюзой и альмандинами. Подобные ожерелья были признаком высшей касты индийской аристократии и нередко встречаются в уборе бодисатв в гандхарской скульптуре.¹¹⁸

В искусстве кушанского периода четко прослеживаются два основных художественных течения, которые можно

¹¹⁷ Пуганченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства. // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с.246

¹¹⁸ Пуганченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990. С.23-38

обозначить как династийное и буддийское, поскольку искусство в древности и средневековье всегда было связано с религиозной идеологией. Династийный культ кирпандцев в кушанский период возникла на базе верований их скотоводческих предков и древних локальных земледельческих обычаев обожествления царей. Буддийское течение в искусстве появилось в результате широкого распространения в Кипанде буддийской идеологии, распространенных буддийскими монахами и миссионерами из древнеиндийских областей, в первую очередь, из Гандхары, а позднее и из Центральной Индии.¹¹⁹ Кирпандский шах Канишка в буддийской литературной традиции представляется ревностным приверженцем и распространителем буддизма. Ему, в частности, приписывается инициатива созыва, вероятно, около 100 г.н.э. буддийского собора, сыгравшего крупную роль в оформлении догматики северного буддизма, распространившегося позднее в Китае, Тибете, Монголии и Японии.¹²⁰

Распространение буддизма на территории Кирпанда в кушанский период сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Из Индостана пришли обычаи возводить ступы, использовать для культовых целей пещерные помещения, создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в облике человека (ранее присутствие его в той или иной сцене отмечалось лишь символами) с характерными, выработанными в Древней Индии особенностями и позами. Из Индии заимствованы и отдельные растительные и архитектурные орнаментальные элементы, в том числе такие мотивы, как цветок лотоса. Повсеместные находки надписей на кхарошти и брахми

¹¹⁹ Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.244

¹²⁰ История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. Душанбе, 1998, с.435-436

свидетельствуют, что с распространением буддизма было связано и знакомством с индийскими письменностями и языками.¹²¹

Типология буддийских сооружений в Кирпанде следует индостанским канонам, однако в них налицо и локальные отличия, связанные с местной архитектурной традицией. Прежде всего, это строительная техника. Ведущий строительный материал – сырцовый кирпич, в то время как в Индостане – камень. Перекрытия деревянные, а также сводчатые. В разработке пространства и поверхностей многое идет от греко-бактрийских традиций, связанных с эллинистическим зодчеством и, в частности, - с ордерной системой. В декоративном оформлении буддийских построек Кирпанда заметное место занимала скульптура, соподчиненная выработанным в Индии буддийским образам и сюжетам. Частью она безусловно следует им – таковы образы Будды, боддисатв, монахов, но частью связана и с пластическими традициями бактрийского искусства – таковы образы деватов, светских персонажей – донаторов, воинов.

В отличие от Гандхары, где преобладала каменная скульптура, т.е. ваяние, в центральном Кирпанде применялась лепка из глины с поверхностным гипсованием, хотя встречены и каменные скульптуры, например, Айртамский фриз. Настенная живопись в буддийских постройках Кирпанда, дошедшая фрагментарно, содержит традиционные образы Будды и боддисатв, сцены их почитания, но если образы эти каноничны, то облик донаторов вполне локален, в них подчеркнуты местные черты внешности и регалии. В области малых искусств

¹²¹ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. - М., 1990, с.8

канонические образы Будды и боддисатв получают распространение в коропластике.¹²²

Храмы, по планировке сходные с кирпандскими (Кара-тепе, юг Узбекистана), и изображения Будды с нимбом и ореолом вокруг тела, а также в обрамлении языков пламени, не характерные для Индостана кушанской эпохи, были широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна и Дальнего Востока, что отражает, видимо, изменения, внесенные в буддийскую архитектуру и искусство именно в Кирпанде. Распространение буддизма из Кирпанда в восточноазиатский регион многим обязано среднеазиатским буддийским монахам. Эти монахи основывали новые монастыри и лично переписывали «священные тексты», переводили их на местные языки, комментировали их. Открытые на Кара-тепе стенные росписи с изображением донаторов, выполненные в рамках династийного художественного течения в кушанском искусстве, находят много аналогий в художественных памятниках Индостана, что свидетельствует о среднеазиатском воздействии в кушанское время не только на политические институты, но и на искусство Индии.¹²³

Широкое распространение в кушанском Кирпанде получило светское династийное искусство. Обожествление царей, практика возведения и поклонения их изображениям в храмах, благоговение людей перед ними привели к формированию и росту имперского культа. Такое отношение к императору, почти религиозное и патриотическое, разделялось его поданными, принадлежавшими к различным этническим слоям, религиозным сектам и территориям, общей чертой которых являлось принадлежность к империи.

¹²² Пугаченкова Г.А. Буддийское искусство кушанской Бактрии. // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999. с.41

¹²³ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе..., с.9

Сама концепция империи стала важной как для подчиненных, так и для правителей. Персонификация или обожествление Кушанского царства (Кирпанда) дает основание предполагать, что цари поощряли отношение своих подданных к империи, а не только к императору, как к объектам поклонения. Поклонение императору, а также поклонение империи вошло в обычай. Кирпандцы расширяли и держали в единстве свою империю так долго, как могли при помощи оружия. Характер военной монархии Кирпанда подтверждают китайские источники. Политика кушанской администрации держала подданных различного происхождения в страхе перед военной мощью империи, заставляя их в то же время верить в божественное происхождение имперского дома, а также быть эмоционально связанными с империей и императором.¹²⁴

Наиболее ранним монументальным памятником династийного культа кушанского Кирпанда является дворец в Халчаяне (юг Узбекистана) с уникальными скульптурными композициями и остатками монументальной живописи. Размер постройки 35X25 м, а помещений, включая коридоры, было 10. На главном фасаде дворца находился глубокий шестиколонный портал-айван, а за ним – приемный зал, тронное двухколонное помещение; справа и слева от центрального зала располагались подсобные помещения, арсенал и т.д. Айван и зал дворца были оформлены разнообразными скульптурными композициями, достаточно выразительными в главном зале и неясными в айване. Скульптура пристенная, выполненная из глины с последующей раскраской в основном красным, на котором располагались скульптурные композиции. Главную композицию представляла тронная сцена, центральное место в которой занимали восседающие на тронах правитель и его

¹²⁴ Мукерджи Б.Н. Имперские культы в Кушанской империи.// Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.177

супруга, по обе стороны от которых располагались скульптуры членов семьи, местной знати, а вверху над ними – скульптуры «варваризированных» Афины, Геракла, Ники. В композиции на северной стене представлен сидящий на невысокой скамейке правитель, слева и справа от которого размещались скульптуры его сородичей и приближенных из рода кушанского царя «Герая». Скульптурная композиция на южной стене включает динамичную сцену битвы конных легковооруженных лучников с тяжело вооруженными воинами. В интерпретации известного исследователя Г.А. Пугаченковой основной скульптурный цикл был посвящен прославлению «гераева» рода в сценах с участием музыкантов, комедиантов, проходящих под покровительством богов.¹²⁵ Связь парадной постройкой в Халчаяне с культом Герая или его династии признают все исследователи.

Самым известным памятником династийного культа кушан и династийного течения в искусстве Кирпанда является знаменитый культовый центр на холме Сурх-Котал в Баглане, на севере Афганистана.

Важнейшая роль Сурх-Котала заключается в том, что здесь найдена первая большая надпись на «бактрийском языке» «кушанским письмом» на каменных плитах, повествующая о реконструкции «храма Канишки Победителя», названного в тексте надписи «Багголагго» - святилище. Храм Канишки Победителя построен на вершине холма Сурх-Котал, окруженного поясом крепостных стен. Храм стоял в центре двора, окруженного с трех сторон стеной с прямоугольными башнями, вдоль которых также тянулись айваны. В стенных нишах стояли в древности раскрашенные глиняные скульптурные изображения обожествленных кушанских государей и божеств кушанского пантеона, а в целлах главного и других храмов горел священный огонь.

¹²⁵ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии.- Ташкент, 2008,с. 86-87

Трактовка храма Канишки Победителя как сооружения, связанного с династийным культом кушан, помимо обозначения его святилищем, опирается на аналогичное назначение раскопанного в начале XX в. и признанного династийным «дома богов» (так названа постройка в обнаруженной здесь индийской надписи) в селе Мат в Матхуре, в долине Ганга. В этом сооружении были найдены знаменитые каменные статуи стоящего в полный рост Канишки, а также восседающего на троне кушанского царя – Вимы Такто, деда прославленного императора-реформатора. Здесь изображения кушанских царей и большинства других персонажей выполнены в стиле, чуждом искусству Индии, но находящем аналогии в художественной культуре центрального Кирпанда.

Скульптуры из Халчаяна, Сурх-Котала, из села Мат выполнены в стиле «династийного течения» искусства кушан, для которой характерно стремление передать мощь и несокрушимость обожествленных правителей, изображавшихся в строго фронтальной застывшей позе, с симметрично расставленными ногами и облаченными в богатые одеяния степных вождей. Все три храма кушанского династийного культа не следуют единой архитектурно-планировочной традиции. Видимо, при возведении каждого из них использовались местные особенности, жесткого же канона храмового зодчества в династийном культе кушан в тот период не существовало.¹²⁶

Важную роль сыграл Шелковый путь и в распространении письменности в Центральной Азии. Именно в памятниках письменности кушанского периода наиболее ярко отражен синтез культур древности. О широких контактах населения Кирпанда свидетельствуют находки здесь многочисленных письменных памятников на разных языках. В кушанский период в Кирпанде употреблялось по меньшей мере шесть

¹²⁶ Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.248-256

видов письменности: бактрийская, возникшая на основе арамейской; бактрийская, развившаяся из греческой; индийские письменности – брахми и кхарошти, «неизвестная» письменность, открытая недавно, а также были распространены согдийские и парфянские письмена.

Бактрийское письмо вошло в обиход уже в 1 в. н.э. На юге, в Бактрии распространяется бактрийское письмо на арамейской основе и осуществляется переход в государственной политике Кирпанда на бактрийский язык и письмо. В эпоху Канишки эта письменность и язык стали государственными. Об этом говорит эдикт царя Канишки I в надписи из Рабатака (Северный Афганистан); "И он (Канишка) издал эдикт на греческом языке, а затем переложил его на арийский язык (т. е. на бактрийский)". Арийский язык был языком коммуникации на огромном пространстве империи, наряду с двумя официальными с местными языками. Бактрийская (арийская) письменность бытовала в Бактрии - Тохаристане от 1 вв. до начала УШ века, то есть до конца существования государства Кирпанд. Бактрийский алфавит насчитывал 25 букв. Различаются две разновидности бактрийского письма – монументальное и курсивное.

Известные сейчас бактрийские надписи можно условно разделить на три группы: эпиграфические – надписи на скалах и каменных плитах, глиняных сосудах и черепках (остраки), геммах и других предметах; нумизматические; рукописные документы (надписи на папирусе, пальмовых листьях, бересте). Для кушанского времени находки бактрийских надписей зафиксированы в основном только на территории центрального Кирпанда и одна находка за пределами – каменная плита с трилингвой бактрийским, кхарошти и «неизвестным» письмом из Дашти-Навура.

Надписи «неизвестным» письмом известны из Каратепа, Хатын-Рабада, Кош-тепа, Кампыр-тепа, Старого Термеза, Сурх-Котала, Ай-Ханума. За пределами Кирпанда найдены

лишь три надписи – курган Иссык, Дашти-Навур, Старый Мерв. Видимо, именно Бактрия была основным центром бытования неизвестной письменности, являясь также одной из трех официально-признанных в Кушанской империи письменностей. Известный исследователь Центральной Азии Э.В. Ртвеладзе предложил сенсационную гипотезу. Э.В. Ртвеладзе считает, что неизвестная письменность должна отражать язык народа, составляющего в Кирпанде кушанского периода значительный пласт населения и игравшего важную роль в религиозной и административной жизни, или язык правящей династии и привилегированного слоя населения. Основную массу автохтонного населения в Бактрии составляли собственно бактрийцы – этносы восточно-иранского происхождения, письменность и язык которых отражен во многих памятниках. Три значительных этноса Бактрии имели свою письменность. Две из них – бактрийская и кхарошти – применены в надписи из Дашти-Навура, так как первая из них отражала язык еще основной массы коренного населения Кирпанда, а вторая – язык населения индийских колоний и буддийской религии, игравшей исключительно важную роль в жизни кушанского общества. Третий пласт населения Кирпанда, игравшие важную роль в политической жизни общества были скотоводческие народы юечжи и тохары (возможно, они – один и тот же народ), язык и письменность которых до сих пор не определена. Поскольку роль юечжей в истории Кирпанда была велика, а в трилингве из Дашти-Навура «неизвестная» письменность фигурирует как официальная наряду с кхарошти и бактрийской, то, возможно, что неизвестная письменность передает юечжийско-тохарский язык. Эта письменность была не только официальной, но и употреблявшейся в народной среде, если судить по надписям на керамике из сельских поселений.¹²⁷

¹²⁷ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии, с.150-158

Памятники письменности Кирпанда на трех официальных языках империи свидетельствуют о высокой политической культуре правителей, которые учитывали интересы всех этнических слоев общества и о широком распространении письменности во всех уголках страны. Около сотни рукописей, написанных «бактрийским письмом» хранится в частной коллекции Д. Халили в Лондоне, среди которых Н. Симс-Вильямс помимо писем определил более 20 юридических документов – «контракты, соглашения о продаже и аренде, гарантии, расписки, акты дарения или освобождения».¹²⁸ Само становление письменности Кирпанда является ярким свидетельством того культурного синтеза, который происходил в могущественной империи Центральной Азии. Французский исследователь Ж.Фюссман отмечает, что, восстановив в качестве государственного бактрийский (арийский) язык, Кушаны одновременно в Индии сохраняя индийскую администрацию, широко практиковали двуязычие. Кушанские правители покровительствовали всем индийским культовым системам – шиваизму, буддизму, вишнуизму и джайнизму. По мнению исследователя, это было одним из главных достижений кушанской политики. «Этот намеренно вызванный и принятый симбиоз иранского и индийского элементов империи явился, бесспорно, одной из многочисленных причин относительной стабильности и долговечности империи».¹²⁹

Особое явление в культурной жизни Кирпанда составляет массовое распространение буддизма. Проявляя широкую веротерпимость и прокламируя на монетных сериях внимание к божествам самых различных религиозных систем, кирпандские правители сохраняли приверженность и к

¹²⁸ Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ, 1997, № 3, с.3-10

¹²⁹ Фуссман Ж. Язык и культура при кушанах // МАИКЦА. Вып.15, М.,1988, с.52

местным богам. Пантеон, изображенный на монетах насчитывает около тридцати божеств, фигуры которых сопровождаются надписью имен бактрийским письмом. Среди этих божеств находятся специфически местные, такие, как божество амударьинских вод-Вахш; общеиранские, как бог восходящего солнца Митра, богиня победы – Хванида, бог огня – Фарр; восходящие к месопотамским культам, как «великая госпожа» Нана; эллинистические – солнечный бог Гелиос, лунное божество Селена или греко-египетский Сарапис; индийские, в том числе Будда. Характерно, что вне зависимости от их происхождения все восточные божества (кроме Шивы) выполнены в традиции античной медальерной пластики, хотя не всегда наделены античными атрибутами. Антропоморфные образы этих божеств, в том числе Будды, создавались впервые, и при их создании кирпандские медальеры и другие художники обратились к иконографии античных божеств и персонажей.

Таким образом, в изображениях на монетах, как и в надписях, отразился процесс творческого освоения и использования для своих целей различных, в том числе не в последнюю очередь – античных художественных традиций.¹³⁰ Культовая пластика, распространение зороастрийских погребальных обрядов свидетельствуют о приверженности традиционным верованиям и значительной части населения Кирпанда.

Распространению среди населения буддизма способствовала социальная ситуация, создававшаяся широкой урбанизацией Кирпанда. Судя по всему, буддизм сыграл роль идеологии, позитивно воспринимаемой разными группами населения. Это был и городской патрициат, от которого требовались главным образом «донорские усилия», и масса новоявленных горожан, которые, покинув сельскую местность, чувствовали себя оторванными от привычного

¹³⁰ Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии, с.47-48

миросозерцания. Уравнение людей хотя бы в духовной области способствовали превращению буддизма в подлинно массовую религию.¹³¹ Разнообразие религиозно-философских систем и течений в Кирпанде, сосуществовавших в рамках единой политической системы, было одним из уникальных явлений в истории мировой цивилизации. Культурная толерантность в широком смысле этого слова явилась важным условием расцвета культуры Кирпанда, позволяла сохранять своеобразие местных традиций и достижений локальной культур наряду с созданием общих для всего огромного региона культурных ценностей. Как показывает анализ нумизматики, существовавшая веротерпимость, синкретический пантеон божества иранско - среднеазиатского, индийского, ближневосточного и античного происхождения - явный показатель религиозной толерантности в огромной империи на уровне политической культуры правителя.

В начале нашей эры возникает письменность и в Согде и тоже, как бактрийский, на арамейской основе. Согдийская письменность в древности и, особенно в раннем средневековье бытовала на огромных просторах Евразии - от Старого Мерва до Алтая, Монголии, Китая и Тибета, а согдийский язык являлся основным средством общения, особенно в торговле между различными народами, играла важную роль как средство коммуникации. В Синьцзяне и в Монголии, где контакты согдийцев с тюрками были особенно тесными, согдийское письмо было приспособлено к фиксации древнеуйгурского языка, начавшее великую эстафету среднеазиатской письменности от согдийцев к уйгурам и далее к маньчжурам.

Следует еще раз подчеркнуть цивилизаторскую роль согдийцев на трассах Шелкового пути. Если согдийцы на

¹³¹ Массон В.М.Средняя Азия и Индия:5000 лет культурных связей и творческого взаимодействия //Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.115

трассах Шелкового пути способствовали распространению экономических и культурных достижений, то роль бактрийцев-кирпандцев особенно важна в распространении античного наследия на восток, в распространении буддийской культуры, традиций длительного сосуществования различных религиозных систем и течений. Созревшая на местных среднеазиатских традициях буддийское искусство и архитектура дали новый импульс развития буддийской культуры далеко на востоке - в Китае, Японии, Корее. Культурная толерантность в государстве кушанской династии являлась важным условием расцвета культуры, позволяла сохранить своеобразие местных традиций и достижений локальных культур, наряду с созданием общих для всего региона культурных ценностей.

3.2. Культурное взаимодействие на Великом Шелковом пути в эфталитский период.

Культуру эфталитского периода можно обозначить эпохой Ренессанса Средней Азии. Огромные просторы эфталитского государства Кирпанда - первой империи в Центральной Азии, способствовали стабильному функционированию первого в истории человечества трансконтинентального и дипломатического тракта – Великого Шелкового пути. Объединение народов в рамках единого государства и относительная безопасность от внешних вторжений привели к росту городов, расцвету экономики и культуры. Появление на политической арене Кирпандской империи способствовало соединению цивилизаций Востока и Запада.

Генезис раннесредневековой культуры Кирпанда был сложным. Культура Кирпанда эфталитского периода развивалась в тесном взаимодействии с культурой оседлоземледельческого и скотоводческого населения. В его основе лежали местные традиции предшествующих периодов. Они проявляются в культуре Кирпанда по-разному,

например, в облике городов, для которых характерен квадратный план, трехчастное членение (собственно город, пригороды цитадель). Культура раннесредневекового Кирпанда представляет сложный сплав из бактрийско-тохаристанских, согдийских заимствованных элементов: сасанидских, китайских, византийских, индийских и др. Усвоение кирпандцами культуры других стран шло по линии прикладного и изобразительного искусства, архитектуры. Причем они не слепо копировали иноземные образцы, а творчески перерабатывали их, приспособляя к местным условиям и своим эстетическим запросам.

Культурную идеологию южного Кирпанда V—У1 вв. характеризует соперничество разных вероисповеданий, которое не несло преимущества ни одному из них и тем самым облегчило в дальнейшем идейную победу ислама.

Китайские источники говорят, что в Кирпанде «государственной» религией (это условно, поскольку на огромных просторах империи нельзя сказать о доминировании только одной религии в тот период) являлся буддизм. Сам шах Кирпанда был ревностным буддистом и духовной главой. Археологические материалы свидетельствуют о том, что буддизм проник в Кирпанд при Канишке и существовал до арабского завоевания УП-УШ вв., а на северо-восточной окраине Кирпанда – в Припамирье – не менее чем до начала IX в. Такие известные буддийские памятники, расположенные в Центральной Азии, как Бамиан, Каратепе, Фаязтепе, Калаи - Кафирниган, Аджина - тепа и другие, возникли в пору расцвета кирпандского государства. Хотя опять же, археологические данные свидетельствуют о сосуществовании вместе с буддизмом других верований. В Кирпандской империи замечен знаменательный факт - длительное сосуществование различных этно-культурных традиций, разных религиозных систем, и течений. Хотя ведущей идеологией был буддизм (поскольку сами правители были ревностными буддистами), тем не менее здесь

сосуществовали культы авестийского круга, джайнизм, шиваизм, зороастризм, манихейство, христианство. Такое разнообразие религиозно-философских систем и течений, сосуществовавших в рамках единой политической системы, было одним из уникальных явлений в истории мировой цивилизации.¹³²

Согласно отрывочным сведениям письменных источников, данным археологии и нумизматики, население эфталитского государства исповедовало буддизм, зороастризм, манихейство, христианство. По сообщению Сюань-Цзяна, в начале VII в. в Термезе было около десяти буддийских монастырей (сангарама) и тысяча монахов, ступа и почитаемые изображения Будды. В Чаганиане, соответственно, было пять монастырей с небольшим числом монахов, в Шумане и Хавамаране — два монастыря, в Кобадане — три. Китайский путешественник Хой Чао описывает, что в Тохаристане «царь и знать и народ» исповедовали буддизм. Археологические данные подтверждают эти сведения: в южном Кирпанде открыты монастырь Аджинатепе, святилища Калаи Кафирниган и Кафыр-кала, где пышное оформление скульптурой и живописью было призвано привлечь местных адептов и дальних паломников. Следы буддийских сооружений отмечены и в других местах: так, в Чаганиане обнаружены остатки монументальной ступы Чор-Дингак, при раскопках замка Зангтепе и на Кафыр-кале выявлены фрагменты буддийских текстов, в том числе «Винайя» — правила поведения для монахов и мирян-буддистов. По-прежнему исповедовался зороастризм в его местном варианте. По зороастрийскому обряду сохранения костных останков осуществлялись погребения в наусах Шуроб-Курган, хумные захоронения в Кафыр-кале. О приверженности к зороастризму свидетельствуют и данные нумизматики: на

¹³² Майтдинова Г.М. Государство Кирпанд — империя в Средней Азии. // Мероси ниегон, 2003, № 6, с. 154-159

многих монетах Кирпанда V—VIII вв. изображен алтарь со стоящими по обе стороны охранителями-фравашами или жрецами, причем это не простая имитация сасанидского чекана, но подтверждение приверженности местных правителей зороастризму. Очевидно, значительное место здесь принадлежало; и манихейству. Известно, что главой посольства правителя Чаганиана в Китай в 719 г. был манихей, носивший титул «великий учитель». Имели место и локальные народные культы. Так, по данным китайских источников, в Кирпанде почитался культ божественного коня.¹³³

Многообразие религиозных верований в эфталитский период нашло отражение в погребальных сооружениях и обрядах. Здесь отмечены единичные склепы, выбитые в песчанике, в лессе (Биттепе, Джулысай) или на крепостных стенах (Дальверзинтепе), прямоугольные одиночные (Шуроб-Курган) или многокамерные наусы (Курган), оссуарии (Иттифак), захоронения в хумах (Кафыр-кала) и керамических саркофагах (Каратепе), грунтовые могильники (Харкуш), курганные захоронения (Байтудашт, Ляхш I—II). Некоторые из них (наусы, хумные захоронения) продолжают погребальные традиции, свойственные Кирпанду кушанского времени, другие отличаются ранее не свойственными этой области погребальными сооружениями и обрядами. Таковы в частности керамические саркофаги, зафиксированные в могильнике Каратепе. Не исключено, что они представляли собой позднюю трансформацию керамических гробов парфянского типа, отмеченных в кушаиское время в ряде могильников Кирпанда.

Вопрос о культовой принадлежности некрополя в Каратепе остается открытым. Распространение христианства в раннесредневековом Кирпанде подтверждается сведениями письменных источников. Вместе с тем, устойчивость

¹³³ Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. С.237-275

погребальных традиций в южном Кирпанде не подтверждается отсутствием, как и прежде, оссуариев (за исключением оссуария с согдийской надписью из могильника Иттифак), широко распространенных почти по всей Средней Азии в раннем средневековье.¹³⁴

Однако по сравнению с кушанским временем заметно уменьшается количество памятников, связанных с вторичными захоронениями. Во многих могильниках господствует единый способ труположения на спине. Эти изменения были вызваны не только внешними факторами — вторжением новых этнических элементов, но и какими-то внутренними трансформациями культа.

Можно отметить и определенную общность в погребальной практике по всему Кирпанду. Так, в северном Кирпанде наусы по своей архитектурно-планировочной композиции идентичны однокамерным наусам Кирпанда кушанского времени. Отсутствие более ранних аналогий в Согде позволяет считать, что истоки согдийских наусов следует искать в бактрийских наземных погребальных сооружениях. По-видимому, через Согд архитектурный тип однокамерной и многокамерной наземной постройки (в истоках своих бактрийского генезиса) проникает в Чач, Южный Казахстан и Семиречье, а также, возможно, и в Хорезм, где мог наблюдаться и самостоятельный генезис этого типа сооружений, и его непосредственное проникновение по Амударье, издревле связывающей Хорезм и Бактрию.

Можно наметить и еще одну линию генетических связей в погребальной архитектуре юга Средней Азии и ее более северных областей. В южном Кирпанде (Биттепе) и Уструшане (Курукат) раскопаны некрополи, камеры которых выбиты в скальной породе на значительной высоте. Общее их сходство очевидно, но, вместе с тем, имеются и

¹³⁴ Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии. М., 1992, с.43

определенные различия. Для склепов Биттепе характерно разнообразие планировочных композиций: прямоугольные, квадратные, крестовидные, прямоугольные с нишей в задней торцовой стене, тогда как в Курукате преобладает, в основном, последний тип склепов и отсутствуют арочные входы-дромосы, характерные для Биттепе. Различен способ захоронения: в Курукате—массовые захоронения предварительно очищенных костей, погребений в хумах и оссуариях; в Биттепе — только труположение на спине. Определенные различия имеются и в составе погребального инвентаря — более разнообразного в Курукатском могильнике, где, однако, монетные находки малочисленны, в то время как в Биттепе они встречаются в каждом склепе. В Биттепе, за исключением одного склепа, нет керамики, широко представленной в Курукатском могильнике.¹³⁵

В погребальном обряде могильников южного Кирпанда эфталитского периода в сравнении с предшествующим временем примечательно полное или почти полное отсутствие керамических сосудов. Можно было бы предположить, что здесь их заменили деревянные сосуды, но таковых также нет, что, кстати сказать, не может быть объяснено плохой сохранностью дерева — в могильнике Биттепе прекрасно сохранилась маленькая коробочка-пиксида. Таким образом, отсутствие в могилах сосудов с пищей и напитками связано, скорее всего, с какими-то изменениями в погребальном культе. Душа по пути в загробный мир больше не нуждается в пище — так можно сформулировать изменения в представлениях жителей Кирпанда, где, начиная с эпохи бронзы, был обычай установки в могиле многочисленных сосудов с жертвенной мясной пищей. Вместе с тем в некоторых могилах (Дальверзин, Биттепе) положены зерна различных злаков, следовательно, происходит отказ не вообще от пищи, а в первую очередь от мясной. В этой связи следует обратить

¹³⁵ Массон В.М. Первые цивилизации. С.30-31.

внимание на то, что запрет мясной пищи являлся одним из главных предписаний манихейской религии, все служители и приверженцы которой должны были питаться только растительной едой .

Погребальные обряды манихеев мало исследованы. Не исключено, что одним из способов захоронения у них было трупоположение. Это вытекает из анализа отрывка парфянского текста о смерти Мани: «Апостол света снял нателные боевые доспехи и воссел на корабль света и воспринял божественное одеяние, диадему света, прекрасный венец, и с великой радостью, вместе с божествами света, которые сопровождали (его) справа и слева, при (звуках) чанга и радостной песни полетел с божественной мощью, словно молния-быстрая и видение блестящее, спеша к Столпу- восхода света в Лунносфере, к месту божественного собрания и остался у отца Ормузда-бога». Представляется, что у манихеев не существовало какого-то канонически утвержденного погребального обряда. Во всяком случае в тех областях Средней Азии и на территории нынешнего Синьцзяна, где укрепилась манихейская религия, ее адепты приспособлялись к уже существующей в данных областях погребальной практике, несколько изменяя ее в соответствии с требованиями этой религии, а вновь обращенные неопиты приносили в погребальную обрядность черты местных, издавна существовавших здесь обычаев и верований. В погребальном обряде раннесредневекового Тохаристана, наряду с определенными нововведениями, проступают черты более древних погребальных обычаев. Это касается, в частности, обычая класть в могилу, в рот или в руку погребенного или рядом с ним монету. Причем, во всех могильниках этого времени (Биттепе, Дальверзинтепе, Иттифак, Курган, Харгуш, Фаязтепе) найдено немало монет.¹³⁶

¹³⁶ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия - Тохаристан. Ташкент, 1990, с.144

Б. А. Литвинский вскрыл конкретное содержание обычая помещения монеты в могилу, отметив несколько важнейших мифологем: монета-оберег, наделенная особой ритуальной силой против порчи трупа; монета — средство приобретения пищи для загробного странствия; монета — дар, предназначенный владыке подземного мира с целью облегчения участи души покойного, и, наконец, монета — плата за перевоз через мистическую реку, отделявшую мир живых от загробного мира. Б. А. Литвинский полагает, что вкладывание монеты в рот или руку покойника в Бактрии соотносилось в какой-то мере с местными представлениями о передвижении души от места смерти до загробного мира, о преодолении ею водного потока.¹³⁷

Разделяя в целом эти выводы, следует отметить, что нахождение монеты во рту или руке покойного в общем-то редкое явление для кушанского Кирпанда, но более распространенное в эфталитский период. Гораздо чаще встречается помещение монет в могилу вне тела покойного. В этом случае монеты, как и другой погребальный инвентарь, можно рассматривать в качестве обычной вещи, необходимой покойному для существования в загробном мире, ибо душа в нем живет совершенно такой же жизнью, как и на земле. Не исключено и толкование обычая помещения в могилу своего рода платы, которой живущие откупаются от мертвого, дабы душа его не беспокоила их. В некоторых погребениях Биттепе монеты найдены на месте сердца — явный параллелизм бытующему у некоторых народов обычаю класть на сердце камень, чтобы воспрепятствовать выходу покойника из могилы.¹³⁸

Таким образом, смысловое значение обряда помещения монеты в погребение у жителей раннесредневекового

¹³⁷ Литвинский Б.А. Седов А. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984, с.156-157, с.160-161

¹³⁸ Ртвеладзе Э.В. Могильник Кушанского времени Ялаканг-туштепе.//СА, 1983, №1, с.314

Тохаристана могло быть самым разнообразным. Важно, что этот обычай указывает на преемственность погребальной обрядности античной Бактрии и Кирпанда эфталитского периода. Об этом же свидетельствует и сохранившийся обычай помещения в могилу вещей, иногда в большом количестве. Набор предметов, за исключением керамики, фактически тот же, что и прежде: серьги, бусы, браслеты, перстни, кольца, ножи, "иглы, наконечники стрел, пряжки, монеты. Реже встречается обычай помещения в могилу нарочито сломанных зеркал (Биттепе, Шуроб-Курган), отсутствует оружие. Все это в совокупности составляет комплекс преемственности не только культурной, но и, вероятно, этнической.

Духовная культура Кирпанда эфталитского периода предстает в памятниках местной письменности. Согласно Сюань-Цзяню, его жители имели письменность на основе 25 букв, писали поперек страницы и читали слева направо. Очевидно, он имел в виду бактрийскую письменность греческого происхождения.

Немногочисленные сведения исторических источников дополняют нумизматические и эпиграфические данные, свидетельствующие о бытовании здесь различных систем письменности. Среди них бактрийская по-прежнему занимала ведущее место в ряде областей южного Кирпанда и в особенности в Чаганиане, что подтверждается, в частности, монетными легендами с именами и титулатурой правителей, переданными развитым бактрийским курсивом. К примеру, бактрийское монументальное письмо, трансформированное в курсив, использовалось в Кирпанде на протяжении всего раннего средневековья. Еще в предшествующий период царь Канишка составил текст своего эдикта на арийском языке, чего ранее не существовало. Арийский – это бактрийский, который сохранился в Кирпанде до начала УШ века, когда Кирпанд исчез с исторической арены. Именно Канишка, как мы указывали выше, заменяет в официальной сфере

греческий местным бактрийским- арийским языком. Арийский язык был языком коммуникации на огромном пространстве империи, наряду с местными языками.¹³⁹

Показательно также, что рядом с согдийской надписью из 16 строк на стенных росписях дворца в Афрасиабе, повествующей о чаганианском посольстве в Самарканд, расположены две строки курсивным бактрийским письмом, которое В. А. Лившиц считает образцом официальной письменности Чаганиана.¹⁴⁰ Судя по монетным данным, она бытовала там до конца VIII в. Нумизматические данные свидетельствуют, что бактрийская письменность применялась в Гуфтане, Вахше и округе Термеза, где на Зангтепе найден острак, с шестистрочным курсивным содержанием, нанесенная черной краской на штукатурку, обнаружена, при раскопках дворца на Кафыр-кале.

Определенное распространение в Кирпанде получает согдийское письмо. Наиболее ранние его образцы — краткие легенды-надчеканы, передающие согдийский титул хвр, отмечены на чаганианских подражаниях монетам Пероза конца V—начала VI в. Его распространение здесь связано, вероятно, с включением Согда в это время в состав государства эфталитов. В последующее время, однако, в Кирпанде монеты с согдийской легендой уже не выпускаются. В буддийской среде в южном Кирпанде применялся индийский брахми. В Зангтепе найдены остатки 12 санскритских рукописей V—VIII вв., одна из которых содержит отрывок из «Винайи». Фрагменты рукописей VII—VIII вв. на брахми обнаружены также на Кафыр-кале. Однако, по заключению М. И. Воробьевой-Десятовской, индийским письменностям, найденным в Средней Азии, не следует придавать широкого значения, поскольку они использовались только в буддийских монастырях. Определенное распространение имела в Кирпанде и пехлевийская

¹³⁹ Майтдинова Г. Государство Кирпанд. с.182 - 183

¹⁴⁰ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975, с.52-56

письменность, судя по сасанидским монетам IV—VII вв. и более ранним памятникам, каковы остраки из Дальверзинтепе и граффити из Каратепе III—IV вв.¹⁴¹

В упомянутой согдийской надписи из Афрасиаба чаганианский посол Пукар-заде носит титул «начальник канцелярии писцов» — дапирпат.¹⁴² Следовательно, в Чаганиане существовала писцовая школа, так же, как, видимо, и в других областях южного Кирпанда.

Литературных произведений здесь пока не найдено, но существование их не подлежит сомнению. Косвенные данные позволяют судить, что в Кирпанде по-прежнему процветало музыкальное искусство. При раскопках Балалык-тепе найдены фрагменты лютни. На «Строгановской чаше» Эрмитажа представлены музыкальные инструменты: обезьяны-музыканты представлены, одна из них с двусторонним барабанчиком, другая — с горизонтальной флейтой. В Китае времени династии Тан пребывали «западные» музыканты — преимущественно флейтисты из согдийских и тюркских областей, а также из припамирской области Кумед. Из Согда и Кумеда поступали в качестве даров ко дворам императоров искусные танцовщицы, «девы с запада, крутящиеся в вихре», чьи танцы, несомненно, исполнялись под привычный для них музыкальный аккомпанемент.

В IV — середине V в. формируется кушано-сасанидский культурный комплекс, обладающий большой унификацией всех его элементов. Это был период зарождения новых эстетических начал. Облик культурного времени определяли уже не города, а сельские центры, переживавшие экономический подъем.¹⁴³ Этим, в частности, объясняется

¹⁴¹ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан., с.146-147

¹⁴² Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба., с.55

¹⁴³ Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1989, с.134-135

характер застройки Зартепа и особенно Гаравкалы. Квалифицированные ремесленники, ставшие жителями сельских поселений, изготавливают продукцию «городского» качества. Наиболее богатые горожане становятся владельцами земли, усадеб, замков.

В эфталитский период ознаменовано в Кирпанде существенными видоизменениями в среднеазиатской архитектуре – сооружением рядом с селениями многочисленных замков-кешков в сельских районах, а в сократившихся в это время числом и размерами городах – жилых домов, дворцов и храмов нового типа. В оформлении их входили скульптура и стенопись иных, чем ранее, содержания и стиля.

В эфталитский период были заброшены не только городские центры (Зартепа, Гаравкала, Дильберджин), но и многие сельские поселения. По наблюдениям Т. Аннаева, в Шерабадском оазисе Сурхандарьи из 13 изученных поселений кушанского времени восемь пришли в полный упадок. В Бешкентской долине жизнь продолжается в последующее время лишь в одном из шести поселений — на Безымянном городище. При этом практически на всех оставленных жителями памятниках найдено большое количество годных к употреблению керамических сосудов, других бытовых изделий. Это говорит о том, что жителям городов и поселений пришлось спешно покинуть свои дома, очевидно, в результате военных действий. Часть жителей долин вынуждена была переселиться в горы. Так, в V в. появляется поселение в одном из микрорегионов Кирпанда— верховьях р. Ширкент. В пределах Кирпанда при эфталитах стали формироваться самостоятельные владения, число их ко времени визита Сюань-цзана достигло 27. Политические проблемы вызвали кризис крупных городов, культовых учреждений, однако успешно развивалась экономика и культура сельских районов. В это же время здесь начала формироваться новая городская культура, получившая

развитие в VI—VII вв. На смену мегаполисам приходят небольшие города и городки. Часть из них была возведена заново. В пределах старых границ возводились небольшие города. К первым из них, например, относится Кафыркала (Хелаверд), ко вторым — Калаи Кафирниган.

Посткушанский период в истории Кирпанда был переходным от эпохи эллинизма к раннему средневековью. Все сложные социально-экономические новации того времени свидетельствуют о зарождении в стране крупного землевладения. Наблюдается быстрый рост поселений и городов на протяжении IV—VII вв. Традиции предшествующего периода выявляются при анализе архитектуры. Это касается планировочной схемы «двор с обводом из коридора и различных помещений». Исходными моделями для некоторых раннесредневековых буддийских памятников явились древнебактрийские храмы, такие, как храм Окса на городище Тахти Сангин. Планировочная схема бактрийских многокамерных наусов, состоящая из осевого коридора и симметрично расположенных по обе стороны от него камер, явилась основой для коридорно-гребенчатой структуры, широко применявшейся для строительства кирпандских замков и исламских домов. Однако в способ разгрузки стен с помощью стоек в богатом жилом доме на Дальверзинтепа и в аудиенц-зале правителей области Вахш. Аналогична конструкция бактрийских и тохаристанских каминов. Приемы бактрийской фортификации использованы в оборонительной системе Хелаверда. Близкие параллели выявляются и в отдельных категориях предметов материальной культуры, например, в керамике.

Особое место в культуре Кирпанда эфталитского периода буддийским монастырям и храмам, открытым в Калаи Кафирнигане, Аджинатепа.¹⁴⁴ Приверженность к буддийскому канону определяет здесь и в скульптуре, и в живописи традиционный состав основных образов, но стиль

¹⁴⁴ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971

уже во многом отличен от стиля античного времени. В буддийских памятниках право- и левобережного (в Северном Афганистане) Кирпанда этот стиль, именуемый «буддийским барокко», отличает гибкая пластика поз, кукольно жеманная прелесть лиц, мелкая проработка деталей. Но, как и ранее – реализм в изображениях мирян, почитателей буддизма, при подчеркнута скромных размерах в сравнении со сверхнатуральным масштабом фигур Будды. Иное дело пластическое оформление дворцов и храмов северного Кирпанда. Круглообъемная деревянная скульптура оформляла в интерьерах стойки и кронштейны в виде «кариатид» (Пенджикент). В декоре же дверей и фризов стен она переходит в горельеф, чаще – барельеф, соподчиненные стенной плоскости. Большую роль играет также резьба по ганчу. Сюжеты всех этих рельефов разнообразны – божества под арками, охотники, танцовщицы, морской дракон-макара, женщина-птица, витязи, крылатый конь, поединок конных воинов и другие. Но наряду с изобразительными мотивами видную роль играл архитектурный орнамент, заполняющий бордюры, а иногда целые панно- предвозвездие ведущей роли орнамента в среднеазиатской архитектуре последующих времен.¹⁴⁵

И все же пластический декор уступал лидирующую роль живописному. Настенная живопись принадлежит к великим созданиям художников Кирпанда. Безгранична тематика росписей – битвы и пиршества, нравоучительные притчи и подвиги эпических героев, тронные сцены и посольства, следующие ко двору, божества и их почитатели, цари и мифологические существа, безграничный мир преданий, сказочных сюжетов, прошедших сквозь фильтр эпического творчества и исторических событий. И все это – при высоком

¹⁴⁵ Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан., с.154-160; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982, с.111; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев., с.295-301

уровне живописного мастерства, показателя высокого уровня профессионализма кирпандских локальных живописных школ. Подобного взлета живописного мастерства не знал могучий Сасанидский Иран, где в скульптуре царил холодный прокламативный стиль, прославлявший могущество власти, а живопись почти отсутствовала. Возможно, именно духовная толерантность в кирпандском обществе определила большую свободу творчества живописцев, которые, осуществляя убранство богатых домов, дворцов и храмов, соревновались в качественном его выполнении и в разнообразии сюжетов, черпая их из мира народной сказки, героического эпоса и местной мифологии.

Кирпанд в У1 в. был цветущей страной, которая состояла из множества владений, включавших города и близлежащие селения. Кирпандский город был не только политическим, но и культовым и торгово-ремесленным центром. Он служил также местом сосредоточения богатств и культурных ценностей.

Памятникам северного Кирпанда относится городище древнего Пенджикента, которое раскопано более чем на половину. Оно было относительно невелико: его площадь не достигает даже 20 га, Пенджикент VI—VIII вв. состоял из трех частей: цитадели, которая разместилась на западе, на высоком холме; отделенного от цитадели оврагами и обнесенного крепостными стенами собственно города (шахристана); расположенных еще восточнее, за пределами шахристана, небольшого пригорода и обширного некрополя. На цитадели размещался дворец правителя княжества (и владетеля города), на шахристане - два больших храмовых комплекса, жилые дома городской знати и купечества, базары и лавки. За городом находились пригородные усадьбы, отдельные дома ремесленников и состоятельных земледельцев, а также постройки некрополя. Наиболее широкими по размаху и времени изучения (с 1947 г. по сей день) являются раскопки на шахристане, давшие множество

разнообразных находок памятников быта, в том числе керамических и иных изделий, монет, разноязычных надписей и произведений монументального искусства и мелкой пластики.

В шахристане Пенджикента раскопаны два больших, располагавшихся по соседству храмовых комплекса и монументальные жилища городской верхушки в восточной части. Храмы функционировали долгое время. Составляемая храмами культовая зона шахристана занимала не менее шестой части всей его площади. Оба больших и нарядных храма находились на высоких платформах посреди прямоугольных в плане дворов, ограниченных каре из вспомогательных построек или дополнительных стен. Храмы по своему устройству во многом сходны. На восток, навстречу первым лучам восходящего солнца, почитаемого во многих культурах, а не только в древнеиранских (включая авестийские), обращены и главные здания храмов и айваны их оград. Удачным для исследователей пенджикентских храмов обстоятельством было то, что первый храм погиб в огне пожара, второй же был заброшен. В результате при раскопках второго (северного) храма на стенах помещений удалось расчистить остатки многокрасочных живописных композиций, в то время как деревянные архитектурные детали — колонны, плоские балочные перекрытия, оформление входных проемов — либо были растащены еще в древности, либо сгнили. В южном же храме стенные росписи в большинстве основных помещений безвозвратно погибли от пожара, но зато именно благодаря этому сохранились многие деревянные архитектурные детали: обугленные, заваленные рухнувшей кровлей и верхними частями стен, они более 12 веков пролежали под землей.

Долгое время считалось, что восточнее храмов на городище древнего Пенджикента, на месте крупной западины, располагалась центральная площадь. Позднее выяснилось, что здесь были обширные внешние дворы,

примыкавшие к внутренним храмовым. Отсюда, по-видимому, открывалась величественная панорама, которую горожане, окрестные жители и, возможно, заезжие купцы могли видеть (особенно по праздничным дням), не входя во внутренний двор. В нишах величественных храмов располагались большие глиняные статуи, стены украшала яркая живопись, а деревянные архитектурные детали, художественная резьба, как и глиняные фигуры, были раскрашены. Жители могли видеть ритуал возжигания алтарей огня и чувствовать запах ароматических веществ. Более того, согласно гипотезе Б.И. Маршака, при исполнении ритуалов, во всяком случае в одном из храмов, судя по материалам раскопок, применялись специальные подъемные устройства для того, чтобы в нужный момент неожиданно доставлять на храмовую платформу оборудование или человека для своеобразного театрализованного действия; тем самым усиливалось религиозно-эстетическое воздействие на верующих и иных зрителей. Во внутреннем дворе храма на раннем этапе существования росло большое лиственное дерево и располагался алтарь огня (культ "священного дерева" отмечается и у современных таджиков, а поклонение "священному огню" прочно вошло во многие ритуалы древних иранцев.)

Оба храма представляли собой не только культовые здания, но и замечательные образцы синтеза искусства — умелого сочетания архитектуры, скульптуры и живописи. Художественное воздействие посетители чувствовали сразу же у входа во внутренний храмовый двор. Северная часть центрального входного айвана, ведущего из внешнего во внутренний двор южного храма, к сожалению, оказалась сильно разрушенной, и о былом убранстве айвана можно судить лишь по находкам в его южной половине. А они были весьма неожиданными. По сторонам от входного прохода обнаружены остатки крупных глиняных скульптур. Как бы выступающие по пояс из глиняного возвышения — суфы —

две фигуры, слева и справа от прохода, поддерживали массивные многогранные подставки. Вполне вероятно, что на этих подставках в древности размещались две фигурки крылатых богинь победы, державших в руках венки, который оформлял сверху входной проем. В скульптуре сквозь века четко проступала известная по кушанским (и парфянским) памятникам античная в своей основе художественная манера.

К югу, покрывая западную и южную стены айвана, тянулась удивительная рельефная композиция. С двух сторон ее замыкали бугры, передающие, вероятно, холмистые берега. Все пространство между ними занимало изображение водного простора со спиралевидными завитками волн, окрашенное некогда в ровный синий цвет. В этих волнах плавали рыбы и морские существа. Наибольшую загадку, пожалуй, заключали в себе изображения дельфинов и персонажей на южной стене айвана, поскольку относились они отнюдь не к среднеазиатскому миру образов и представлений. У левого края этой композиции-рельефа изображен высывающийся из подводного грота чудовищный зверь с огромной разинутой зубастой пастью. Неподдалеку от него мускулистая фигура тритона — юноши с рыбьими плавниками вместо ног. Еще правее, за спиной одного из дельфинов, как бы встают из морских волн две фигуры — мужская с трезубцем в руке и женская с распущенными волосами. Так во входном айване пенджикентского храма изображены легендарный индийский чудовищный зверь макара и персонажи античной мифологии — Тритон, Нептун и nereиды. Эту сенсационную находку изъяснил А.М. Беленицкий, обнаруживший среди изданных материалов из Северной Индии каменный рельеф с композицией, по сюжету напоминающей пенджикентскую: на нем вместе с двумя потоками изображены макара и водные божества. Надпись на поздне- или послекушанском по времени индийском рельефе сообщала, что он посвящен

божествам водной стихии, в данном случае божествам великих индийских рек Ганга и Джамны.

Позднее сходная композиция обнаружена и на одном из буддийских рельефов в Афганистане. Стало ясно, что в Кушанском царстве и после его падения в Индии, Афганистане и Кирпанде такие композиции были, вероятно, нередкими. Пенджикентский же рельеф — самый поздний из культовых произведений такого рода — можно рассматривать как посвящение божествам столь почитаемой во всем мире орошаемых земель водной стихии, и в первую очередь водам Зеравшана (возможно, и всех рек его бассейна), с древнейших времен по сей день дающим жизнь всем оазисам призеравшанского Кирпанда.

Весьма интересными оказались также дошедшие до наших дней стенные росписи пенджикентских храмов с изображениями сидящих, поджав ноги, знатных мужчин, украшенных ветками и цветами, и особенно знаменитая "сцена оплакивания", как сразу же определили ее раскапывавшие этот храм А.И. Тереножкин и А.Ю. Якубовский. Эта выразительная роспись, открытая на стене центрального зала второго (южного) храма, вскоре стала широко известна археологам и искусствоведам, интересующимся древней Средней Азией. В правой ее части на фоне крепостной стены изображена переносная, вероятно деревянная, постройка-павильон с арками и купольным верхом. В павильоне лежит в окружении плакальщиц усопший (женщина или юноша с длинными волосами). Оплакивающие его как внутри павильона, так и снаружи (группа мужчин и женщин) рвут на себе волосы, царапают лица, надрезают мочки ушей (по сообщениям некоторых китайских и арабских источников, именно так проявляли свою печаль во время похорон умерших согдийцы и древние тюрки). Разные ученые предлагают различные трактовки этой сцены. Но все сходятся на том, что она изображает прощание с каким-то из божеств. Первое по времени объяснение этой

сцены представляется все же наиболее убедительным. Согласно ему, изображая участвующих в оплакивании усопшего светлолицых, с европеоидными чертами согдийцев и смуглых, с выдающимися скулами и раскосыми глазами монголоидов, художник стремился показать, что передает "всемирную" скорбь представителей обеих рас, известных в Средней Азии того времени. В левой части росписи были, кроме того, изображены более крупные по размеру женские божества, также, видимо, участвовавшие в сцене оплакивания (справа от павильона на стене прослежены во время раскопок плохо сохранившиеся крупные остатки скульптур мужских божеств). Оплакивали усопшего, таким образом, не только все люди, но и боги Кирпанда. И, по-видимому, скорбели они по известному почти повсеместно умирающему и воскрешающемуся божеству природы, что могло происходить именно весной, в начале согдийского нового года.

Изучение пенджикентских храмов и определение их культовой принадлежности, как и совершаемых в них ритуалов, крайне сложно, многое все еще вызывает споры. Достаточно, наверное, будет сказать, что и сейчас нет ответов на некоторые главные, связанные с ними вопросы. Нет, например, убедительного объяснения, почему в небольшом городе было два храма, во многом сходных между собой и располагавшихся по соседству. Только предположительно, на уровне гипотез, можно говорить и о том, насколько они связаны с "ортодоксальным (сасанидским) зороастризмом" и почему в них явно отмечаются следы древнейших, даже первобытных, культов и верований: вполне можно отрицать "зороастрийский" (если под этим термином подразумевать религию сасанидского Ирана) характер пенджикентских храмов и полагать, что они принадлежали местным, согдийским, последователям древних иранских языческих культов авестийского круга с поклонением огню и другим священным стихиям (в том числе воде), изображениям

многих божеств ("идолов"), оплакиванием покойных (категорически запрещаемым сасанидским "зороастризмом"), как и языческого божества умирающей и воскрешающейся природы, культом "священного дерева" и т. п.

Наиболее ценны в историко-культурном отношении раскопки в жилищах пенджикентского шахристана. Эти жилища группировались, особенно в конце VII—VIII в., в прямоугольные в плане кварталы, которые разделялись прямыми длинными улицами. Ядром каждого квартала были двух, а то и трехэтажные дома городской знати. К этим домам-дворцам пристраивались жилища менее богатых купцов и землевладельцев, а то и мелких хозяев лавок и мастерских, селившихся обычно вдоль улиц и переулков. Известны случаи, когда помещения верхних этажей двух кварталов смыкались над переулками, создавая своеобразное перекрытие. Пенджикентский квартал, получивший обозначение "объект VI", насчитывал только на первом этаже 65 разнообразных помещений. В квартале удалось выявить изолированные группы комнат — жилища отдельных семей горожан. Одна из групп, включавшая 10 помещений, — "квартира" представителя пенджикентской городской верхушки. Вход в этот "жилой комплекс" вел с запада через небольшой двухколонный айван — помещение 17 с небольшими суфами. Входной айван украшали росписи, от которых сохранились лишь остатки. Через массивную деревянную дверь, можно было попасть в маленький вестибюль, налево от которого находилось обязательное для всех жилищ древнего Пенджикента сооружение для подъема на второй этаж (или на плоскую крышу) — бесступенчатый пандус или лестница, вьющаяся вокруг центрального устоя. Направо находились небольшие полутемные комнаты слуг с отдельным входным айваном, а прямо впереди — парадная часть дома. Эта важнейшая часть знатного жилища состояла всего лишь из трех помещений: большого квадратного в плане зала и двух длинных коридорообразных комнат. Одна

из удлиненных комнат была кладовой: во вкопанных в пол крупных сосудах - хумах — хранились зерно, вино и другие сыпучие и жидкие продукты. Длинный же и высокий коридор вел непосредственно в парадный зал. Небольшое прямоугольное окно, находившееся под самым замком свода в высокой торцовой стене коридора, слабым светом освещало его гладкие стены и потолок. В таинственной полумгле гостя (или гостей) проводили к широкому входному проему, ведущему в зал. Распахивали плотную завесу — и посетитель поражался резкому контрасту: из полутемного коридора он вступал в многокрасочный, ярко освещенный просторный зал, стены которого были покрыты росписями.

За полвека раскопок в шахристане древнего Пенджикента выявлено множество таких парадных залов, и, комбинируя находки и наблюдения, сделанные в них, можно представить себе, как выглядели этот и другие однотипные парадные залы в монументальных жилищах пенджикентской знати более 12 веков назад. В центре плоской деревянной кровли, опиравшейся на четыре стройные колонны, находился большой световой люк. Яркие лучи солнца, проникая через него, играли на богатой резьбе деревянных балок, капителей и фризов, составленных из отдельных скульптурных фигур и барельефов, располагавшихся по верху стен (детали, открытые позднее, не отмечены на этой реконструкции), на многокрасочных стенных росписях, коврах и подстилках, которые покрывали пол и суфы, тянувшиеся вдоль всех стен парадного зала.

Напротив входа суфа имела расширение — своеобразную площадку, "место почетного сидения". Здесь, очевидно, восседали хозяин — знатный пенджикентский гражданин и особо почитаемые гости. За их спиной во всю высоту стены был изображен какой-либо персонаж, сидевший на троне в виде свернувшегося зверя. В рассматриваемом нами зале персонаж сидел на троне в виде льва (от трона дошла задняя часть этого изображения с хвостом). Центральные части стен

обычно сохраняются хуже угловых, чем и объясняется плохое состояние главных изображений. Невозможно достаточно точно определить, кто был этим, а в других залах подобным персонажем: какое-либо божество, покровительствовавшее семье, обитавшей в "квартире"; прославленный царь, богатырь или иной легендарный предок хозяина дома. В разных жилищах знати, судя по остаткам росписей, персонажи божественных покровителей не повторялись. Но именно к такому персонажу были обращены изображенные слева и справа от центра сцены музыкантши, которые как бы играли и пели, возможно о событиях, связанных с историей, скорее всего легендарной, предков главы обитателей дома. Живописные сцены из этих повествований разворачивались перед хозяевами и их гостями в широких поясах, переходивших с одной стены на соседнюю по всему залу. В этих сериях сказочных картин преобладают сцены боев и поединков могучих богатырей и их победных торжеств и пиршеств. Так отразились идеалы знати той эпохи, которые дошли до нас и вместе с песнями западноевропейских бардов, и стихами "Книги царей" великого Фирдоуси, вобравшими в себя легендарную историю повелителей Ирана и Турана. Некоторые из таких повествований известны по парфянским и среднеперсидским текстам, а также по согдийским текстам, найденным в Синьцзяне.

Выполненные на гладком матово-черном фоне росписи парадного помещения, так называемого «Черного зала» приковывали к себе взгляды современников. Изображенные в этом "черном" зале фигуры и детали одежд окрашены в какой-либо один (притом обычно ровный) цвет. Фигуры переданы в явно стилизованной манере, подчиненной определенным, четко сложившимся представлениям о красоте: у всех персонажей мягко очерченная широкая грудь, тонкая талия, стройные ноги, удлиненные пальцы рук. Позы персонажей условны и манерны (особенно положение рук и пальцев). Но нанесенные как бы единой линией фигуры

росписей "черного" зала четко выделяются на фоне стены, обретая форму и объем, пленяя изяществом и выразительностью. Такова, например, фигура музыкантши, перебирающей невидимые струны арфы изысканным движением красивой руки. Таковы схватившиеся в смертельном поединке могучие воины, переломавшие уже немало оружия и обратившиеся в конце концов к копьё и луку со стрелами. Таковы пирующие царь и его приближенные или гости, разместившиеся под богатым навесом на роскошных коврах или подстилках, а левее этого шатра — царь на раскладном стуле.

Кирпандские живописцы с необычайной тщательностью вырисовывали каждую деталь одежды, вооружения и бытовых предметов, и, несмотря на условность канонизированных фигур, поз и жестов персонажей в целом, можно детально изучать материальную культуру Кирпанда, донесенную росписями через более чем 12 веков. Все эти сцены относились, очевидно, к единому повествованию, рассказывали о подвигах одних и тех же богатырей, так как их изображения повторяются. По-видимому, и витязь в крылатой короне (сцена поединка), и царь на троне (сцена пира), и сидящий на походном стуле витязь в короне, приглашающий кого-то изысканным жестом правой руки испробовать яства из золотых блюд и чаш, - это один и тот же персонаж, скорее всего легендарный предок хозяина дома, а все росписи "черного" зала — попытка в доходчивой форме поведать о знатности обитателей богатого дома, о подвигах и славе его предков. Парадный зал, таким образом, должен был демонстрировать и родовитость, и богатство своих хозяев.

"Черный" зал— всего лишь парадный зал (притом ничем не отличающийся от других) одного из жилищ знати древнего Пенджикента. Но в то же время — это типичное, характерное для пенджикентского городища. Залы такого типа неизменно открываются как в Пенджикенте, так и в других предарабских согдийских городах. Следует добавить, что в ряде случаев

росписи покрывали не только парадные залы, но и айваны и отдельные сводчатые коридоры богатых зданий. Тогда того времени.

Не менее интересна и выразительна живописная композиция еще одного парадного помещения того же квартала — "синего" зала. Росписи помещения были выполнены по синему фону, а сохранились они лучше, чем в "черном" зале. Повествовала же композиция о подвигах богатыря, которым, вероятно, гордилась семья, жившая в этой "квартире". Был ли он прославленным персонажем иранского эпоса Рустамом, как предполагал А.М. Беленицкий, или неведомым нам героем — трудно сказать. Судя по росписям, он был отважен и почитаем потомками.

Сохранилась довольно большая часть росписей "синего" зала с тремя широкими и одной более узкой полосами общей площадью свыше 40 м². Две верхние широкие полосы, скорее всего, повествовали о подвигах одного и того же персонажа.

Наиболее полно сохранилась вторая снизу широкая полоса с последовательно размещенными сценами подвигов, выпавших на долю героя. На первой из этих сцен герой сидит на гнедом коне и направляется во главе небольшого конного отряда навстречу своей судьбе. На этом же коне и в той же одежде он изображен на всех остальных сценах. Далее он изображен в конном единоборстве с каким-то витязем, которому он накинул на шею аркан. Две следующие сцены повествуют о поединке героя с фантастическим змеевидным огнедышащим крылатым драконом с головой льва и человеческими руками. Чудовище схватило героя и пытается затянуть его в свою пасть, в то время как его змеевидное тело обвивает ноги коня. Герой успел нанести дракону несколько ударов - из тела последнего хлещут языки пламени. Все, однако, окончилось для героя благополучно: он во главе своей дружины, гордый и невозмутимый, направляется далее, оставляя позади умирающего (и исходящего огнем) дракона. Следующим подвигом героя и его соратников стала битва с

демоническими существами, которых художник наделил внушающими ужас лицами, рогами и копытами. Некоторые из демонов сражаются пешими, другие же летят в бой на крылатой колеснице.

Завершая беглый обзор росписей "синего" зала, упомянем сцену конной схватки двух отрядов, как бы летящих строй на строй. И витязи, и лошади на этой сцене изображены точно так же, как в других батальных сценах "синего" и "черного" залов. Можно сделать вывод, что в настенной живописи, как в былинах и сказах многих народов, для передачи отдельных состояний существовали изобразительные и литературные штампы.

Упомянем, наконец, и нижнюю узкую полосу росписей — канву, располагавшуюся непосредственно над суфой, на которой сидели хозяева и их гости. На этой полосе в "синем" зале (и в некоторых других парадных пенджикентских залах) размещались сцены из популярных тогда в Согде литературных и фольклорных, в том числе и иноземных, сюжетов, отличавшихся большим разнообразием. Так, характерна сцена, в которой мы видим быка, льва и шакаловидного зверя. В таком сочетании выступают, как известно, главные герои знаменитого индийского сборника сказок "Панчатантра", в арабо-персидской литературе известного под названием "Калила и Димна". Особо наглядной иллюстрацией к рассказу из "Панчатантры" является сцена, где действующими персонажами выступают лев и заяц. Источник этого сюжета мы находим в притче, помещенной в "Панчатантре", в разделе, озаглавленном "Разъединение друзей". Эта притча рассказывает о льве, опьяненном гордостью, которого погубил ловким обманом заяц и тем самым спас от тирании льва не только себя, но и других зверей». В этой сцене показано, как лев, видимо по совету зайца, посмотрел в водоем и, решив, что там спрятался его соперник, прыгнул туда. «Говоря о связи сюжетов с "Панчатантрой", — писал А.М. Беленицкий, — необходимо

подчеркнуть, что речь идет именно о литературном источнике, который был известен в Согде и был знаком, несомненно, пенджикентским художникам. Сейчас хорошо известно, что сочинение это имелось в переводе на согдийский язык (благодаря находкам отрывков из этого сочинения в Синьцзяне). Другим источником, о существовании которого известно по отрывкам из него на согдийском языке, является сборник басен Эзопа. Именно к нему восходит сцена... с изображением юноши, наказанного за чрезмерную жадность». На двух сценках из этого помещения изображено следующее: справа сидит гордый хозяин гусыни, несущей золотые яйца; чуть левее показано, как он, решив, видимо, сразу завладеть всеми яйцами, вспарывает гусыне живот. Слева жадный хозяин показан скорбящим о своем непродуманном поступке, лишившем его постоянного источника доходов.

В последние десятилетия в Пенджикенте раскопаны многие новые парадные залы, в том числе и остатки подлинного дворца правителей Панча, располагавшегося в цитадели, рядом с ее вершиной. Среди многих открытых на шахристане новых зданий, значительно обогативших знания об этом городе и Согде вообще, нельзя не отметить парадный зал, лежавшего примерно посередине южной половины городища. Тщательная полевая фиксация и скрупулезнейшая камеральная работа над фрагментами, упавшими со стен и потолков зала, позволили создать графическую реконструкцию этого парадного помещения.

На южной стене зала изображена, по определению Б.И. Маршака, чета победоносных божеств, ведающих погодой. На противоположной, северной, стене верхом на льве сидит одна из наиболее почитаемых в Согде и домусульманской Средней Азии еще с кушанской поры богиня Нана (или Нанайя); в правой руке она держит солнце, в левой — луну. Помимо этих трех божественных покровителей семьи, обитавших в данном конкретном доме (их значимость

подчеркивалась и крупными размерами изображенных фигур), в зале открыта и небольшая красочная буддийская композиция. "Для согдийцев вся эта композиция была второстепенной или даже третьестепенной: разглядеть ее мог только человек, выходящий из зала. Над дверью нарисовали арку. Под этой аркой в середине находилась мужская (видимо, сидящая) фигура буддийского монаха в плаще, оставляющем обнаженным правое плечо... Левая часть поля занята стоящей мужской фигурой, обращенной к центральному персонажу и предлагающей ему лотос.

Не вызывает сомнения, что художник хотел передать буддийскую сцену и что фигура в плаще — это сам Будда, единственное изображение его во всей пенджикентской живописи и скульптуре. В то же время мудра левой руки — явная фантазия в буддийском роде, да и многое другое не находит параллелей в подлинно буддийских памятниках. Нимб, пламя, цветы, складки и т. д. — такие же, как в не буддийских росписях Пенджикента. Ни художник, ни заказчик не были буддистами. Заказчик... не хотел... отказаться от покровительства Будды, хотя, вероятно, придавал ему довольно мало значения и не настолько знал буддийскую иконографию, чтобы руководить художником, в свою очередь довольно приблизительно вообразившим образ Будды". Среди росписей этого помещения были и иные, крайне важные с историко-культурной точки зрения (например, уже упоминавшаяся сцена с покровителем земледельцев Бобо Дехкон) образы.

При раскопках последующих десятилетий в шахристане, на цитадели и в пригороде Пенджикента выявлены постройки с росписями более раннего времени, чем VII—VIII вв. Стали ясны особенности живописи V—VI вв. Его история насчитывает не менее 300 лет и может изучаться от зарождения до зрелости. Показательна, к примеру, сцена конной охоты, открытая в остатках дворца пенджикентского владетеля VI в. на цитадели; сюжет этой росписи увязывается

"с азиатской кочевой традицией... и имеет признаки, сближающие ее с произведениями сасанидского Ирана". В то же время небольшие фигурки, летящие навстречу всадникам и символизирующие их ауру (фарн); посадка царственного, как считают авторы публикации, наездника; конский убор; украшение полосы, окаймляющей снизу роспись, и некоторые мелкие детали четко показывают черты, роднящие эту сцену со стенными росписями времени расцвета Пенджикента..

Выше речь уже шла о глиняных (лессовых) рельефах, украшавших вход в один из пенджикентских храмов. Добавим, что в убранстве парадных залов в жилищах знати использовались, помимо всего прочего, терракотовые архитектурные детали и резные деревянные фигуры танцовщиц или кариатид. Таковы, например, панно с сидящей верхом на льве женщиной — возможно, богиней Наной — и всадником, охотящимся на львов; брус с процессией крылатых львов в нижнем ярусе и три арки; в одной (средней) из них солнечный бог Митра восседает в колеснице, в которую запряжены два коня. Эти же образы встречаются и в монументальной живописи, т. е. четкой грани между "эпическими повествованиями" в жилищах знати и культовым искусством в Пенджикенте не существовало.¹⁴⁶

Скорей всего и живопись Афрасиаба может ярко охарактеризовать искусство позднеэфталитского периода. На Афрасиабе раскопана монументальная постройка, принятая первоначально за богато украшенный росписями дворец самаркандского владетеля и царя Согда. Однако ныне исследователи сходятся на том, что подлинный дворец находился на цитадели, а принятая за него постройка представляла собой сходный с пенджикентским квартал жилищ знати — высокопоставленных чиновников или

¹⁴⁶ Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973

приближенных к царскому двору. Раскопки на этом участке в 1965-1966 гг. возглавлял известный ташкентский археолог член-корреспондент АН УзССР В.А. Шишкин (1894-1966), который и был первооткрывателем парадных построек. Однако он скоропостижно скончался во время своего последнего полевого сезона, и публикацию результатов раскопок осуществил Л. И. Альбаум. Особенно великолепными оказались росписи большого зала площадью 11 x 11 м². "Росписи, - писал Альбаум, — на всех четырех стенах на первый взгляд кажутся разобщенными, тематически самостоятельными. Однако тщательное их изучение и расшифровка надписей, сопровождающих росписи, показали, что они подчинены единой тематике — прибытию в Самарканд посольств и их приему при дворе самаркандского царя". На этих красочных композициях на синем фоне изображены царь и его приближенные которые встречают послов из разных стран, прибывающих, возможно, на свадебные торжества по случаю бракосочетания самаркандского царя (или его наследника) и дочери государя Чаганиана (область на юге Кирпанда). Многие в такой интерпретации росписей основывается на прочитанных, переведенных и прокомментированных В.А. Лившицем надписях, выполненных либо одновременно с живописью, либо вскоре после ее завершения. Насколько точно эти надписи, выполненные черной тушью поверх изображений, отражают замыслы заказчика и следовавшего его указаниям живописца, можно лишь догадываться. Но следует все же предполагать какую-то информированность писца (или писцов). Сами изображения свидетельствуют о правильности, в основном, общего характера изображенных здесь событий, хотя в деталях писец мог, возможно, и ошибаться. В композиции, учитывая присущую искусству Согда пунктуальность в изображении этнического типа персонажей,

их одежды, вооружения и тому подобных деталей, даны реальные исторические события.¹⁴⁷

Богато были украшены произведениями монументального искусства также дворцовые покои городища Варахша. Оно находится к западу от современного Бухарского оазиса в высохших низовьях р. Зеравшан. Городище представляет собой окруженную валом оплывших стен треугольную в плане возвышенность с еще более высоким участком цитадели. Городище — наиболее крупный археологический памятник в заброшенной зоне земель древнего орошения и единственный, о котором имеются совершенно ясные указания письменных источников.

Археологическое изучение городища и остатков дворцовой постройки, проведенное экспедицией под руководством В.А. Шишкина в 1937 г. и продолжавшееся с перерывами до 1954 г., во многом прояснило историю Варахши, и в частности привело к открытию дворца бухархудатов (таков был официальный титул его хозяев). Дело В.А. Шишкина продолжила его дочь Г.В. Шишкина, возглавлявшая экспедицию с 1987 по 1991 г. Экспедиция Государственного музея Востока 1987—1991 гг. уточнила хронологию процессов обживания варахшинского массива земель и самого городища, которое, как теперь представляется, изначально было крепостью на торговом пути из Бухары в Хорезм. Уточнена дата строительства на Варахше первых сооружений — их можно отнести ко времени не позднее II в. до н. э. В V в. н. э. Варахша становится резиденцией правителей Бухары и затем разрастается в огромный город. С конца V в. на Варахше начинается большое строительство: городище укрепляется новыми оборонительными стенами с башнями; застраивается по периметру стен внутреннее пространство бывшей крепости; на южной стороне у крепостной стены возводится массивная двухчастная цитадель, включавшая замок и

¹⁴⁷ Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975

дворец. Раскопки 1987—1991 гг. привели к новым находкам настенных росписей и штукатурной резьбы, а главное, к уточнению устройства и хронологии двора с айваном. И в ходе раскопок 30—50-х годов, и при последующих работах 80—90-х годов найдены тысячи фрагментов резного штука (например, фрагменты с изображениями голов женщины или богини, птицы-женщины, всадника на коне, животных — барана и джейрана, дракона и куропадок, водоема с рыбами, панно с растительными мотивами). Шишкин и другие исследователи сравнивали варахшинский штукатурный декор и по технике его исполнения, и по стилю, и по ряду мотивов с произведениями искусства Ирана, парфянского и сасанидского. Внутри варахшинской дворцовой постройки находились такие помещения, как "восточный" и "красный" залы с многоцветными настенными росписями. Северная часть "восточного" зала не сохранилась. На его месте были возведены четыре комнаты, названные Шишкиным "восточная анфилада". В зале расчищены росписи на южной и западной стенах. Их сюжеты по сути те же, что и в парадных залах Пенджикента: на серовато-голубом фоне южной стены была изображена сцена царского приема; на таком же фоне западной стены — конные воины. В центре композиции на южной стене находилась фигура божества (или легендарного предка), сидящего на троне, ножки которого украшены изображениями больших желтых верблюдов. По сторонам от огромной центральной фигуры тянулись ярусами повествовательные сцены с изображениями персонажей, величина которых была чуть больше натуральной величины человека. Показана, к примеру, группа людей, участвующих в обряде поклонения огню. Центральная фигура божества или предка, как и персонажи, изображенные в сценах на "повествовательных" ярусах, поражают роскошными одеяниями; их окружают богатые ковры, подстилки, другие вещи. Не выпадают из общей композиции стиля росписи с вооруженными всадниками на конях,

разместившиеся на западной стене "восточного" зала.. С росписями "восточного" зала сходны и росписи, изображенные на трех больших фрагментах, которые найдены в полу в "восточной анфиладе". На этих фрагментах видны части единой композиции — охота конных всадников на копытных животных, в том числе козла. На одном из фрагментов всадник стреляет из лука, повернувшись назад "по-скифски".

Абсолютно другими были росписи "красного" зала, который вернее было бы назвать "индийский". На стенах его на ровном красном фоне росписи не повествовали о каких-либо событиях, а лишь напоминали о не столь уж далекой Индии: ритмично расположенные живописные сцены, в которых царственный охотник верхом на слоне сражается с хищниками — парой барсов, тигров или фантастических грифонов. Царю помогает слуга (он изображен значительно меньшим по размеру), сидящий на голове слона. Украшения одежды и, главное, изображения слонов — все это придает залу "индийский" характер, хотя художник, расписывавший это помещение, может быть, никогда не видел живого слона. Слон изображен по величине таким же, как хищники, края ушей у него напоминают кружевную кайму, бивни растут не из верхней, а из нижней челюсти. К тому же на каждом слоне обычная конская сбруя с удилами и даже стремянами. Все эти несуразности сочетаются с присущей согдийскому искусству необычайной тщательностью в передаче знакомых художнику деталей одежды и конского убранства. Росписи "красного" зала ценны для наших современников как еще одно яркое свидетельство интереса кирпандцев к Индии и ее искусству.¹⁴⁸

Один из ярких памятников Кирпанда - Аджина-тепе (по-таджикски "Аджина-тепа", что переводится как "Чертов холм" или "Холм дракона"). Это наиболее известный буддийский монастырь среднеазиатского Междуречья VII—

¹⁴⁸ Шишкин В.А. Варахша. М., 1963

VIII вв., к тому же раскопанный полностью (или почти полностью). Находятся его остатки в Вахшской долине, в 12,5 км от г. Курган-Тюбе. Изучали его Т.И. Зеймаль и Б.А. Литвинский, долгие годы возглавлявший все археологические работы в Южном Таджикистане. Выявленные раскопками архитектурно-планировочные особенности и найденные в разных частях зданий остатки живописи и скульптуры показывают, что развалины Аджина-Тепе — это остатки единого ансамбля жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Юго-восточная половина памятника и есть собственно монастырская часть, состоявшая из каре построек вокруг квадратного двора (19 x 19 м), который выглядел до раскопок как чашевидное понижение. В центре двора северо-западной половины была сооружена ступа, а окружавшие ее помещения имели преимущественно культовое назначение".

Раскопки Аджина-тепе продолжались почти до 1976 г., хотя на последнем этапе менее интенсивно. Но опубликованные данные о раскопках, в том числе и изданный в 1981 г. Литвинским план монастыря, дают представление об этом буддийской монастырской постройке. За время многолетних раскопок на Аджина-тепе найдено более 52 различных помещений. Здание было выстроено по единому четкому плану, подобно тому как сооружались монастыри в древней и средневековой Индии, а также в кушанской Бактрии (как например, Кара-тепа, Фаяз-тепе возле Термеза). Юго-восточная, монастырская, половина Аджина-тепе имела внутренний квадратный двор, в который выходили четыре сводчатых айвана. Последние соединялись длинными коленчатыми коридорами, которые перекрывались сырцовыми сводами. Из коридоров шли самостоятельные выходы во двор и во второй ряд помещений каре, окружавших данную часть монастыря.

Эти помещения отличались и размерами, и устройством, и назначением. Одно из них (на востоке) — квадратное в плане

святилище, стены которого покрывали росписи, а на его пристенных постаментах размещались глиняные скульптуры и рельефные композиции. Другое (на юге) представляло собой зал с четырьмя колоннами, которые, очевидно поддерживали деревянную кровлю. Археологи считают, что зал служил местом для собраний буддийской общины, где могли вестись и занятия, и богословские диспуты с участием не только членов, но и гостей общины. Из длинных коридоров можно было попасть в жилые кельи монахов (исследователи насчитали 9 таких помещений) и в комнаты иного назначения. Из северного айвана шел проход в небольшое купольное помещение, ведущее в айван второй половины Аджина-тепе.

Эта храмовая (культурная) часть монастыря была построена по той же, что и монастырская, четырехайванной планировочной схеме. Центр двора занимала главная ступа (ее максимальный размер достигал примерно 28 м, реконструируемая высота — около 14 м), крестовидная в плане, с лестницами по середине каждого фаса. Двор культурной части Аджина-тепе был значительно шире, чем в монастырской половине, что давало возможность во время совершения буддийских церемоний осуществлять ритуальный обход вокруг ступы. О том, как совершался такой ритуальный обход святыни (прадахшина), дает представление часть композиции на стенных росписях другого, также раскопанного под руководством Б.А. Литвинского, буддийского храма на юге Таджикистана, на Калаи-Кафирниган. Наверху этой двухъярусной композиции была изображена большая фигура Будды с предстоящими персонажами, внизу — процессия, в которой принимает участие (и, видимо, возглавляет ее), наряду со знатными мужчинами и женщинами в богатых одеждах, буддийский монах. Все участники процессии держат в руках цветы, ветки и иные дары, которые предназначались для поднесения священным изображениям Будды, буддийских персонажей и

символам, например ступе. Вокруг двора со ступой располагались, как и в монастырской половине здания, длинные коленчатые коридоры, соединявшие все четыре его дворовых айвана. В одном из таких коридоров на высоком постаменте размещалась 12-метровая глиняная статуя лежавшего на боку в сцене "великого ухода" Будды. В северо-западном коридоре находились сводчатые входы, ведущие в шесть маленьких целл-святилищ с вотивными ступами; несколько таких же небольших ступ найдено и в других местах культовой части здания.

Исследователи архитектуры и строительной техники Аджина-тепе отметили высокий уровень профессионального мастерства его создателей. Действительно, они умело использовали большой опыт индийских проектировщиков в разработке планировочных схем буддийских монастырей и их деталей (в том числе ступ) и достижения среднеазиатских строителей в виртуозном использовании таких местных материалов, как пахса и сырцовый кирпич при возведении сводов (особенно при поворотах коленчатых коридоров), куполов, пандусных подъемов и т. п. Многовековые местные традиции проявились также в технике монументальной стенной живописи и лессовой скульптуры, в то время как в сюжетах, особенно при изображении буддийских персонажей, художники оставались в основном в рамках разработанных в Индии канонов. Сюжетные росписи в Аджина-тепе украшали почти все помещения культовой половины и некоторые комнаты собственно монастырской части. Таковы, например, частые изображения Будды, в том числе в многоярусных композициях на сводчатых потолках. В то же время изображения местных персонажей даже в культовых сценах следовали привычным среднеазиатским правилам, в чем легко убедиться на примере изображения сцены прадахшины из Калаи-Кафирниган или сцены подношения даров из Аджина-тепе. Не менее богатым было скульптурное убранство здания монастыря: судя по

находкам, здесь было более 500 статуй - отдельных фигур и скульптурных композиций. Как и в живописи, в скульптуре часто изображались сам Будда и бодхисатвы, а также небожители-дэвы, монахи, демоны и т. п.¹⁴⁹

На юге Кирпандрасположен замок Балалыктепа-укрепленный дом богатого землевладельца и его семьи, раскопанный в 1953 - 1956 гг. Л.И. Альбаумом неподалеку от Термеза. Стены замка украшали сразу же ставшие знаменитыми стенные росписи. Они покрывали стены небольшого квадратного в плане (4,85 x 4,85 м) помещения на высоту 1,2 x 1,4 м выше поверхности суфы. Над росписями размещался деревянный карниз — возможно, с резными украшениями. Росписи были выполнены в одной полосе, начиная с южной стены, сразу же от края входного проема, и тянулись, переходя с одной стены на другую; заканчивались они на восточной стене. По определению Альбаума, "живопись изображает сцену пиршества, в котором принимают участие сидящие на ковриках мужчины и женщины. Всю композицию можно разбить на отдельные группы. На переднем плане изображены крупные фигуры. Они одеты в богато орнаментированные одежды... В каждой группе лица мужчин и женщин повернуты друг к другу... в то время как сами фигуры нарисованы почти в фас. В руках фигур — кубки и чаши... На втором плане меньшим масштабом изображены слуги... В руках у большинства из них опахала. На третьем плане изображена стена... На самом ее верху нарисованы разноцветные круги... К центру этих кругов прикреплены концы спускающихся лент с подвешенными на них бубенцами. Росписи, выполненные на матово-черном фоне и, видимо, отражают кирпандские каноны красоты.¹⁵⁰

В увидевшей свет в 1999 г. книге ученые из Эрмитажа А.И. Косолапов и Б.И. Маршак приводят на основании историко-

¹⁴⁹ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971

¹⁵⁰ Альбаум Л.И. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960

художественного и лабораторного исследования сравнение стеной живописи Средней Азии, Индии, Синьцзяна и Западного Китая. В каждом из регионов они прослеживают свои особенности. «В Согде, — пишут авторы, — сильнее всего древневосточная традиция, существенно измененная влиянием искусства степей, но в его стиль вошли также элементы эллинистического и индийского происхождения, тогда как китайские иконографические мотивы имеют "цитатный" характер. Чем южнее, тем в большей мере стили, близкие к эллинистическому и согдийскому, уступают свои позиции буддийскому с его особой нежностью не только форм, но и красно-синего колорита. К востоку от Бамиана (в афганской части Кирпанда) в оазисах вдоль южного и северного путей (в Китай.) преобладает несколько упрощенный индо-буддийский стиль. Однако светские элементы искусства, как и в Бамиане, по своему характеру родственны согдийским, хотя собственно согдийское влияние до середины VII в. не доходило до этих оазисов. Надо отметить, что чем восточнее, тем большее значение имеет холодный зеленый цвет. Невероятно кричащие сочетания синего, зеленого и оранжевого во втором стиле Кучи (в Синьцзяне. — Авт.) и не менее яркий, но гармоничный колорит Дуньхуана (и Северо-Западном Китае. — Авт.) V—VI вв. создают впечатление нереального или, вернее, сверхреального мира буддийских персонажей, ослабляя, однако, выражение нежного сочувствия, столь типичное для образов (бодхисатв в остальных школах буддийской живописи V—VIII вв. в Индии, Центральной Азии и Китае. Наконец, в VII—VIII вв. в Китае в буддийском искусстве появляется классический танский стиль, в котором гармонично сочетаются местные, индо-буддистские и центральноазиатские элементы, а колорит, пополненный искусственной киноварью, свинцовыми окислами и

различными оранжевыми и лиловыми смешанными красками, достигает наибольшего разнообразия.¹⁵¹

Как и в произведениях монументально-декоративного искусства раннесредневековом Кирпанде, в прикладном искусстве ведущую роль играли изобразительные элементы и мотивы. Более того, и в стенных росписях, и в резьбе по дереву, и в лессовой скульптуре Согда и других областей среднеазиатского Междуречья передаются одни и те же сюжеты. Многие особенности общего стиля также видны в разных по характеру художественных произведениях. В Согде, например, в том числе и в Самарканде, среди многочисленных терракот встречены изображения, живо напоминающие персонажей знаменитой "сцены оплакивания" на стене пенджикентского храма..

Художественное ремесло Кирпанда предстает в своем многообразии и развитии в керамике. Выявлено специалистами ряд локальных школ, отражающих этническую общность и, соответственно, характер эстетических запросов населения крупных историко-культурных областей среднеазиатского региона. Характеристика их потребовала бы многих страниц — она уже хорошо разработана и в хронологическом, и в стилистическом аспекте. В Кирпанде при помощи калыбов — терракотовых штампов оттискивались также фигурки воинов с булавами в руках, которые восседали на мелких скульптурах коней и, реже, иных животных. Из глины изготавливались и сосуды с изображениями, метко передававшими этнический тип кирпандцев с большим прямым носом, густыми бровями, длинными усами, аккуратной бородкой и миндалевидными глазами. Особый род корoplastики предстает на оссуариях. Фасадную стенку или же все четыре стороны керамического ящика и

¹⁵¹ Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии: историко-художественное и лабораторное исследование. СПб., 1999

пирамидальную крышку богато орнаментированных оссуариев оформляли либо объемные наклепные фигурки, либо оттиснутые матрицами рельефы. Тематика их связана с ритуалами и образами местного зороастризма, стиль тот же, что и в монументальных настенных рельефах, но исполнение лишь иногда стоит на высоком художественном уровне, в большинстве же они осуществлены огрубленной ремесленной выделкой. Наряду с изобразительными вводились стилизованные и символические мотивы. Оссуарии в Кирпанде декорировались разнообразно— без орнаментации или с грубо-примитивной орнаментацией, а то и высокохудожественными по исполнению. Среди последних по праву можно назвать найденные в начале XX в. Б.Н. Кастальским у селения Бия-Найман между Самаркандом и Бухарой - разбитые в древности на множество фрагментов, а ныне хранящиеся в Эрмитаже. Биянайманские оссуарии были нескольких типов. Объединяет их то, что стенки и крышки изготавливали при помощи штампов, возможно металлических. Наиболее распространенной была композиция, которая включала четыре фигуры, стоявшие под арками. Откуда пришла в Кирпанд эта композиция, перекликавшаяся с сасанидскими, византийскими, раннероманскими и, как предполагают некоторые исследователи, даже с иудейскими, не совсем понятно. Не ясно и то, кто изображен под арками: божества ли четырех священных стихий - огня (мужская фигура с алтарем) и воздуха (правее первой), земли (женская фигура слева) и воды (справа).¹⁵² Ученых разных стран бия-найманский оссуарии привлекает не только семантикой изображений, но и его художественными качествами.

В эфталитский период мастерство коропластов Кирпанда претерпело определенные изменения. Штампами оттискивались в основном головки, торс же выполнялся

¹⁵² Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989, с.161-163

вручную. Особую группу составляют штампованные терракотовые образки.

Изделия торевтики, которыми славился Кирпанд, дошли в ограниченном числе. Уникальным является клад торевтики эфталитского времени из Чилека, хранящийся в Самаркандском музее истории культуры и искусства. Чилекский клад V в. содержит серебряные чаши разных школ торевтики. Возможно, являются кирпандскими некоторые сосуды У-УП вв из старых собраний Эрмитажа. Эти произведения предназначались для тех же знатных и зажиточных слоев, которые жили в монументальных зданиях со стенными росписями. Не удивительно, что именно на серебряном с позолотой блюде изображена сцена длительного единоборства двух витязей, вероятно, представителей одного этноса, которая находит себе близкую аналогию в росписях "черного" зала в квартале пенджикентской знати. Витязи изображены с широкими плечами и тонкими талиями, а детали их вооружения и иные атрибуты переданы с присущей согдийскому искусству той эпохи тщательностью.

На тулове изысканного кувшина, серебряного с позолотой, изображен крылатый верблюд — образ, отмеченный также в живописи Варахши и Пенджикента. Являясь отражением широкого кругозора согдийских торевтов, кувшин по верху и низу украшен чеканным растительным узором китайского типа. К кирпандской торевтике эпохи раннего средневековья принадлежит и серия полусферических чаш с рельефными изображениями на внешней стороне (эти чаши связаны с эллинистическими традициями). Возможно, наиболее ранние из них действительно были изготовлены на юге Кирпанда. На дне одной из таких чаш, хранящейся в Британском музее, в круглом медальоне имеется погрудное изображение безбородого мужчины, сходное с эфталитскими V—VI вв. По кругу расположены три птицы — по-видимому, китайские фениксы: голова, шея и одна нога у них переданы

относительно натурально, все остальные детали — в виде растительных завитков; близкие по рисунку птицы встречаются в росписях знаменитых буддийских пещер Аджанты и Индии.¹⁵³ В широком верхнем поясе чаши изображены четыре стремительно скачущих всадника, которые охотятся на кабанов, львов, диких козлов.

Вторая чаша серии хранится в Эрмитаже. На дне ее также круглый медальон, вокруг — широкий многофигурый пояс. В медальоне изображена женщина со слугой; вокруг — сцены, в которых явно проступают сюжеты драм Еврипида. Поэтому большинство мужчин на чаше изображены обнаженными или с шарфами и накидками. Однако даже в передаче сцен из произведений великого греческого драматурга кирпандский, видимо, мастер не смог избежать более привычных для него образов кушанского искусства. Так, в сцене спора двух пастухов, нашедших подкинутого Алопой ее сына от Посейдона, греческая царевна подменена богиней Ардохшо, иконография которой сложилась в кушанское время. При этом прическа Алопы-Ардохшо со спускающимися по обе стороны лица локонами или косами напоминает прическу женщин в росписях Балалык-тепе (и на некоторых согдийских памятниках). В технике выполнения для еще большей рельефности использован прием вставки в гнезда накладных пластинок: этот прием был разработан в торевтике раннесасанидского Ирана. Другая, тоже эрмитажная, чаша с изображениями сцен из драм Еврипида, видимо, самая поздняя в этой серии (судя по согдийской надписи VI — начала VII в.). На внешней стороне этой чаши вокруг центрального медальона с головой мифического свирепого существа Киртимукхи изображены античные, вплоть до Геракла, персонажи (в нижней половине), а рядом (в верхней части) местный князь и его супруга, что является как бы прямой репликой балалыктепинских росписей.

¹⁵³ Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971, илл.4-20

Говоря о генезисе раннесредневековой культуры Тохаристана, необходимо коснуться ее взаимодействия с культурами отдельных стран. Ф.Грене видит причину возрождения городов Бактрии и Согда из кризиса в IV-V вв. во влиянии на их структуру иранских городов, усвоивших античные модели, — благодаря ему она приобрела регулярный характер. Исследователь Зартепа В.А.Завьялов отметил сходство застройки кроющего слоя города с застройкой сасанидского Вех-Ардашира. Однако, не исключено, что некоторые структурные изменения кирпандского города, произошедшие на рубеже эллинистического и раннесредневекового периодов, могли явиться результатом прямого воздействия городской культуры Византии. Моделью в данном случае явились города ее восточных провинций. Это позволяет говорить о преемственности между кушанским городом, который «обнаруживает наличие сильных эллинистическо-римских традиций и элементов»], и кушано-сасанидским городом. Важным различием в эволюции византийских и среднеазиатских городов является то, что в подвергшейся «варварскому» нападению Византии пришли в упадок не крупные, а мелкие города-полисы. Эта особенность была обусловлена ростом крупного землевладения, способствовавшего подъему более крупных центров.

Представляется, что между собой генетически были связаны также римские виллы и кирпандские замки. Для некоторых вилл было характерно наличие на периферии серии коридорообразных помещений, жилые и парадные помещения при этом располагались в ее центральной части. Практически такое же архитектурно-планировочное решение имеет в своей основе замок Балалыктепа. Рустовку пахсовых стен раннесредневековых монументальных построек Кирпанда с помощью глубоких швов следует рассматривать как подражание квадратной кладке византийских построек.

Столовая кушано-сасанидская керамика чрезвычайно близка к позднеримской керамике как морфологией, так и техникой изготовления, размерами сосудов. В среде кирпандской знати был модным византийский шелк, доставлявшийся в Среднюю Азию через Северный Кавказ. О значительных объемах этого экспорта свидетельствуют подсчеты образцов шелка, найденного при изучении могильника Мошевая Балка. Доля византийского шелка в коллекции составляет 25% от общего количества находок. Византийским влиянием объясняется наличие на некоторых «бактрийских» чашах греческих сюжетов. Кирпандские мастера изготавливали в подражание позднеримским саркофагам керамические оссуарии. В Кирпанд попадали не только византийские монеты, правители Чаганиана чеканили их медные реплики с парным изображением. Костяные заколки для волос, увенчанные изображением человеческой пятерни, были широко распространены в Кирпанде также благодаря связям с Византией. Это же касается мотива виноградной лозы и аркад в архитектурном декоре.

Направление культурных связей между Тохаристаном и Византией во многом зависело от политической ситуации в среднеазиатском регионе. В кушано-сасанидский период они осуществлялись, очевидно, преимущественно через Иран. При этом кирпандцы могли знакомиться с культурой восточно-римских провинций как непосредственно, так и через иранские заимствования. При эфталитах для этого использовался северный маршрут Великого Шелкового пути. Важным фактором, сближавшим Кирпанд и Византию, было христианство.

Тесным было взаимодействие культур Кирпанда и Ирана. Оно также отразилось на облике кирпандской культуры: в архитектуре (чортаки, конструкции арок), символике (изобразительный блок из полумесяца и солнечного диска), в монетном чекане (подражания драхмам Хосрова I, Пероза), торевтике (круглый медальон с человеческим бюстом на дне

чаши). В Кирпанде раньше, чем в других регионах Средней Азии, распространился язык фарси-дари. У кирпандцев и иранцев существовали близкие представления, связанные с верой в фарна. В годы сасанидской оккупации в Кирпанде произошло некоторое возрождение зороастризма.

Буддизм был главным фактором, определяющим характер взаимодействия культур Кирпанда и Индии. Архитектурные схемы индийских буддийских памятников оказали влияние на планировку кирпандских буддийских сооружений. Буддийское искусство Кирпанда испытало влияние гандхарского и гуптского искусства. Из Северо-Западной Индии или Кашмира в Кирпанд привозили буддийские рукописи на бересте, а также сердоликовые бусы с наведенным орнаментом. Своеобразным идеалом женской красоты у кирпандских художников был образ индийской якшини. Анализ структуры Хелаверда позволяет сравнить ее со структурой средневекового города Индии. Дворец правителя, городской храм, жилые дома знати были построены на периферии города. Центральную же его часть заселяли ремесленники. Высоко было мастерство ткачей, в частности в одном из бухарских селений, ставшего известным по надписи на текстиле – Зандани.

Подводя итог анализу культуры эфталитского и последующего периода Кирпанда, вправе отметить открытость среднеазиатского общества той эпохи, его широкие культурные и художественные связи, известную веротерпимость и восприимчивость к достижениям "иноземцев". Далек не в последнюю очередь надо признать также высокий культурный уровень и потенциал эфталитов, прочно обосновавшимся на перекрестке мировых путей, возможность создать художественную культуру, которая оставила яркий след в истории народов Евразии от Западной Европы до Японии и вошла наряду с наследием Сасанидского Ирана в культуру исламского мира.

Глава IV. Отражение в искусстве I-X вв. межцивилизационного диалога на Великом Шелковом пути

В развитии искусства народов Центральной Азии важную роль сыграл Великий Шелковый путь, которая стала активно функционировать 112 года до нашей эры, когда китайский император У-ди установил дипломатические отношения с Бактрией.¹⁵⁴ В 1 тысячелетии нашей эры искусство предков таджиков развивалось в рамках империи Кирпанд, а затем дальнейший импульс развития оно получило в Саманидский период. Развитие искусства в государстве Кирпанд можно разделить на два крупных этапа: кушанский и эфталитский. Искусство Центральной Азии 1 тысячелетия нашей эры делится на два крупных этапа (доисламский и исламский), которые делятся на три периода: кушанский, эфталитский, саманидский. Они характеризуют этап синтеза традиций доисламского и исламского искусства Центральной Азии и становления традиционного искусства таджикского народа.

Искусство кушанского периода. Культура Кирпанда кушанского периода сыграла исключительную роль в сохранении древних культурных традиций, в формировании облика цивилизации Центральной Азии, а также в складывании синкретического искусства на трассах Шелкового пути. В кушанском искусстве проявились характерные черты древнейших местных традиций и наряду с ними отразилось взаимодействие искусств разных этносов Центральной Азии, их синтез с древними локальными традициями, творческое освоение инноваций.

Стратегически важное географическое расположение Кирпанда сыграла немаловажную роль в передаче достижений искусства и градостроительства, в обмене

¹⁵⁴ Майтдинова Г.М. Государство Кирпанд – империя в Срединной Азии.-Душанбе, 2011, с.219

духовных знаний Запада и Востока. Цивилизационное наследие государства Кирпанд заложило основу Возрождения культуры Эфталитского и Саманидского периодов.

По трассам Шелкового пути шли многочисленные миссионеры, монахи разных конфессий, распространяя свои учения, духовные ценности. Возникновение Кирпандской империи, соприкасавшейся на востоке с ханьским Китаем, а на западе с Парфянским царством, соединило разорванные ранее древнейшие центры цивилизаций Старого света в единую систему квартета империй древнего мира, способствовало активному диалогу цивилизаций на трансконтинентальной трассе.

В кушанском Кирпанде власть была в руках представителей тех сил, которые были чужды или враждебны эллинистическим правителям, и господствующему положению греков и эллинизированных слоев пришел конец. Однако, именно это привело к более широкому и глубокому освоению античного культурного и художественного наследия. В Кирпанде в I века правящая верхушка уже не блистала греческой образованностью и не поклонялась греческим божествам. Элементы и мотивы античного происхождения, наряду с местными и иноземными традициями, ставшими известными в результате широких международных связей, подверглись тогда творческой переработке. На смену культуре эллинистического периода, когда господствовала античная традиция, возникли синкретические, вобравшие в себя самые разнообразные элементы и мотивы, своеобразные культура и искусство, поставленные на службу местной власти и поддерживаемых ею религий и культов. В разнообразии и, на первый взгляд, эклектичности культуры Центральной Азии этого периода лежат истоки ряда последующих культурных и художественных явлений. Это разнообразие – результат поисков новых мировоззрений и вкусов, и вполне закономерно, что из этого богатейшего арсенала многое было

почерпнуто и христианством, и буддизмом, и прокламативным искусством Сасанидского Ирана, чья культура в свою очередь оказала сильнейшее воздействие на Ближний и Средний Восток в эпоху мусульманского средневековья.¹⁵⁵

Начальный этап синкретического искусства Кирпанда стал известен в результате открытий в конце 1978-начале 1979 г. на севере Афганистана материалов, полученных в ходе раскопок известным московским археологом В.И. Сарияниди на памятнике П- начала 1 тыс. до н.э. Тилля-тепе недалеко от Шибергана. Именно в тиллятепинских находках отразился тот динамичный культурный синтез, который определил неповторимый облик кирпандской цивилизации. В тайных захоронениях (возможно, князя, его жен, наложниц) Тилля-тепе было найдено около 20 тыс. золотых художественных изделий- пряжек, блях, перстней, нашивных украшений, обкладок ножен мечей и кинжалов. Одни из них выполнены в стиле, характерном для искусства степей Евразии, с фигурами зверей и богатой инкрустацией бирюзой, сердоликом и другими камнями. Другие – несут на себе следы греко-римских, парфянских, индийских, дальневосточных традиций. Но, наряду с выполненными в каком-либо одном стиле изделиями в захоронениях Тилля-тепе, найдены художественные предметы, демонстрирующие уже не сосуществование, а умелое сочетание в творчестве древних мастеров образов и мотивов различных культурных и художественных традиций. Таковы, например, золотые обкладки ножен кинжала: вдоль центральной их полосы изображены идущие друг за другом разъяренные драконы, терзающие предыдущих. Изображения, выполненные в традициях скифского звериного стиля, сочетались с двумя рядами свастик и цветочных мотивов, тянувшихся по краю ножен. В отличие от образов драконов, хорошо известных не

¹⁵⁵ Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии. С.43

только в степях, но и в древнейшей Бактрии и на Ближнем Востоке, свастика в искусстве Бактрии попала в раннекушанский период, скорее всего из Индии. Не менее синкретичны изображения, украшавшие золотые подвески, найденные возле висков одного из погребенных. На каждой из подвесок изображен персонаж с раскосыми глазами в зубчатой короне и в кочевнической одежде, держащий в руках по дракону. Со степным звериным стилем, видимо, связаны также изображения рогатых и крылатых драконов с длинными туловищами и неестественно вывернутыми назад ногами, обильное украшение подвесок бирюзовыми, сердоликовыми и лазуритовыми вставками. В то же время пятнышко на лбу – тика говорит об индийском влиянии.¹⁵⁶

Для искусства кушанского периода Кирпанда характерно расцвет изобразительных искусств в их крупных и малых формах (скульптура, живопись, торевтика, коропластика). В искусстве Кирпанда важное значение придавалось декоративному решению сооружений. Стены зданий часто украшали пилястрами, поверхности стен покрывались белой штукатуркой, а иногда и монументальной живописью, как орнаментальной, так и сюжетной, в том числе с изображением местных и буддийских божеств.¹⁵⁷ Крупные благоустроенные дома и храмы, украшенные живописью и скульптурой, использование горожанами тончайших ювелирных изделий, художественного текстиля, высококачественной художественной керамики, торевтики характеризуют высокий уровень развития искусства городов Кирпанда.

Уже во время становления Великого Шелкового пути по ней торговали шелками, произведениями искусства, фарфором, металлическими изделиями, и пр. Активными

¹⁵⁶ Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. С. 246-247

¹⁵⁷ История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. С., 443-445

трансляторами достижений искусства вдоль трассы становились караваны купцов, которые являлись не только поставщиками экзотических товаров, но и являлись проводниками духовных ценностей: они везли искусных ремесленников, виртуозных танцовщиц, певцов, художников, которые распространяли не только достижения искусства своей страны, но и стимулировали развитие синкретического искусства.

Регулярное функционирование через Кирпанд Шелкового пути способствовал, как мы выше писали, распространению хлопка и хлопчаткачества. Хотя хлопок был известен в Средней Азии еще во II тыс. до н. э., но его широкое распространение происходит именно с вхождением индийских территорий в состав государства Кирпанд и стабильным функционированием Шелкового пути. С начала нашей эры хлопчатобумажные ткани используются повсеместно у населения Тохаристана. Наряду с тканями полотняного переплетения из хлопка вырабатывают художественные ткани с тканым орнаментом. Развитие хлопчатобумажного и шерстяного текстильного искусства отразилось и на развитии искусства костюма.

Диалог цивилизаций на трассах Великого Шелкового пути непосредственно отразился на костюме населения кирпандцев. Диалог культур отражался на составных частях костюма: на используемых тканях, украшениях, формах одежды, косметике и т.д. Внешние культурные влияния прежде всего отражаются в используемых материалах, в декоре костюма, но основные формы одежды трансформируются только в ходе этнических процессов, а также в период цивилизационной экспансии. Подлинный переворот в среднеазиатском костюме произошел в кушанский период, когда в массовом количестве хлопковый текстиль стал использоваться в моделировании одежды, более того, здесь стали сами вырабатывать этот вид текстиля. Этим же временем датируются самые массовые находки

хлопчатобумажных тканей и одежд в Кургане (Старый Термез).¹⁵⁸ Здесь обнаружены в погребении обычных горожан белые хлопчатобумажные рубахи и набедренные одежды традиционного кроя, что явно свидетельствует о местной выделке хлопчатобумажного текстиля. В этот период китайские источники уже утверждают, что согдийцы наряду с шелками и камкой используют белые хлопковые полотна. Хлопчатобумажные ткани в Центральной Азии широко распространяются одновременно с шелковыми и сразу же становятся популярными в силу дешевизны и возможности выработать в домашних мастерских. Но в этот период наряду с дешевым текстилем из хлопка выработывают высокохудожественные драгоценные ткани, не уступающие по цене шелкам.

Вхождение в состав империй древности огромных территорий, распространение мировых религий по трассам Шелкового пути, способствовали формированию понятий "мода" в costume. На трассах Шелкового пути распространяются сходные ткани, приёмы шитья, происходит изменение форм одежды. А господствующая религия привносит свои веяния, отражающиеся, прежде всего в декоре и пропорциях одежды. Культурные инновации, пройдя стадию культурной интеграции, сами становятся традиционными элементами.¹⁵⁹ В кушанский период происходит критическое освоение и преломление эллинских веяний, приспособление их к вкусам нового господствующего слоя - кочевников. В дальнейшем происходит процесс видоизменения и эволюция включением эллинистического элемента в глубинный пласт художественного творчества, что находит отражение в ювелирном искусстве, в художественном ткачестве,

¹⁵⁸ Елкина А.К., Майтдинова Г.М., Козловский В.А. Одежда конца IV-V вв. из Старого Термеза // Буддийские комплексы Каратепе в Старом Термезе. М., 1996, с.307-326

¹⁵⁹ Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989, с.30-31

орнаменте и т.д. В образе жизни, мысли греков не все одинаково поддавались освоению. Его степень зависела от удаления, этнического характера, но в основном от уровня цивилизации. Если Рим полностью изменился в результате контакта с эллинистическими царствами, то бактрийцы обязаны эллинизму только новым пониманием красоты. Поддаться чарам эллинизма (для любого народа) никогда не значило отказаться от самого себя. Напротив, это означало обрести средства для полного самовыражения.

Греческие "цитаты" ярко проявляются в декоре костюма: это могли быть украшения, орнамент текстиля. Вероятно, предметами эллинистического происхождения являются серьги из могильников Тулхара и Айртама виде амфоры с двумя дельфинами. Особую группу мелких привозных изделий составляли геммы - инталии, служили личными печатями. Среднеазиатский костюм испытал влияние Индии не только в текстильном искусстве, но и в ювелирном деле. Особой популярностью не только в Индии, но и по всему Кирпанду пользовались сердоликовые бусы с травленным орнаментом. Культурные влияния отразились и в среднеазиатском ювелирном искусстве. Это было прямое заимствование индийских украшений или же их местное подражание. Например, в известном Дальверзинском кладе имеются браслеты двух видов - с утолщением на концах и со спиралевидной обмоткой, аналоги которым найдены в Таксиле.¹⁶⁰ В этом же кладе имеются серьги индийского стиля. Исследовательница дальверзинских находок - Г.А.Пуганченкова отнесла к индийским изделиям и богатое ожерелье из пяти золотых шнуров, завершенных цилиндрами, инкрустированные бирюзой и алмадинами. Эллинизм внес в художественную культуру бактрийских и индийских территорий Кирпанда такие

¹⁶⁰ Пуганченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства. // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с.246

творческие идеи, как ордера в архитектуре; объемная (настенная по преимуществу) скульптура, которой присущи экспрессия и индивидуальность образов; короластика как массовое искусство; эллинизированные мотивы в торевтике и глиптике. Но в основе своей образы изобразительного искусства и художественного ремесла имели здесь мощный локальный субстрат, на который наслоились формы и идеи, привнесенные греко-римским искусством.¹⁶¹

Значительным было воздействие эллинистической культуры в пластическом искусстве Кирпанда. Она предстает в архитектуре в разновидностях объемной или горельефной крупномасштабной скульптуры, размещенной вдоль стен, и малых формах короластики. Материалом для скульптуры в Индии был шифер, а в Бактрии в основном глина, нередко с гипсовым покрытием. В пластических образах иногда мы видим прямое обращение к эллинистическим образцам, подвергнутым переработке. Так, образы Будды и бодхисатв вбирают в себя черты греческого Апполона. Ваятели придают им индийский тип лица с лотосовидным очертанием глаз, но от греческого образа восприняты нос, продолжающий прямую линию лба, и волнистые волосы, которые венчает шиньон – ушниша. В их мантиях восприняты форма и игра драпировок греческого гиматия или римской тоги, при сохранении, однако, у бодхисатв богатых индийских перевязей, ожерелий и браслетов. Для раннего Кирпанда характерен горельефный бюст Геракла на стенах халчаянского дворца – у него выразительное лицо со всколоченными волосами и бородой. Иным предстает Геракл в солдатском храме П-Ш вв. Дильберджина (Северный Афганистан), где лепку торса характеризует заглаженность форм. Среди других эллинистических образов в Халчаяне – два бюста Афины,

¹⁶¹ Пуганченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути//На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990. С.23-38

распознать которую позволяет шлем, а у одной также рука, сжимающая копьё. Геракл и Афина выступают здесь как божества – покровители кушан. В Гандхаре предстает в совершенно классической трактовке Афина из Лахора: на голове шлем; лицо с классическими правильными чертами; одеждой служит длинный хитон и поверх него туника. Характерна для искусства Кирпанда мотив «аморини»(нагие мальчики, несущие цветочные гирлянды), привнесенный из греко-римского искусства. Из круга греческих богов, вошедших в бактрийское ваение, можно назвать богиню победы Нику и богиню покровительницу городов Тихе. Восприятие эллинистических мотивов запечатлено в орнаментальном репертуаре Бактрии. В числе мотивов явно греко-римского происхождения – акант, пальметта, побег виноградной лозы, плетеные гирлянды.¹⁶²

В искусстве кушанского периода четко прослеживаются два основных художественных течения, которые можно обозначить как династийное и буддийское, поскольку искусство в древности и средневековье всегда было связано с религиозной идеологией. Династийный культ кирпандцев в кушанский период возникла на базе верований их скотоводческих предков и древних локальных земледельческих обычаев обожествления царей. Буддийское течение в искусстве появилось в результате широкого распространения в Кипанде буддийской идеологии, распространенных буддийскими монахами и миссионерами из древнеиндийских областей, в первую очередь из Гандхары, а позднее и из Центральной Индии.¹⁶³ Распространение буддизма на территории Кирпанда в кушанский период

¹⁶² Пугаченкова Г.А. Роль эллинизма как одного из связующих звеньев художественной культуры Средней Азии и Индии (первые века до н.э.) //Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.131-134

¹⁶³ Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.244

сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Из Индостана пришли обычаи создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в облике человека. Из Индии заимствованы и отдельные растительные и архитектурные орнаментальные элементы, в том числе такие мотивы, как цветок лотоса.¹⁶⁴ В декоративном оформлении буддийских построек Кирпанда заметное место занимала скульптура, соподчиненная выработанным в Индии буддийским образам и сюжетам. Частью она безусловно следует им, но частью связана и с пластическими традициями бактрийского искусства – таковы образы деватов, светских персонажей.

В отличие от Гандхары, где преобладала каменная валяние, в центральном Кирпанде применялась лепка из глины с поверхностным гипсованием, хотя встречены и каменные скульптуры, например, Айртамский фриз. Настенная живопись в буддийских постройках Кирпанда, содержит канонические образы Будды и боддисатв, сцены их почитания, то в облике донаторов подчеркнуты местные черты внешности и регалии.¹⁶⁵

Изображения Будды с нимбом и ореолом вокруг тела, а также в обрамлении языков пламени были широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна и Дальнего Востока, что отражает, видимо, изменения, внесенные в буддийское искусство именно в Кирпанде. Распространение буддизма из Кирпанда в восточноазиатский регион многим обязано среднеазиатским буддийским монахам. Открытые на

¹⁶⁴ Ставиский Б. Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира. // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. - М., 1990, с.8

¹⁶⁵ Пугаченкова Г. А. Буддийское искусство кушанской Бактрии. // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999. с.41

Кара-тепе стенные росписи с изображением донаторов, выполненные в рамках династийного художественного течения в кушанском искусстве, находят много аналогий в художественных памятниках Индостана, что свидетельствует о среднеазиатском воздействии в кушанское время не только на политические институты, но и на искусство Индии.¹⁶⁶

Широкое распространение в кушанском Кирпанде получило светское династийное искусство. Обожествление царей, практика возведения и поклонения их изображениям в храмах, благоговение людей перед ними привели к формированию и росту имперского культа. Поклонение императору, а также поклонение империи вошло в обычай.¹⁶⁷

Наиболее ранним монументальным памятником династийного культа кушанского Кирпанда является дворец в Халчаяне (юг Узбекистана) с уникальными скульптурными композициями и остатками монументальной живописи. Размер постройки 35X25 м, а помещений, включая коридоры, было 10. На главном фасаде дворца находился глубокий шестиколонный портал-айван, а за ним – приемный зал, тронное двухколонное помещение; справа и слева от центрального зала располагались подсобные помещения, арсенал и т.д. Айван и зал дворца были оформлены разнообразными скульптурными композициями. Пристенная скульптура выполнена из глины с последующей раскраской в основном красным. Главную композицию представляла тронная сцена, центральное место в которой занимали восседающие на тронах правитель и его супруга, по обе стороны от которых располагались скульптуры членов семьи, местной знати, а вверху над ними – скульптуры «варваризированных» Афины, Геракла, Ники. В композиции на северной стене представлен сидящий правитель, слева и

¹⁶⁶ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе..., с.9

¹⁶⁷ Мукерджи Б.Н. Имперские культы в Кушанской империи.// Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.177

справа от которого размещались скульптуры его сородичей и приближенных из рода кушанского царя «Герая». Скульптурная композиция на южной стене включает динамичную сцену битвы конных легко вооруженных лучников с тяжело вооруженными воинами. В интерпретации известного исследователя Г.А. Пугаченковой основной скульптурный цикл был посвящен прославлению «гераева» рода в сценах с участием музыкантов, комедиантов, проходящих под покровительством богов.¹⁶⁸

Самым известным памятником династийного культа кушан и династийного течения в искусстве Кирпанда является знаменитый культовый центр на холме Сурх-Котал в Баглане, на севере Афганистана.

Важнейшая роль Сурх-Котала заключается в том, что здесь найдена первая большая надпись на «бактрийском языке» «кушанским письмом» на каменных плитах, повествующая о реконструкции «храма Канишки Победителя», названного в тексте надписи «Багголагго» - святилище. Храм Канишки Победителя построен на вершине холма Сурх-Котал, окруженного поясом крепостных стен. Храм стоял в центре двора, окруженного с трех сторон стеной с прямоугольными башнями, вдоль которых также тянулись айваны. В стенных нишах стояли в древности раскрашенные глиняные скульптурные изображения обожествленных кушанских государей и божеств кушанского пантеона, а в целлах главного и других храмов горел священный огонь. Трактовка храма Канишки Победителя как сооружения, связанного с династийным культом кушан, помимо обозначения его святилищем, опирается на аналогичное назначение раскопанного в начале XX в. и признанного династийным «дома богов» в селе Мат в Матхуре, в долине Ганга. В этом сооружении были найдены знаменитые каменные статуи стоящего в полный рост Канишки, а также

¹⁶⁸ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии.- Ташкент, 2008,с. 86-87

восседающего на троне кушанского царя – Вимы Такто, деда прославленного императора-реформатора. Здесь изображения кушанских царей и большинства других персонажей выполнены в стиле, чуждом искусству Индии, но находящем аналогии в художественной культуре центрального Кирпанда.

Скульптуры из Халчаяна, Сурх-Котала, из села Мат выполнены в стиле «династийного течения» искусства кушан, для которой характерно стремление передать мощь и несокрушимость обожествленных правителей, изображавшихся в строго фронтальной застывшей позе, с симметрично расставленными ногами и облаченными в богатые одеяния степных вождей. Все три храма кушанского династийного культа не следуют единой архитектурно-планировочной традиции. Видимо, при возведении каждого из них использовались местные особенности, жесткого же канона храмового зодчества в династийном культе кушан в тот период не существовало.¹⁶⁹

Высокого развития получает в раннем Кирпанде медальерное искусство. Пантеон, изображенный на монетах насчитывает около тридцати божеств. Среди этих божеств находятся местные- божество амударьинских вод-Вахш; общеиранские- Митра, богиня победы –Хванида, бог огня – Фарр; восходящие к месопотамским культам- Нана; эллинистические – солнечный бог Гелиос, лунное божество Селена или греко-египетский Сарапис; индийские, в том числе Будда. Вне зависимости от их происхождения все восточные божества (кроме Шивы) выполнены в традиции античной медальерной пластики. Антропоморфные образы этих божеств создавались впервые, и при их создании кирпандские медальеры обратились к иконографии античных божеств и персонажей. Таким образом, в изображениях на монетах отразился процесс творческого освоения и

¹⁶⁹ Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев, с.248-256

использования для своих целей античных художественных традиций.¹⁷⁰

Культурная толерантность позволяла сохранять своеобразие местных традиций и достижений локальной культур наряду с созданием общих для всего огромного региона культурных ценностей. Огромную цивилизаторскую роль сыграли согдийцы на трассах Шелкового пути. Если согдийцы на трассах Шелкового пути способствовали распространению экономических и культурных достижений, то роль бактрийцев-кирпандцев особенно важна в распространении античного наследия на восток, в распространении буддийской культуры, традиций длительного сосуществования различных религиозных систем и течений. Созревшая на местных среднеазиатских традициях буддийское искусство и архитектура дали новый импульс развития буддийской культуры далеко на востоке - в Китае, Японии, Корее. Распространение буддизма по трассам Шелкового пути не означало уничтожения или поглощения местных верований, местных традиций. Это был сложный процесс взаимовлияния и творческого восприятия нового, трансформации привнесенных традиций под влиянием местных.¹⁷¹

Искусство эфталитского периода. Искусство Кирпанда эфталитского периода можно обозначить эпохой Ренессанса Центральной Азии. Генезис раннесредневекового искусства Кирпанда был сложным процессом. Искусство Кирпанда эфталитского периода развивалась в тесном взаимодействии с искусством оседлоземледельческого и скотоводческого населения, а также интеграцией инноваций. В его основе

¹⁷⁰ Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии, с.47-48

¹⁷¹ Гафуров Б.Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1. М., 1974, с.61-80; Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций... С. 89-91

лежали местные традиции предшествующих периодов. Искусство раннесредневекового Кирпанда представляет сложный сплав из бактрийско-тохаристанских, согдийских и заимствованных элементов: сасанидских, китайских, византийских, индийских и др. Причем кирпандцы не слепо копировали иноземные образцы, а творчески перерабатывали их, приспособлявая к местным условиям и своим эстетическим запросам.

В V в. формируется синкретичный кирпандский культурный комплекс, обладающий большой унификацией всех его элементов. Это был период зарождения новых эстетических начал. Облик культурного времени определяли уже не города, а сельские центры, переживавшие экономический подъем. В эфталитский период ознаменовано в Кирпанде существенными видоизменениями в среднеазиатской архитектуре – сооружением рядом с селениями многочисленных замков-кешков в сельских районах, а в сократившихся в это время числом и размерами городах – жилых домов, дворцов и храмов нового типа. В оформлении их входили скульптура и стенопись иных, чем ранее, содержания и стиля. В это же время здесь начала формироваться новая городская культура, получившая развитие в VI—VII вв. На смену мегаполисам приходят небольшие города и городки.

Этот культурный синтез нашел свое яркое воплощение в изобразительном искусстве Кирпанда. В эфталитском Кирпанде наблюдается два направления развития искусства – культовое и светское. Особое место в культуре Кирпанда эфталитского периода принадлежит буддийским монастырям и храмам, открытым в Калаи Кафирниган, Аджинатепе. Приверженность к буддийскому канону определяет здесь и в скульптуре, и в живописи традиционный состав основных образов, но стиль уже во многом отличен от стиля кушанского времени. В буддийской храмовой живописи эфталитского периода четко обозначилась борьба двух

тенденций: традиционализма и обновления образов. Живопись буддийского монастыря Аджина тепа – результат слияния индийского искусства и местного бактрийско-тохаристанского. В буддийских памятниках право- и левобережного (в Северном Афганистане) Кирпанда этот стиль, именуемый «буддийским барокко», отличает гибкая пластика поз, мелкая проработка деталей. Но, как и ранее, присущ реализм в изображениях мирян, почитателей буддизма, при подчеркнуто скромных размерах в сравнении со сверхнатуральным масштабом фигур Будды.

Отличается пластическое оформление дворцов и храмов северного Кирпанда. Круглообъемная деревянная скульптура оформляла в интерьерах стойки и кронштейны в виде «кариатид» (Пенджикент). В декоре же дверей и фризов стен она переходит в горельеф, чаще – барельеф, соподчиненные стенной плоскости. Большую роль играет также резьба по ганчу. Сюжеты всех этих рельефов разнообразны – божества под арками, охотники, танцовщицы, морской дракон-макара, женщина-птица, витязи, крылатый конь, поединок конных воинов и другие. Но наряду с изобразительными мотивами видную роль играл архитектурный орнамент, заполняющий бордюры, а иногда целые панно - предвозвездие ведущей роли орнамента в среднеазиатской архитектуре последующих времен.¹⁷²

Монументальная живопись дворцов и храмов Кирпанда эфталитского периода относится к шедеврам мирового наследия. Сюжеты росписей стен передают сцены битвы и пиршества, нравоучительные притчи и подвиги эпических героев, тронные сцены и прием дипломатических посольства, следующие ко двору, божества и донаторы, цари и

¹⁷² Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан, с.154-160; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982, с.111; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. Великая степь, иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М., 2002, с.295-302

мифологические существа, безграничный мир преданий, сказочных сюжетов, прошедших сквозь фильтр эпического творчества и исторических событий. И все это – при высоком уровне живописного мастерства, показателя высокого уровня профессионализма тохаристанских, согдийских, индийских, кучарских локальных живописных школ. Возможно, именно духовная толерантность в кирпандском обществе определила большую свободу творчества живописцев, которые, расписывая дома, дворцы и храмы, конкурировали между собой, черпая вдохновение в устном народном творчестве, в эпических исторических сказаниях, и в событиях повседневной жизни.

К памятникам городской культуры северного Кирпанда относится городище древнего Пенджикента, который является классическим образцом города эфталитского периода. Раннесредневековый Пенджикент состоял из трех частей: цитадели, обнесенного крепостными стенами собственно города (шахристана); небольшого пригорода и обширного некрополя. На цитадели размещался дворец правителя княжества (и владельца города), на шахристане – два больших храмовых комплекса, жилые дома городской знати и купечества, базары и лавки. За городом находились пригородные усадьбы, отдельные дома ремесленников и состоятельных земледельцев, а также постройки некрополя.

Пенджикентские жилища группировались, в прямоугольные в плане кварталы, которые разделялись прямыми длинными улицами. Ядром каждого квартала были двух-, а то и трехэтажные дома городской знати. К этим домам-дворцам пристраивались жилища менее богатых купцов и землевладельцев, а то и мелких хозяев лавок и мастерских, селившихся обычно вдоль улиц и переулков. В монументальных жилищах пенджикентской знати в центре плоской деревянной кровли, опиравшейся на четыре стройные колонны, находился большой световой люк. Изящная резьба украшала деревянные балки, капители и

фризы, составленных из отдельных скульптурных фигур и барельефов, располагавшихся по верху стен на многокрасочных стенных росписях. Напротив входа суфа имела расширение — своеобразную площадку, "место почетного сидения" хозяина или почетного гостя.

В нишах величественных храмов располагались большие глиняные статуи, стены украшала яркая живопись, а деревянные архитектурные детали, художественная резьба, как и глиняные фигуры, были раскрашены. Во внутреннем дворе одного из храмов росло большое лиственное дерево и располагался алтарь огня. Оба храма представляли собой не только культовые здания, но и замечательные образцы синтеза искусства — умелого сочетания архитектуры, скульптуры и живописи.

Исключительную важность в истории культуры Центральной Азии имеет монументальная живопись и скульптура этого раннесредневекового города. Такой насыщенности небольшого города V-VIII веков произведениями настенной живописи не знает на Востоке ни один древний город. Такого обилия приемов, манер, почерков в живописи при относительной общности ее стиля тоже не найти. Живопись украшала залы, иногда имеющих стены площадью в двести-триста квадратных метров, и коридоры жилых домов. В больших залах живопись компоновалась по определенным правилам. Напротив входа на стене кроме панели и фриза изображалось царственное лицо (или божество); по сторонам трона — склонившие перед ним колени арфистки, танцовщицы; на боковых стенах широким ярусом шли сцены на героические, частью фантастические темы, а внизу узкой полосой, разбитой рамками, — эпизоды из сказок и басен.¹⁷³ Весьма интересными оказались также дошедшие до наших дней стенные росписи пенджикентских храмов с изображениями сидящих, поджав ноги, знатных

¹⁷³ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии, с.126-129

мужчин, украшенных ветками и цветами, и особенно "сцена оплакивания». Храмы, видимо, принадлежали местным, согдийским, последователям древних иранских языческих культов авестийского круга с поклонением огню и другим священным стихиям (в том числе воде), изображениям многих божеств ("идолов"), оплакиванием покойных (категорически запрещаемым сасанидским "зороастризмом"), как и языческого божества умирающей и воскрешающейся природы, культом "священного дерева" и т. п.¹⁷⁴

В разных жилищах знати, судя по остаткам росписей, персонажи божественных покровителей не повторялись. Но именно к такому персонажу были обращены изображенные слева и справа от центра сцены музыкантши. Живописные сцены из этих повествований разворачивались перед хозяевами и их гостями в широких поясах, переходивших с одной стены на соседнюю по всему залу. Кирпандские живописцы с необычайной тщательностью вырисовывали каждую деталь одежды, вооружения и бытовых предметов, и, несмотря на условность канонизированных фигур, поз и жестов персонажей в целом, можно детально изучать материальную культуру Кирпанда. Все эти сцены относились, очевидно, к единому повествованию, рассказывали о подвигах одних и тех же богатырей, так как их изображения повторяются. Но в то же время — это типичное, характерное для пенджикентского городища. Залы такого типа неизменно открываются как в Пенджикенте, так и в других предарабских согдийских городах. Возможно, в настенной живописи для передачи отдельных состояний существовали определенные изобразительные и литературные штампы (например, басни Эзопа или герои индийских сказок «Панчатантра»).

Особенно в живописи Пенджикента примечательно изображение богини Наны (Нанайя)—еще со времен Канишки, покровительствовавшая Кирпанду. Она сидит

¹⁷⁴ Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с.297-302

верхом на льве и в правой руке она держит солнце, в левой — луну..¹⁷⁵ Нанайя держит в руках символы объединения людей Луны и людей Солнца – символ Кирпанда

Одним из шедевров искусства Кирпанда является вышеупомянутая живопись Афрасиаба, которая может ярко охарактеризовать искусство позднеэфталитского периода. Особенно великолепными оказались, как мы выше отмечали, росписи большого зала площадью 11 x 11 м². На красочных композициях росписи Афрасиаба изображены царь и его приближенные, которые встречают послов из разных стран, даны сцена охоты, сцена в лодке с самаркандской царицей и свадебное шествие чаганианской принцессы с сопровождающими. В композиции, учитывая присущую искусству Согда пунктуальность в изображении этнического типа персонажей, их одежды, вооружения и других деталей, даны, видимо, реальные исторические события. Афрасиабские росписи представляют собой полное и законченное выражение самостоятельной художественной системы.¹⁷⁶

Богато были украшены произведениями монументального искусства также дворцовые покои городища Варахша, расположенного к западу от современного Бухарского оазиса. В V в. н. э. Варахша становится резиденцией правителей Бухары и затем разрастается в огромный город. Варахшинский дворец, как мы писали выше, был украшен резным шtukом и росписями, сюжеты которых по сути те же, что и в парадных залах Пенджикента: были изображены сцена царского приема и конные воины. В центре

¹⁷⁵ Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с. 300-312

¹⁷⁶ Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с. 312-313; Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии, с. 123-126

композиции на южной стене находилась фигура божества, сидящего на троне, от которого тянулись ярусами повествовательные сцены, а в другом зале даны сцены охоты, Украшения одежды и, главное, изображения слонов — все это придает залу "индийский" характер. Росписи "красного" зала важны тем, что передают сцены из жизни индийских территорий Кирпанда.¹⁷⁷

Одним из ярких памятников Кирпанда, как мы писали выше, является Аджина-тепе. Это наиболее известный буддийский монастырь эфталитского Кирпанда. Сохранившиеся живопись и скульптура свидетельствуют о том, что Аджина-тепа — это остатки единого ансамбля жилых и культовых помещений буддийского монастыря. Здание было построено по единому четкому плану, подобно тому как сооружались монастыри в древней и средневековой Индии, а также в кушанском Кирпанде. Одно из помещений являлось святилищем, стены которого покрывали росписи, а на его пристенных постаментах размещались глиняные скульптуры и рельефные композиции. Другое помещение представляло собой зал с четырьмя колоннами, служил местом для собраний буддийской общины, где могли вестись и занятия, и богословские диспуты с участием не только членов, но и гостей общины. Из длинных коридоров можно было попасть в жилые кельи монахов и в комнаты иного назначения. Из северного айвана шел проход в небольшое купольное помещение. Центр двора занимала главная ступа.¹⁷⁸ О том, как совершался такой ритуальный обход ступы, дает представление роспись буддийского храма на юге Таджикистана, на Калаи Кафирниган.¹⁷⁹ Наверху этой двухъярусной композиции была изображена большая фигура

¹⁷⁷ Шишкин В.А. Варахша, М., 1963, с.150-186

¹⁷⁸ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971

¹⁷⁹ Литвинский Б.А. Настенная живопись Калаи –Кафирнигана //Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с.116-138

Будды с предстоящими персонажами, внизу — процессия, в которой принимает участие (и, видимо, возглавляет ее), наряду со знатными мужчинами и женщинами в богатых одеждах, буддийский монах. Все участники процессии держат в руках цветы, ветки и иные дары, которые предназначались для поднесения священным изображениям Будды, буддийских персонажей и символам, например ступе. Вокруг двора со ступой располагались, как и в монастырской половине здания, длинные коленчатые коридоры, соединявшие все четыре его дворовых айвана. В одном из таких коридоров на высоком постаменте размещалась 12-метровая глиняная статуя лежавшего на боку в сцене "великого ухода" Будды - в нирване.¹⁸⁰

Многовековые местные традиции проявились в технике монументальной стенной живописи и лессовой скульптуры, в то время как в сюжетах, особенно при изображении буддийских персонажей, художники оставались в основном в рамках разработанных в Индии канонов. Сюжетные росписи в Аджина-тепе украшали почти все помещения культовой половины и некоторые комнаты собственно монастырской части. Таковы, например, частые изображения Будды, в том числе в многоярусных композициях на сводчатых потолках. В то же время изображения местных персонажей даже в культовых сценах следовали привычным среднеазиатским правилам, в чем легко убедиться на примере изображения сцены прадахшины из Калаи-Кафирниган или сцены подношения даров из Аджина-тепе. Не менее богатым было скульптурное убранство здания монастыря: судя по находкам, здесь было более 500 статуй - отдельных фигур и скульптурных композиций. Как и в живописи, в скульптуре

¹⁸⁰ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. М., 1971, с.81-83,163-164

часто изображались сам Будда и бодхисатвы, а также небожители-дэвы, монахи, демоны и т. п.¹⁸¹

Наглядно характеризует жилые замки Кирпанда, расположенный на юге замок Балалыктепа- укрепленная загородная усадьба богатого землевладельца и его семьи. Стены замка украшали стенные росписи. По определению исследователя замка – Л.И. Альбаума, "живопись изображает сцену пиршества, в котором принимают участие сидящие на ковриках мужчины и женщины. Всю композицию можно разбить на отдельные группы. На переднем плане изображены крупные фигуры. Они одеты в богато орнаментированные одежды. На втором плане меньшим масштабом изображены слуги..».¹⁸² Живопись Балалык тепе рисует общество своего времени и его предметное окружение, воплощает присущие ему нормы и идеалы, вмещает в себя жизненно важные проявления эстетики кирпандцев. Стремление живописца схватить форму одним движением кисти, сразу, без поправок – свидетельство высокого таланта художника. В живописи Балалыктепе нет изображений божеств и служителей культа. Сцена пиршества носит чисто светский характер. Но между религиозной живописью, верной доктринам буддизма, и светской живописью Кирпанда протягивались связующие нити. Не будучи культовой, живопись Балалык-тепе исполнялась, видимо, не без участия мастеров, знакомых с буддийской иконописной традицией. Они следовали ей в трактовке одежд, рук, поз, напоминающих буддийские росписи Фундукистана и Бамиана.¹⁸³

Исследователи отмечают, что в Согде— сильнее всего древневосточная традиция, существенно измененная

¹⁸¹ Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с.320-323

¹⁸² Альбаум Л.И. Балалык-тепе.Ташкент,1960, с.127-128

¹⁸³ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии, с.116-118

влиянием искусства степей, но в его стиль вошли также элементы тохаристанского и индийского происхождения, а китайские мотивы даны "цитатами". Чем южнее, тем в большей мере стили, близкие к эллинистическому и согдийскому, уступают свои позиции буддийскому с его особой нежностью не только форм, но и красно-синего колорита. К востоку от Бамиана (в афганской части Кирпанда) в оазисах вдоль южного и северного путей (в Китай.) преобладает несколько упрощенный индо-буддийский стиль. Однако светские элементы искусства, как и в Бамиане, по своему характеру родственны согдийским, хотя собственно согдийское влияние до середины VII в. не доходило до этих оазисов. Наконец, в раннем средневековье в Китае в буддийском искусстве появляется классический танский стиль, в котором гармонично сочетаются местные, индо-буддистские и центральноазиатские элементы..¹⁸⁴ Как и в произведениях монументально-декоративного искусства раннесредневековом Кирпанде, в прикладном искусстве ведущую роль играли изобразительные элементы и мотивы. Более того, и в стенных росписях, и в резьбе по дереву, и в лессовой скульптуре Согда и других областей среднеазиатского Междуречья передаются одни и те же сюжеты. В Согде, например, в том числе и в Самарканде, среди многочисленных терракот встречены изображения, живо напоминающие персонажей знаменитой "сцены оплакивания" на стене пенджикентского храма..

Художественное ремесло Кирпанда предстает в своем многообразии и развитии в керамике. Выявлено специалистами ряд локальных школ, отражающих этническую общность и, соответственно, характер эстетических запросов населения крупных историко-культурных областей среднеазиатского региона. В Кирпанде

¹⁸⁴ Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии: историко-художественное и лабораторное исследование. СПб., 1999

при помощи калыбов — терракотовых штампов оттискивались также фигурки воинов с булавами в руках, которые восседали на мелких скульптурах коней и, реже, иных животных. Из глины изготавливались и сосуды с изображениями, метко передававшими этнический тип кирпандцев с большим прямым носом, густыми бровями, длинными усами, аккуратной бородкой и миндалевидными глазами. Особый род коропластики предстает на оссуариях. Фасадную стенку или же все четыре стороны керамического ящика и пирамидальную крышку богато орнаментированных оссуариев оформляли либо объемные наклепные фигурки, либо оттиснутые матрицами рельефы. Тематика их связана с ритуалами и образами местного зороастризма, стиль тот же, что и в монументальных настенных рельефах, но исполнение лишь иногда стоит на высоком художественном уровне.

Оссуарии в Кирпанде декорировались разнообразно — без орнаментации или с грубо-примитивной орнаментацией, а то и высокохудожественными по исполнению. Среди последних по праву можно назвать найденные в начале XX в. Б.Н. Кастальским у селения Бия-Найман между Самаркандом и Бухарой. Наиболее распространенной композицией на Биянайманских оссуариях были сцены, которые включали четыре фигуры, стоявшие под арками. Эта композиция перекликается с сасанидскими, византийскими, раннероманскими и, даже с иудейскими.¹⁸⁵ В эфталитский период мастерство коропластов Кирпанда претерпело определенные изменения. Штампами оттискивались в основном головки, торс же выполнялся вручную.

Изделия торевтики, которыми славился Кирпанд, дошли в ограниченном числе. Возможно, являются кирпандскими некоторые сосуды У-УП вв из старых собраний Эрмитажа.

¹⁸⁵ Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989; Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекостанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, с.162-163; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, 330-333

Сосуды из золота, серебра (реже из бронзы и других металлов), украшались резьбой. Эти произведения предназначались для знатных и зажиточных слоев населения, которые жили в монументальных зданиях со стенными росписями. В художественном металле изображали сцены длительного единоборства витязей, тронные сцены, крылатый верблюд, сцены охоты, сюжеты драм Еврипида. Витязи изображались в чисто согдийском изобразительном стиле: с широкими плечами и тонкой талией, а детали их вооружения и иные атрибуты переданы с присущей согдийскому искусству той эпохи тщательностью. Эфталитская школа оказалась связанной с сасанидскими, гуптскими и местными кушанскими и посткушанскими традициями и показала, наряду с монетами и печатями, попытку создания официального стиля в эфталитских владениях. Согдийские чаши чилекского клада, о которых мы упоминали выше, по некоторым признакам оказались аналогичными парфянским и даже ахеменидским, тогда как по другим признакам они близки к раннесредневековым чашам Хорезма. Обломки согдийских (или уструшанских) сосудов были найдены в 1943 г. на городище Мунчак-тепе. Чилекские и мунчакские находки впервые позволили охарактеризовать торевтику Среднеазиатского Междуречья в V-VI вв. При тесных связях всех школ между ними мог происходить обмен мастерами, а влияние школ прослеживается вплоть до Монголии и Китая, однако эти школы определённо отличаются, что заставляет локализовать её между производственными центрами других школ, т.е. в основном в Согде и Уструшане. Влияние согдийской культуры достигло весьма отдалённых территорий. Активность согдийцев сближала культуры различных народов Центральной Азии. Общность в торевтике соответствует территории, на которую в основном и распространялась эта активность, хотя, часть вещей могла быть изготовлена и представителями других народов, связанных с согдийцами. Расширительное понимание

термина «согдийское серебро» является наиболее подходящим.

В чашах Согда и Тохаристана очень долго сохранялись особенности древневосточных фиал. В обоих случаях это несложные признаки, сохранённые не в качестве специального напоминания о славном прошлом, а просто как издавна приличествующие металлической посуде. Рост и развитие в VI — начале VIII вв. прочных и долговечных согдийских городских общин определили сложение стойкой ремесленно-художественной среды, что привело к устойчивости деталей и всё возрастающим требованиям к качеству работы по металлу. Форма и сюжет, т.е. те особенности, которые существенны для заказчика, довольно свободно варьировали, а детали и приёмы исполнения, присущие школам мастеров, были устойчивыми и претерпевали лишь постепенные изменения.

В торевтике Тохаристана ярко сказывается меморативное значение пиршественной посуды. В течение веков мастера и заказчики отдавали предпочтение греческим традициям. В отличие от доживания древневосточных мотивов в ремесленных традициях Согда, здесь стремились к сознательному подражанию древности. Греческие сюжеты, как правило, не были понятны местным людям, но они понимали и всячески подчёркивали, что на чашах изображены именно греки (причём, по возможности, в греческой манере). Однако при этом почти каждая чаша имеет наряду с греческими и местные изображения, введённые без всякой связи с остальными сюжетами. В Тохаристане античные мотивы имели, как будто, престижное значение, напоминания о древности и богатстве, что, скорее всего, и привело к сохранению столь обширных цитат эллинистического происхождения. И здесь торевтика рисует особую сторону культуры, о которой не дают возможность судить другие виды искусства, в которых для IV-VII вв. почти неизвестны подобные цитаты.

В Кирпанде с середины V в. создается официальное искусство, отраженное в торевтике. Здесь прямая прокламационность дополняется мотивами придворного быта. Эфталитский официальный портрет восходит к местной кушанской традиции. На эфталитских чашах сочетаются значимые (портреты, символы богов) и декоративные элементы, причём значимые элементы — бактрийско-тохаристанские, согдийские, а декоративные взяты из индийской гуптской орнаментики и декоративных фигур. В этом отношении монументальное искусство региона в отличие от торевтики характеризуется несколько большим единством стиля. Тохаристанское влияние принесло много тем, мотивов и приёмов, оно изменило само представление согдийцев о значении посуды из драгоценных металлов. С этого времени быстро распространяются согдийские сосуды с фигурами зверей и другими изображениями. Однако согдийские мастера не заинтересовались царской тематикой, предпочитая нейтральные с точки зрения содержания мотивы. Фигуры выполненных согдийскими мастерами зверей создают впечатление героического сверхмерного усилия, а пальметты растительного орнамента, несмотря на полную потерю сходства с какими-либо реальными листьями, кажутся живыми и упругими. Эпические сюжеты очень редки в торевтике, но в Согде VII в. имеются сосуды с такими сюжетами. Это блюдо с изображениями Бахрама Гура и Азаде и согдийское блюдо со сценой поединка. Блюдо со сценой поединка по технико-стилистическим особенностям остаётся единственным в своём роде. Однако тот же сюжет был передан в пенджикентской настенной росписи. Сюжет блюда — не просто поединок, а роковой бой двух равных по силе истинных героев. Царские сцены одновременно напоминали о прошлом и несколько метафорически изображали царствующего государя, избегая прямого портретирования.

В эпоху Тан (и ранее уже в VI в.) на Дальнем Востоке заметно согдийское влияние в торовитике. Известны привозные сосуды и многочисленные местные подражания. Привозившаяся из Средней Азии драгоценная посуда воспринималась в общем контексте экзотической моды, связанной, с одной стороны, с возросшим значением Шёлкового пути, а, с другой стороны, с ролью разноплеменной, в значительной мере тюркской, армии. Изображения на сосудах нередко специально подчеркивали их иноземный характер. Надо отметить, что, как и все школы торовитов Средней Азии, наиболее восточные из них имели бесспорные контакты с Византией по северной ветви Шёлкового Пути. В Семиречье найдены два сосуда, мастера которых, следуя в целом среднеазиатским традициям, одновременно попытались имитировать «румийские» вещи.¹⁸⁶

Направление культурных связей между Китаем, Кирпандом и Византией во многом зависело от политической ситуации в среднеазиатском регионе. В кушано-сасанидский период кирпандско-византийские связи осуществлялись, очевидно, преимущественно через территорию Ирана. При этом кирпандцы могли знакомиться с культурой восточно-римских провинций как непосредственно, так и через иранские заимствования. Важным фактором, сближавшим Кирпанд и Византию, было христианство.

Китай поддерживал связь с Кирпандом через буферные владения, которые соприкасались с границами синьцзянских владений Кирпанда. Тесным было взаимодействие культур Кирпанда и Ирана. Оно также отразилось на облике кирпандской культуры: в архитектуре (чортаки, конструкции арок), символике (изобразительный блок из полумесяца и солнечного диска), в монетном чекане (подражания драхмам

¹⁸⁶ Маршак Б.И. Согдийское серебро. М., 1971, илл.4- 20; Маршак Б.И. История восточной торовитики III-XI вв. и проблемы культурной преемственности. АДД. М., 1980, с.9-33

Хосрова I, Пероза), торевтике (круглый медальон с человеческим бюстом на дне чаши). Вхождение в состав единой империи и сильные позиции буддизма в стране были главными факторами, определяющими характер взаимодействия культур Кирпанда и Индии. Буддийское искусство Кирпанда испытало влияние гандхарского и гуптского искусства. Из Северной Индии в Кирпанд привозили буддийские рукописи на бересте, приходили буддийские миссионеры, а так же распространялись традиции декоративно-прикладного искусства на всем пространстве империи. Своеобразным идеалом женской красоты у кирпандских художников был образ индийской якшини.

Высоко было мастерство ткачей. В среде кирпандской знати был модным китайский, иранский византийский шелка, доставлявшийся в Среднюю Азию по трассам Великого Шелкового пути. В различных областях Кирпанда создаются собственные школы художественного шелкоткачества. Расцвету шелкоткачества способствовало повышение роли шелка в межгосударственном обмене и возросшая популярность у населения художественных тканей. Существовала тохаристанская, согдийская, турфанская, ферганская, индийские школы шелкоткачества, которые взаимодействуя, обогащали свои художественные традиции. Мода диктует потребность в художественном шелке с определенным кругом сюжетов, с пятнообразующим крупным орнаментом. Именно в эфталитский период выросло значение и ценность тохаристанских и согдийских шелков, особенно славились шелка «занданечи», которые впервые стали вырабатываться в одном из бухарских селений. В общих чертах орнамент занданечи представляет смыкающиеся между собой большие круги из белых перлов (или сердечек) с изображением внутри животных, птиц, грифонов, розеток. Между смыкающимися кругами, в образовавшемся ромбообразном пространстве помещался мотив «древа жизни» или розетки. Иногда на месте смыкания

кругов накладывался кружок более мелких перлов. Ткани занданечи обнаружены в зарубежных музейных коллекциях, они изображены в живописи Балалык-тепа, Дильберджина (Северный Афганистан), Афрасиаба, Пенджикента, Варахши, Калаи Кафирнигана. Поверхность шелков занданечи в живописи Афрасиаба заполнена ритмически повторяющимися козлами, крылатыми лошадками, павлинами или одиночными животными (крылатые львы, пегасы, слоны, голова кабана, павлины), вписанными в круги, обрамленные «перлами». Судя по росписям, в согдийском текстиле характерно преобладание одиночных мотивов в кругах, однако находка занданечи с надписью в музее Юи свидетельствует о выработке текстиля с орнаментом с зеркальным удвоением рисунка: противостоящие олени, крылатые лошади, львы, утки. Здесь использован согдийскими ткачами «византийский» прием «поворота» станка, дающий при ткачестве зеркально-симметричное удвоение рисунка. В живописи Афрасиаба запечатлен начальный этап художественного шелкоткачества в Согде, и датируется он первой половиной УП в. Второй этап запечатлен росписями Пенджикента и Варахши, датируемых второй половиной УП-началом УШ в. На первом этапе сильно влияние общекирпандской традиции, сочетающие в себе черты тохаристанского, согдийского, турфанского, хотанского текстильного искусства.

Особенно близки художественные текстильные традиции Согда и Турфана. Начиная с УП в. здесь используют в художественном ткачестве «византийский» прием «поворота» станка для получения зеркально-симметричного орнамента. Таковым приемом получены изображения в круге противостоящих птиц, лошадей, козлов, цветов и т.д. Подлинные полихромные шелка из Астаны с изображением кабана, крылатых, лошадок, павлина имеют свои параллели в живописи Афрасиаба, шелковые же синьцзянские и

согдийские ткани с вышеназванными мотивами в музейных коллекциях бывает даже трудно различить.

Н.В. Дьяконова и А.А. Иерусалимская отмечали в свое время общность орнаментальных мотивов и некоторых технологических особенностей полихромных шелков Ирана, Согда, Синьцзяна. И.В. Дьяконова писала, что все формы и образы «сасанидского» орнамента, все эти заключенные в круги из «перлов» семурги, выступающие навстречу друг другу львы, олени, стоящие около «древа жизни», и другие мотивы – все они рождены древними верованиями, представлениями, о мироздании, страхах, и упованиях тех многочисленных народов, из среды которых вышли мастера, создавшие эти ткани. Эти образы были рождены в среде иранских народов Центральной Азии, поэтому мы находим общие сюжеты в тканях Синьцзяна и Согда, Тохаристана, и Сасанидского Ирана. Все эти образцы шелков похожи по технике выполнения, цвету, композиции и сюжету. Относительно синхронное распространение традиций полихромного шелкоткачества в Центральной Азии не случайно, поскольку вхождение этих территорий в состав империи Кирпанда способствовало не только возникновению уникального художественного шелкоткачества, но и созданию локальных школ художественного текстиля. Эти центры черпали вдохновение для творчества не только из наследия местного искусства, но и в синтезе со своими сакско-кушанскими истоками выработали свой стиль, ставший популярным на Западе и на Востоке. Ткани типа занданечи запечатлены в живописи Кучара, Кызыла, Балалык-тепе, Афрасиаба. Эти ткани становятся популярными в Иране в пору эфталитского влияния в этом регионе. И в Тохаристане, и в Иране шелка с вышеназванным сюжетом и композицией выходят на историческую арену в V веке. Только в VI-VII вв. они распространяются в Согде и Синьцзяне. Начиная со второй половины VII-VIII в. в текстильном искусстве Согда получают синкретическое

решение заимствованные орнаментальные мотивы; сочетаясь с местными художественными формами. Они нашли отражение в росписях Варахши и Пенджикента. Этим же временем датируются и найденные образцы занданечи в мугской коллекции и в зарубежных музеях. А.А. Иерусалимская выделила ряд художественных особенностей согдийских шелков: объединение разнородных элементов орнамента, восходящих к «сасанидскому», византийскому, китайскому, дальневосточному текстилю; общая тенденция к упрощению, схематизации и геометризации рисунка и введение мелких, чисто местных мотивов и приемов; преобладание определенных орнаментальных мотивов и сюжетов, а также определенной цветовой гаммы. Композиция симметричного зеркального удвоения рисунка в медальонах получает распространение на втором этапе развития согдийского художественного шелкоткачества. Набор определенных элементов орнамента в согдийском текстильном искусстве не случаен. Все они несут смысловую нагрузку, а именно – должны принести носителю одежды благо, охранять его от негативных сил. Мотивы горных козлов, лошадей, «древа жизни», солнечной и лунной символики прослеживаются еще древнем искусстве населения Центральной Азии: по крайней мере в течение трех тысячелетий повторяются мотивы «древа жизни», козлов, лошадей и др. Отголоски сакского звериного стиля гармонично вплелись в орнаменты шелков занданечи.

В орнаменте шелков занданечи особенно часты мотивы «древа жизни». В занданечи отражена не только символика Мирового дерева, но и заложен, видимо, более совершенный символ Вселенной – принцип мандалы. В широком смысле мандала- это всеобъемлющее пространство, включающее в себя существующую космическую структуру, излучающую различные энергии: восстанавливающую, магнетическую, возрастающую. Основная конструктивная схема мандалы – это круг, вписанный в квадрат, который, в свою очередь,

опять же вписан в круг, то есть это символ бесконечности мироздания. Квадраты, в которые вписаны круги, строго ориентированы по сторонам света. Наружные стороны наиболее широкого квадрата имеют образные, ориентированные по сторонам света, выступы, которые осмысляются как ворота во внешний мир – Вселенную. Внешний круг, в который вписан квадрат, не что иное, как графическое изображение самой Вселенной. В шелках занданечи круги, обрамленные «перлами» расположены в незримой сетке-квадрате, в свою очередь, на месте смыкания больших кругов с перлами опять же накладываются с четырех сторон малые круги с «перлами» - изображением внутри лунной и солнечной символики, то есть образа малой Вселенной. Пространство между смыкающимися с четырех сторон большими кругами с перлами всегда заполняет мотив «древа» в различной ипостаси. Причем зооморфные мотивы, вписанные в круги, всегда связаны с верхним и средними мирами: здесь и крылатые, и копытные, и хищные. Тем самым образы семургов, пегасов, объединяют в себя разные зоны мироздания. Таким посредником был и образ кабана в текстильном искусстве Согда, Тохаристана и Турфана, где особенно много подлинных находок текстиля с изображением этого животного. В целом орнамент занданечи, видимо, представлял собой своего рода космограмму. И в тохаристанских, и в согдийских, и в турфанских, иранских шелках передана идея Вселенной, идея объединении всех в мироздании. В эфталитский период, как и в древности, имеются локальные различия в художественном текстильном искусстве. Если орнамент, к примеру, Тохаристана тяготеет к древнебактрийским традициям – геометризированным формам, растительным, редким зооморфным и антропоморфным мотивам, то согдийский орнамент на шелках занданечи более связан с сакскими зооморфными

образами, с вкраплениями древнеземледельческих сюжетов, с «деревом жизни», павлинами и т.д.¹⁸⁷

Зародившись в кушанский период, в период правления эфталитской династии развивается достаточно синхронно мода в costume. Жесткий трапециевидный силуэт – стиль потребовал для одежды плотных тканей, какими стали в этот период занданечи с характерным пятнообразующим крупным орнаментом. Эфталитский стиль рубах, кафтанов с односторонними отворотами определяли общее направление моды на обширном пространстве Кирпанда.

Искусство Кирпанда, которое синтезировала в себе не только художественное наследие автохтонного населения империи, но и творчески переработала в себе достижения культуры народов, лежащих на трассах Великого Шелкового пути, заложило основу расцвета исламского искусства в Саманидский период.

Саманидское искусство. Художественная культура Центральной Азии IX-X веков вошла в историю мировой цивилизации своим высочайшим подъемом. Она во многом вобрала в себе традиции предшествующего периода и предопределила позднейшие достижения в области изобразительного искусства. Изобразительное искусство этой эпохи зависела, прежде всего, от идей эпохи, владевших ее умами и от ремесла как средства приложения этого искусства к условиям жизни. В истории художественной культуры народов Центральной Азии IX-X века отмечены развитием нового стиля искусств. Переход к новому стилю искусства – стилю исламского искусства, был постепенным процессом, как считал В.В. Бартольд, что «восточно-иранское искусство в последние века до и первые века после мусульманского завоевания должно быть рассматриваемо, как одно целое, и

¹⁸⁷ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Том 1. Душанбе, 2004, с.60-71

что временем завоевания нельзя пользоваться для установления «terminusantequem».¹⁸⁸

Арабское завоевание центральноазиатского региона породило новые художественные принципы. Завоевание Центральной Азии носителями ислама, произошло в УП-УШ вв., но новый стиль, обязанный во многом культурным силам, сконцентрированным Саманидами на фоне халифата, вызвал абсолютное проявление этого стиля только во второй половине X века. Новый стиль был подготовлен всей культурой IX-X веков.

Исламское искусство не носило, в массе своей, религиозно-пропагандистского характера. Ислам с самого начала отверг участие художников в делах веры. Силу своего воздействия новая религия основывала на слове, а не на изображении живых существ. Но, тем не менее, под влиянием ислама возникло художественное течение, отличное от традиций предшествующего периода. Новая религия обусловила появление новых типов зданий, ограничила развитие некоторых видов изобразительного искусства, способствовала расцвету орнамента, каллиграфии. Особенно в первые века хиджры искусство нового стиля во многом опиралась на доисламские традиции. Исламское искусство не было династийным искусством, которое могло привлекать сильных мира сего своим величием. Оно было искусством городских сословий, по преимуществу, и удовлетворяло потребности двора лишь в той степени, в какой дворы халифов и эмиров были связаны с широким хлынувших на них потоком преданий, мифов и сказок. Приобщение к ним стало культурным достоянием эпохи.¹⁸⁹

С распространением ислама искусство монументальной живописи в Центральной Азии не оборвалось. Письменные

¹⁸⁸ Бартольд В.В., 1922, с.379,380

¹⁸⁹ Ремпель Л.И. Художественная культура Средней Азии IX-нач. XI вв. // Художественная культура Средней Азии IX-XI вв. Ташкент, 1983, с. 4-11

источники утверждают, что настенные росписи существовали в эпоху Саманидов в караван-сараях Бухары; ими славились дворцы X-XI в Самарканде, Газни. Остатки росписи, обнаруженной в 1913 году В.Л. Вяткиным на Афрасиабе, в здании, датированном X веком, оказались близкими по сюжету (пленник со связанными сзади руками) к росписям Пенджикента. В руинах Варахшского дворца был найден фрагмент росписи тоже X века. Фрагмент этот изображает всадника, стреляющего из лука обернувшись назад, - мотив, тоже характерный для искусства Согда более раннего периода, но сохранившийся и позже.¹⁹⁰

Остатки сюжетной живописи (изображение придворной гвардии в одинаковых роскошных одеждах) были обнаружены при раскопках центрального зала дворца газневидов в Ляшкари-Базар (Афганистан).¹⁹¹

Яркое представление о дворцовой монументальной живописи дают росписи X-XI веков из цитадели Хульбука (Южный Таджикистан), открытые археологом Гулямовой Э.Г.¹⁹² Техника и технология повторяют древние и раннесредневековые традиции живописного искусства Центральной Азии. Для нанесения живописи поверхность стен покрывалась слоем ганча, перемешанной с саманом. Поверх нее наносился тонкий слой хорошо отмученной глины сероватого оттенка, в свою очередь этот слой покрывался белым алебастровым грунтом. На подготовленный таким образом стенку после высыхания наносился рисунок. На Хульбуке грунтовочный слой был покрыт светло-бежевой краской. Краска фона наносилась кисточкой. На тонированный слой тонкой кистью наносился рисунок. Процесс работы был следующим: тонирование

¹⁹⁰ Забелина Н., Ремпель Л. Согдийский всадник. Ташкент, 1948

¹⁹¹ Lashkari Basar Uneresidence roqale ghasnevideet ghoride/Paris,1978, PL. 121-124

¹⁹² Гулямова Э.Г. Раскопки на городище Хульбук в 1983 г. // АРТ, 1983. Вып. XX111, с. 298-308

плоскости, нанесение рисунка, раскраска, моделирование. Верхняя часть живописи представляет собой орнаментально-эпиграфический бордюр. На голубом фоне белые, желтые буквы обведены черной линией. Удлиненные буквы переплетаются с растительным орнаментом. Орнамент представляет собой растительный узор в виде волнообразных фигур, «распахнутых крыльев», заключенных в круг, свернутого и развернутого виноградного листа, пальметт. На оранжево-красном фоне бордюр, окаймляющий растительно-эпиграфический орнамент, заключен в линии «перлов» в один – два ряда. Сюжет нижней части живописи: два сидящих на стульях музыкантши под стрельчатыми арками. Слева изображена женщина, играющая смычком на музыкальном инструменте с двумя струнами.левой рукой музыкантша держит гриф с четко прорисованными в профиле двумя колками и сложно профилированной декой. В правой руке смычок. Инструмент типа таджикского тора. Сохранилась лишь левая часть лица. Видна часть высокой прически над головой и свисающие на плечи локоны в виде четырех спиралей. С правой стороны видны серьги и конец легкого развевающегося шарфа или ленты от головного убора. Вокруг головы нимб из сине-оранжевых жгутов. Одета музыкантша в легкую розовую прозрачную блузку, перетянутую на талии полосатым шарфом с бахромой на концах и в шаровары, стянутые у колен. Поверх блузки, через плечо пропущено под правой рукой, на цепочке на трех подвесках бочонкообразный амулет. Слева от музыкантши нарисован металлический сосуд с крышкой. Вторая музыкантша – арфистка, играющая на 12-струнной арфе, тоже сохранилась в живописи частично. Вокруг головы женщины имеется сине-бежевый жгутовый нимб. Прическа, с ниспадающими на плечи спиралевидными прядями, с двумя локонами перед ушами, украшена двумя лентами. В ушах имеются сложносоставные серьги. Музыкантша одета в плотное зеленое платье, орнаментированное мелкими

треугольниками, поверх одежды наброшен длинный легкий шарф. Обе фигурки даны в проеме полуциркульной арки с пышными завитками фестонов внутри. Заканчивается изображение четырьмя птицами по двум сторонам над внешней полудугой арки.¹⁹³

Хульбукская живопись продолжает традиции раннесредневекового искусства, отраженные в росписях Афрасиаба, Пенджикента, Аджинатепы, Калаи Кахкаха. Ислам подвел черту под многовековым развитием настенной живописи раннего средневековья Центральной Азии. К моменту торжества ислама она была готова принять новую систему узорности стиля, так как уже отступила от языка пластики, присущую древнему и раннесредневековому искусству. И всем строем своих художественных образов и форм стала восприимчива к языку узора. Исламское искусство отбросило тематическую живопись, связанную с традициями языческого искусства, но не тронул других направлений настенной живописи.¹⁹⁴ Остатки монументальной росписи, выполненные в вышеуказанных традициях, были обнаружены и на памятнике Сайед, расположенного тоже в Южном Таджикистане. Росписи Хульбука, Ляшкари-Базара, Сайедасвидетельствуют, что в первые века распространения ислама в Центральной Азии, сюжетное монументальное искусство все еще было распространено в быту, но уже вбирая в себе орнаментально-эпиграфические традиции, характерные для исламского искусства. Например, в Самарканде парадные комнаты жилых домов, помещения баню декорировались росписью и резьбой по алебастру.

Высоко развитая каллиграфия, которая была письмом не только религии, но и поэзии, философии, науки, расценивалась как искусство, занимая среди других его видов

¹⁹³ Гулямова Э.Г. Указ.раб.,с. 303-308

¹⁹⁴ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. М.,1982,с.144-145

почетное место. Достигнув необычайной изощренности в применении различных усложненных почерков, каллиграфия превратилась в одну из форм орнамента, игравшего значительную роль в искусстве мусульманского средневековья. Бога в исламских странах нельзя было изображать, но можно было обозначать буквами и знаками. Поэтому в искусстве, особенно в оформлении культовых зданий, получил развитие геометрический орнамент, нередко состоящий из знаков и мотивов, имевших символическое религиозное значение. Поэтому в архитектурном декоре Хульбука, в резном штурге Афрасиаба, особое место занимают именно каллиграфические надписи в сочетании с растительным орнаментом. В исламском искусстве, например, слово «Аллах» («Бог») обозначалось четырьмя вертикальными линиями, которые схематически выражали буквы этого арабского слова. Составленные в квадрат, они становились символом Каабы. Два пересеченных квадрата образовывали восьмилучевую звезду – самый распространенный элемент мусульманской орнаментики. Разнообразное умножение квадратов рождало сложный многоугольный рисунок. Треугольник обозначал «око» бога (мотив древних магических представлений). Пятиугольник символизировал пять заповедей ислама (вера в единого бога, пятикратная молитва, милостыня, пост, паломничество в Мекку). Орнамент в средневековом исламском обществе «читался» как открытая книга. Развиваясь под влиянием изобразительных традиций Центральной Азии, здесь он значительно усложнился. Наряду с геометрическими узорами и надписями широкое применение в орнаменте нашли растительные мотивы.

Орнамент – «музыка для глаз» – стал для художников одной из главных сфер приложения творческих сил.¹⁹⁵ Тому свидетельство сохранившиеся в горных районах

¹⁹⁵ Каптерова Т.П., Виноградова Н.А. Искусство средневекового Востока. М., 1989, с.14

Таджикистана деревянные колонны X века, покрытые пластичным, сочным резным узором. Среди стилизованных растительных форм встречаются вплетенные в орнамент зооморфные мотивы, например, головки птиц на длинных шейках, вкомпанованные в пальметки, украшающие капитель колонны из Оббурдона. Изображения живых существ существовало в светском искусстве весь период развития исламского творчества.

Наиболее популярным растительным мотивом в декоре художественных произведений X-XI веков становится «ислими», классический вариант которого представляет собой волнообразный побег сплоскостно отходящими в свободной симметрии полупальметтами. На изделиях ремесла этого периода «ислими» обычно изображается в виде переплетающихся в разных вариантах трилистников-пальметт, заключенных в узкую кайму. Другой композиционно-иконографический тип лиственной орнаментики представляют изображения растений-стилизованных акантов, лотосов, пальметт в различных по очертаниям медальонах, преимущественно круглых. Если участие растительного орнамента в декоре изделий как фон носит несколько механический характер, то его смешение с различными изобразительными и орнаментальными формами, нашедшие наиболее полное выражение в так называемом «процессе флоризации» зооморфных и эпиграфических форм, – пример органического сплава художественных мотивов различной природы. Процесс смешения с растительными формами двух основных эпиграфических почерков – куфи и насх – наиболее активно протекавший в X-XI вв., со всей очевидностью определяет направление художественного стиля эпохи – от смыслового значения к абстрактно-декоративно-видовым принципам.

В изобразительном искусстве среднеазиатского Междуречья особенно были популярны изображения мотивов цветов, плодов гранатов, мотив «древа жизни», сказочно-

фантастических существ, сфинксов, птиц-дев, львогрифонов, сэнмурв-семургов, звериного гона, всадника с беркутом, всадника с барсом за спиной, тронных восседаний, знаков зодиака. Несмотря на то, что в этот период возрастает самодовлеющее значение орнаментально-растительных форм и чередующегося ритма однородных элементов вообще, тем не менее, так называемый «чистый узор» не устранял содержания. Орнаментализация тем и мотивов шла по руслу их «поэтической интерпретации», прежние магические, символические, геральдические и другие их функции наполняются новым художественно-эстетическим смыслом.¹⁹⁶ Еще в X веке продолжается развиваться монументальная скульптура. Она украшает улицы городов. Своей экспрессией, живостью скульптурные произведения вызывают восхищение путешественников.

О значительном уровне художественной культуры Центральной Азии X-XI веков говорят и сведения Ибн Хаукаля, посетивший Самарканд во второй половине X века, видевший на его площадях скульптуры животных. «Из кипарисов, - пишет он, - вырезаны удивительные изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз: они стоят один против другого, будто осматривая друг друга, и хотят вступить в бой или в состязание». Бируни вспоминает времена, когда в определенный день года, согласно обычаю, делали из теста или из глины изображение человека и ставили его у ворот. Обычай этот был, по его словам, народным («этого не делали в жилищах царей»), но в его время (XI в.) этот обычай был оставлен,» так как в нем есть нечто сходное с многобожием и неверием». Никогда еще искусство бытовой вещи не испытывало такого натиска тем и сюжетов изобразительного искусства, как в эту пору. Из меди, свинца, олова, камня, пасты, и прочих материалов, пригодных для

¹⁹⁶ Хакимов А.А. Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства. // Художественная культура Средней Азии IX-XIII веков. Ташкент, 1983, с.90-111

мелкой пластики, выделялись крохотные вещицы с фигурками птичек, зверюшек, фантастических существ, реже людей. Здесь можно найти бронзовых и серебряных птичек в виде подвесок, свинцовую фигурку верблюда, булавки с изображением петуха, птицы с хохолком, сидящей обезьянки, бронзовые и серебряные человеческие фигурки, нефритовые статуэтки – людей и львов, головку кошки, печати серебряные в виде статуэток стоящих зверей с гравированными арабскими надписями и медную статуэтку стоящего льва с арабской надписью «Абубекр». Монументальная скульптура в этот период выродилась в мелкие металлические и костяные подделки, служившие для украшения и в качестве амулетов. Они в какой – то мере возмещали потребность людей в искусстве пластики.¹⁹⁷

Дальнейшее развитие получает торевтика. Несмотря на то, что находок произведений изобразительного искусства IХ-Х веков незначительно, но они дают яркое представление о том творческом взлете художников, которые создавали новый стиль искусства, черпая вдохновение из доисламских традиций и веяний эпохи. В VIII-IX вв. появляется новое отношение к доисламским традициям. Всяческие напоминания о прошлом, причём на винной посуде, которая уже сама предосудительна, допускались в странах ислама именно потому, что те, кто восхвалял старину, не пытались вернуть её к жизни. Искусство, и в частности торевтика, становились меморативными. Согдийцы на арабской службе вели борьбу не за восстановление своих городов-государств, а за место в новом изменившемся мире. В этой борьбе большую роль играла поддержка единоплеменников, но не в старом узком смысле слова, а в значении представителей всего «аджама», т.е. персов и среднеазиатских ираноязычных народов вместе взятых, включавшихся тогда в некий

¹⁹⁷ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана. С древнейших времен до середины девятнадцатого века. М.,1965, с.206 – 207

суперэтнос, противопоставлявшийся всем арабам. Аджамский патриотизм питался, главным образом, кирпандскими воспоминаниями, но в тореvтике исторически сложилось так, что в ранне-аббасидское время в главном центре «аджама» — Хорасане господствовала еще кирпандская школа. Её мастера освоили сасанидскую тематику, но они сохранили свою художественно-ремесленную традицию, обогащённую также некоторыми элементами буддийского искусства Тохаристана. Мотивы согдийского орнамента и согдийские формы сосудов через Хорасан получили распространение в центральных областях халифата. Однако при этом сохранились только отдельные согдийские элементы, а не стилевая доминанта. Любовь к ритму мощных форм сменяется эстетикой любования прежде всего изощрённостью выполнения. Такое развитие орнамента было лишь частью общего процесса превращения героического доисламского искусства в декоративное исламское, для которого характерно сочетание величайшего мастерства с нарочитым ослаблением общественной значимости, связанным с отказом ислама от культовых изображений. Согдийская художественно-ремесленная традиция изменила стиль иранской тореvтики, которая под влиянием её динамизма потеряла значительную долю своей торжественности. Распространение согдийских мотивов на восток связано со значительной ролью согдийцев в экономике и политической жизни тюркских каганатов.

Изделий IX-X вв. сохранилось немного. Наиболее важный сосуд — чаша, найденная в 1909 г. близ д. Малая Аникова. Форма этой чаши — сегмент шара, она подобна форме гладких чаш с согдийскими надписями. Однако данный сосуд имеет снаружи арабскую куфическую надпись с именем и званием владельца, а внутри — гравированный декор на канфаренном фоне, состоящий из фриза с надписью, полосы растительного орнамента и центрального медальона с изображением сирены и виноградной лозы. Надпись на языке

фарси выполнена куфи X в. Она содержит бейт, связанный с назначением чаши: «Ради этого занятия приятного, запретного, которое тебе дозволено, держи сердце радостным». Имеется в виду питье вина, запрещённое исламом. Надпись на чаше — самая древняя сохранившаяся в эпиграфике запись литературного текста на фарси. Эта надпись позволяет локализовать сосуд в пределах Мавераннахра. Блюдо с пиром — самый ранний образец канонической исламской царской иконографии, отличающейся и от сасанидской, и от первых попыток эпохи Омейядов. Эти кружки засвидетельствованы для IX-X вв., но связаны с образцами VII-VIII вв. В начале средних веков от Босфора до Тихого океана задача создания светского декоративного искусства потребовала обращения к чужеземной роскоши. Высокая цена привезённых издалека роскошных вещей прокладывала дорогу их эстетической оценке, освобождённой, насколько только это было возможно в те времена, от догматического осмысления, а многочисленные подражания чужим изделиям показывают, что подобная эстетическая оценка распространялась и на произведения местных мастеров с иноземными формами и мотивами. Воспроизводились с сохранением своего значения культовые изображения. Среднеазиатские мастера в сценах высокой значимости дали персонажем среднеазиатские костюмы и оружие, ввели местную архитектуру. Их воспроизведение было частью процесса осознанного освоения традиций не только профессиональных, но и общекультурных, хотя при этом неизбежно происходило значительное переосмысление. Напротив, согдийские элементы попадали в другие страны с согдийскими ремесленниками или согдийскими изделиями, которые вливались в местные традиции и в дальнейшем вообще ассоциировались не с Согдом, а с культурами тех стран, в которых они были адаптированы. В Китае согдийцы представлялись одним из многих западных народов, а в

Хорасане согдийская традиция полностью влилась в новую «аджамскую» культуру. Предосудительность самого употребления посуды из серебра и золота привела к тому, что такая посуда долго ассоциировалась с неисламскими культурами, и поэтому в её украшении упорно сохранялся старый сасанидско-среднеазиатский аббасидский стиль.

В X-XI вв. появляются сосуды, на которых соседствуют эпиграфический фриз в новом духе и центральная фигура, выполненная по-старому, или кувфическая надпись и согдийский орнамент. Такие прямые «цитаты», по-видимому, встречаются не позже первой четверти XI в. Традиционная иконография царского приёма, бегущих зверей, хищной птицы, терзающей зайца, павлина и т.д. и т.п. сохраняется с некоторыми изменениями и в этом стиле, но плоские изображения на орнаментальном фоне уже не противопоставляются орнаменту, а включаются в него. Самую важную роль в убранстве сосуда начинает играть становящаяся обязательной арабская (или гораздо реже персидская) надпись. Другим важным аспектом нового стиля является его ориентированность на пристальное разглядывание. Изображения со временем становятся более стандартными, а в надписях наряду со стандартными благопожеланиями, именами и званиями владельцев рано появляются цитаты из стихов.¹⁹⁸

Эволюция искусства I-XI веков Центральной Азии отражает процесс синтеза художественных традиций в рамках кирпандской империи и творческое усвоение привнесенных исламских традиций.

¹⁹⁸ Маршак Б.И. История восточной торевтики III-XI вв. и проблемы культурной преемственности. //Автореф. дисс. д-ра ист. наук. М., 1980, с.9-33

Глава V. Роль великого шелкового пути в сложении основ традиционной культуры таджиков

Великий Шелковый путь способствовал не только интенсификации формированию Больших интегрированных пространств (империй – Римской, Парфянской, Кирпандской, Ханьской), но и ускорил этнические процессы вдоль трасс. Южные и северные трассы Великого пути обеспечивали жизнедеятельность каждого отдельного общества, а также определяли характер, направление, интенсивность связей с другими народами. Вдоль трасс создавались торговые поселения, по этим путям пролегли маршруты древних миграций народов. На всем пути выросли города, в которые купцы привносили элементы своей культуры, обычаи, религиозные верования, письменность. Здесь перекрещивались буддизм, христианство, зороастризм, манихейство, причем воспринимались не только религия, но и весь комплекс культуры с религиозными и определенными этническими традициями. Так, например, буддизм принес архитектуру, скульптуру, живопись, философские идеи, письменность, литературную традицию, многие обычаи. Великий Шелковый путь играл свою роль не только в торговом и культурном обмене между народами – сами народы и племена в поисках лучшей доли продвигались зачастую вслед за торговыми караванами или впереди них. При этом отдельные группы населения шли не только по главным магистралям, но и по местным ответвлениям торгового пути, время от времени оседая в удобных для жизни местах. Как наиболее известные исторические примеры можно назвать иудейскую и согдийскую диаспоры в Восточной Азии. Однако, если крупные этнические перемещения еще прослеживаются на археологическом материале и по данным письменных источников, то локальные миграции населения фиксируются большей частью в легендах, сказаниях, преданиях, где в

фантастической и несколько наивной форме запечатлевается суть реальных событий.¹⁹⁹

Вдоль трасс Великого Шелкового пути шли активные этнические процессы. Даже на самой дальней оконечности Шелковой трассы создавались торговые колонии согдийских мигрантов, которые постепенно ассимилировались с местным населением. Активные миграционные процессы в самой Центральной Азии, этническое взаимодействие кочевого и скотоводческого населения в древности способствовали формированию синкретической культуры. Сосуществование и взаимодействие земледельческих и кочевых народов – характерная особенность Центральной Азии, определявшая специфику ее исторического развития на протяжении тысячелетий. Для разных этносов были свойственны разные типы взаимодействия (военные столкновения, политическое господство, интеграция, различные формы симбиоза). В рамках древней государственности Парфии, Кирпанда, Давани, усиливаются процессы ассимиляции номадов. Все они являют пример полиэтнических государственных образований. В итоге этнической консолидации оседлых племен и номадов формируются древние этносы Центральной Азии. Китайские источники отмечают этническую и языковую близость населения кушанского и эфталитского периодов от Давани (Ферганы) до Аньси (Парфии). Процесс этнической консолидации происходил в условиях относительной стабилизации и устойчивости центральноазиатских империй – Кирпанда и Парфии. Эти процессы ярко отражаются в духовной и материальной культуре.

¹⁹⁹ Тихонов Д.И. Культурные связи народов Центральной Азии с кушанами.//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 2. М,1975, с.158; Шевяков А. Культурный фольклор на Шелковом пути.//На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990, с.126

В свое время известный исследователь Центральной Азии Г.А. Пугаченкова выдвинула идею о трех исторических этапах развития кушанского искусства, где явственно проступают черты синтеза культур разных народов. Первый этап развития отражен в памятниках Халчаяна с их экспрессивным реализмом стиля глиняной скульптуры, второй- в памятниках Дальверзинтепе с идеализирующим стилем скульптуры из резного штука, третий – в буддийском святилище Айртама с иератическим стилем скульптур из резного камня. Одновременно выявляются два изначальных русла кушанского искусства – бактрийско-кушанское и индо-кушанское, на третьем этапе сливающиеся в общем потоке искусства Кирпанда и проявляющие себя локально в Бактрии, Кабулистане, Нагарахаре, Гандхаре, Матхуре и т.д. С искусством Бактрии тесно связано также согдийско-кангюйское и сако-кушанское искусство областей северной периферии Кирпанда. Их памятники помогают выявить истоки той варваризации стиля, которые выражены терминами «экспрессивность» и «иератизм». Истоки экспрессивности стиля раннекушанского времени могут иметь два начала. Одно из них лежит в искусстве восточного эллинизма, в его культах и мистериях, уже получивших эстетическое преломление, и вызвано большой популярностью на Востоке творений Лисиппа, Скопаса и др. Другое начало экспрессии раннекушанского искусства можно видеть в особом характере того динамического реализма, который несли с собой сако-юечжийские племена как наследники героико-эпического и «звериного» стиля. Иератизм (торжественность, статичность) – общее явление для всего искусства Центральной Азии и Ближнего Востока.

Как известно, в процессе этногенеза складываются основы традиционной культуры, передаваемые из поколения в поколение в народной среде: навыки труда, набор орудий труда, утварь, пищевые традиции, одежда, обряды, жилище, танцы, музыка, фольклор, социальные и семейно-брачные

отношения. Традиционная культура таджиков хранит в себе немало древних напластований, исследование которых позволит выявить истоки процесса этногенеза и культурогенеза. Несмотря на культурные и этнические экспансии извне, в своей основе сохраняются на определенном пространстве традиции этнической культуры, приспособленные к данным экологическим условиям. Например, традиционная одежда таджиков хранит в себе немало следов древних напластований и служит ключом к раскрытию этногенеза народа, позволяя увидеть его исторические корни и межэтнические связи с древнейших времен. История традиционного костюма таджиков непосредственно связана с этнической историей народа. Таджикский костюм исторически формировался на протяжении веков, изменяясь, развиваясь непрерывно на всем пути этногенеза народа. История традиционного костюма охватывает как собственную эволюцию, так и ассимиляцию внешних культурных влияний, которые выработали общие черты в одежде в ходе этнокультурной консолидации древних и средневековых народов Центральной Азии. В процессе развития народной одежды сказывались как изменения быта народа, его социальной структуры, условий существования каждой этносоциальной группы, так и многообразные взаимосвязи и взаимовлияния различных народов. Большинство таких изменений оставляли след в комплексе народного костюма в целом (появление новых элементов), или различных его компонентах (материале, покрое, орнаментации) и использовании. Основные формы одежды, созданные в архаический период и приспособленные к экологическим условиям определенной территории и общества, в народе канонизировались и на протяжении веков продолжали существовать среди основной массы населения в силу традиций.

При ретроспективном исследовании этногенетической проблематики важнее всего остановится на традиционном

этнографическом костюмном комплексе: верхней распашной одежде, рубахе туникообразных кроя, штанах с мотней для шага и островерхих головных уборах, бытовавших у многих евразийских народов в древности. Он несет в себе реликты архаической одежды и является тем самым, генетическим фондом, отражающим общие исторические судьбы их носителей.²⁰⁰ Этот костюмный комплекс был характерен для населения широкого ареала уже во II тыс. до н.э., по всей вероятности, сформировался в предшествующий период. Во втором тысячелетии до н.э. это был уже достаточно традиционный костюмный ансамбль, с развитым декором, отлаженным конструктивным решением и приемами шитья. Впервые этот костюмный комплекс в полном составе предстает в подлинных археологических ансамблях одежды из Загунлука и Субеши (территория современного Синьцзяна) четырех тысячелетней давности, хотя рубахи туникообразного покрова уже встречаются в материалах более древней Кончидарьи (Синьцзян) в III тыс. до н.э.²⁰¹ у скотоводческого-земледельческого населения. Этот костюмный ансамбль прослеживается у носителей андроновской общности, позже они отражены в костюме саков, бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев и других народов Центральной Азии на Персопольских рельефах и на

²⁰⁰ Заднепровский Ю.А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии. //Тезисы докл.советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». Алма-Ата. 19-24 октября 1987 г. Алма-Ата, 1987, с. 97-98; Майтдинова Г.М. Значение костюмного комплекса для исследования этногенеза (по археолого-этнографическим данным Средней Азии). //Тезисы докл. Всесоюзной научной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований 1986-1987 гг.-Сухуми, 1988, с.223-225

²⁰¹ Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Т.1. Душанбе, 2004, с.245

пластинах Амударьинского клада, в искусстве потомков арийских племен у населения Кирпанда кушанского, эфталитского периодов и позже входит в состав костюмного ансамбля на протяжении всей истории народов Центральной Азии. Подлинные подобные одежды на территории Тохаристана были обнаружены в замке Курган, датируемый IУ-У вв, где в групповом захоронении были найдены хорошо сохранившиеся хлопчатобумажные одежды. Обладатели одежды из Кургана были, вероятно, народностью, издревле обитавшими в Бактрии-Тохаристане. Эти выводы подтверждаются антропологическими материалами из термезского Кургана. Исследование антропологического материала были проведены антропологом Т.К. Ходжайовым. Исследования показали, что захоронение совершено городским населением Старого Термеза и относилось оно к южно-таджикскому и северо-таджикскому варианту расы Среднеазиатского Междуречья, обитавшей здесь и в период античности и в средневековье. Начальный этап сложения этой расы, как считает Т.К. Ходжайов, протекал, возможно, в эпоху поздней бронзы и раннего железа, а в эпохах неолита, бронзы и раннего железа в Центральной Азии были распространены два крупных антропологических пласта: степной протоевропейский и южный восточномедиземноморский, относящиеся к различным ветвям европоидной расы. Этот вариант расы зафиксирован в Ферганской и Зарафшанской долинах, Хорезмском оазисе, на юге Туркмении, Южном Узбекистане, Южном Таджикистане.²⁰² В ареале распространения расы Среднеазиатского Междуречья, по крайней мере, видимо, и был распространен сходный термезскому костюмный комплекс, так как в этнографической одежде этого региона хорошо прослеживаются архаические традиции термезской одежды, более того, как показывают синьцзянские

²⁰² Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980

материалы, в обширном центральноазиатском ареале этот комплекс был традиционным уже в III тысячелетии до н.э., что свидетельствует об этнических связях еще с глубокой древности. Распространение в обширном регионе сходного костюмного комплекса не случайно. Удобный для верховой езды, приспособленный к подвижному быту и климатическим условиям он, видимо, сформировался в скотоводческо-земледельческой среде Центральной Азии еще до III тыс. до н.э. Как считает известный этнограф Лобачева Н.П., что общие черты костюма народов Центральной Азии – факт, позволяющий выдвинуть тезис о том, что облик традиционного народного костюма формируется в рамках всего региона. Наличие в традиционном костюме современных народов комплекса одних и тех же элементов (иногда не в полном составе), позволяет предположить, что в прошлом все эти элементы принадлежали костюму одного этнического образования, вошедшего в состав данных народов.²⁰³ Этим этническим субстратом являются ираноязычные, возможно, (по крайней мере подтвержденные археологическим материалом) андроновские племена – арийцы и их потомки – саки, а также оседло земледельческие народы Центральной Азии.

II-1 вв. до н.э. характерны вторжением волн полуоседлых и кочевых народов из засырдарьинских районов в Согд и Бактрию, их оседанием здесь, а затем сосуществованием и дальнейшим внедрением в местные этнические пласты. Процесс этот находит отражение как в политической и экономической сферах, так и в области культуры, художественной в частности. Согдийские и бактрийские культуры этого времени характеризует развитие

²⁰³ Лобачева Н.П. Народная одежда как источник по этногенезу (к вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана)//Тезисы докл. Всесоюзной конференции «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана». 20-23 ноября 1988 г.-М.,1988, с.80-81

градостроительства (система застройки, фортификация), архитектура, изобразительных искусств (скульптура, живопись, торевтика, короластика), профессионального ремесла. В среде пришельцев, осевших в культурных оазисах сохраняются традиционные виды художественных изделий – бронзовые фигурные пряжки и бляхи с анималистическими мотивами, привычные формы керамики (лепные или выполненные на круге медленного вращения), вероятно, ковровые и войлочные изделия. Усиливается процесс взаимопроникновения культур: восприятие юэжийской и кангюйской средой городских изделий (ювелирные украшения, керамика), распространение в земледельческой и городской среде анималистических мотивов (в ювелирных изделиях), темы всадника как образа степного предка (монеты, терракоты). В монументальных формах городского искусства на данном этапе проявляется интерес к этническому многообразию населения – его облику, костюмам, вооружению. Эти черты характерны и для выполнявшихся по запросу пришлых племен предметов малых искусств (короластика, резная кость). В результате в искусстве Бактрии-Тохаристана возникает бактрийско-юэжийский творческий синтез, подготовивший к 1 в. н.э. становление зрелого кушанского стиля.

Собрание художественных изделий 1 в.н.э. из Тилля-Тепе (Северный Афганистан) во многом освещает по-новому сложение и происхождение раннекушанского искусства. В этих изделиях четко прослеживаются традиции кочевнического искусства, восходящие к искусству сакского звериного стиля. Доказательством тому служат золотые застежки с гравированными рисунками пантеры с вывернутыми назад ногами, равно как и золотые бляхи с изображением то антилопы, которую терзает вскочившая на ее спину пантера, то лошади, которую атакуют два волка. Налицо темы и образы чисто кочевнического искусства, восходящего к сакским традициям. Наряду с этим в

коллекции имеются изделия, отражающие смешение как кочевнических, так и эллинистических традиций. Примером тому служат золотые ножны кинжалов на одном из которых в длинную цепочку вытянулись крылатые грифоны, драконы, хищники кошачьей породы, каждый из которых терзает впереди идущий персонаж. Налицо сцена терзания в классическом сакском искусстве. Соединение кочевнических и традиций искусства местного оседлого населения демонстрируют другие ножны, на которых изображены два крылатых дракона, один из которых вцепился в ногу другого. Дракон с волчьей головой и оленьими рогами явно восходит к искусству евразийских степей, в то же время как второй дракон со змеиной головой имеет местное, бактрийское происхождение. О синтезе разных художественных стилей свидетельствуют застежки с изображением Ареса, у ног которого оскалились драконы, более всего напоминающие пазырыкские или подвески государь-драконоборец, где точка-тика на лбу государя отражает влияние Индии, широкоскулое лицо передает антропологический тип сака, а лошадиноподобные драконы опять принадлежат к сакскому искусству. Все вышеизложенное демонстрирует, что сложение раннекушанского прикладного искусства шло под сильным влиянием сакского искусства, которое принесли с собой кочевники-юечжи. В этом синкретическом искусстве ярко отразились процессы этногенеза и культурогенеза на грани нашей эры.

Процессы культурного и этнического взаимодействия проявляются и в развитии других видов искусства. Огромное значение в торговле по Шелковому пути имел шелк силу своей легкости и дороговизны. Во II—начале I тыс. до н. э. в Синьцзяне и в Средней Азии распространяется шелк, но активная торговля им и распространение художественных и технических традиции шелкоткачества активизируется с началом функционирования Великой трансконтинентальной евразийской трассы.

Причем традиции ткачества развивались синхронно по всему региону. Основные технологические приемы ткачества, сырье и красители были найдены в Центральной Азии древними ткачами энеолитической поры и периода бронзы. Эти древние традиции обогащались по мере расширения культурных и этнических связей. Традиции ткачества в Центральной Азии развивались в тесном взаимодействии с ткачеством Восточной и Западной Азии. Высшее достижение ткацкой техники древности — изготовление полихромных тканей—своими традициями тесно связано с искусством Ирана, Средней Азии и Синьцзяна. Позже, в раннем средневековье, ткачи этого региона при изготовлении полихромных шелков использовали древние традиции местного шерстеткачества. Так же, как и при изготовлении полихромных шерстяных тканей, узоры на шелках ткачи вырабатывают утком, а основные нити сильно скручивают, в то время как древние китайцы изготавливали узоры при помощи основ. Причем в местных мастерских дорогостоящие полихромные шелка имитируют из хлопка—материала более дешевого и широко распространенного. Находки из Синьцзяна и на горе Муг, коллекции согдийских тканей в музеях свидетельствуют об общности традиций художественного шелкоткачества Средней Азии и Синьцзяна. Начиная с VI в. в Синьцзяне начинают вырабатывать полихромные шелка в технике самит,²⁰⁴ в которой выполнены

²⁰⁴ Пугаченкова Г.А. Бактрийско-юечжийские и согдийско-кангюйские взаимопроникновения в художественной культуре.//Тез.докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов: «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». Алма-Ата, 19-24 октября 1987 г. Алма-Ата, с. 112-113; Сарияниди В.И. Кочевнические традиции в раннекушанском искусстве.// Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций, с.122-123; Лубо-Лесниченко Е.И. Ткачество //Восточный Туркестан в

большинство среднеазиатских и переднеазиатских шелков. В Центральной Азии использовали различные приемы ткачества, имитируя привозные ткани (иранские, китайские), но привнося творчески элементы местного искусства. Несмотря на то, что в период раннего средневековья в Центральной Азии существовали центры шелкоткачества в Тохаристане, Согде, Фергане, Хорезме, престиж сасанидских шелков, полихромных шелков Китая и Византии все же был велик. Об этом свидетельствует включение в орнаментальное текстильное искусство мотивов сасанидского, византийского, китайского искусства, не говоря уже о близости технологических приемов ткачества. Традиции шелкоткачества Центральной Азии были ближе к ближневосточным, нежели к китайским, хотя из Китая сюда дополнительно поступали шелк—сырец, красители. Шелковые ткани Средней Азии изготавливались не на станке китайского типа, а на «обычном» «ближневосточном», которым пользовались в VI—VII вв. в мастерских Византии и Ирана и на котором выпускали не «основную», а «уточную» саржу типа «самит».²⁰⁵

Интенсивные сообщения вдоль трассы Шелкового пути в период раннего средневековья способствовали синхронному распространению традиций древнего шелкоткачества, созданию локальных школ художественного ткачества в Центральной Азии. Каждый из этих центров текстиля, имея много общего друг с другом, сохранил локальные особенности. Как отмечала Н. В. Дьяконова, освоение совершенного многоремизного станка народами Центральной и Передней Азии в V—VI вв. дало возможность вырабатывать из шелка ткани самого высокого качества. Эти ткани, как предмет роскоши, становятся необходимой

древности и раннем средневековье. Хозяйство и материальная культура.-М.,1995, с.65-66

²⁰⁵ Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде //Средняя Азия и Иран.-Л.,1972,с.7-8

принадлежностью народной одежды феодальной аристократии, чье господство в это время утверждается в равной мере и в Иране, и в Центральной Азии.²⁰⁶ Не только красота, легкость, прочность сделали шелк популярным в широком ареале. Была у этой ткани еще одна, гораздо более важная и достаточно прозаичная особенность— обладала дезинсекционными свойствами. Уникальная гигиеническая способность нитей тутового шелкопряда отпугивать насекомых не давала им гнездиться в складках шелковой одежды. При повсеместной, порой чудовищной антисанитарии в прошлые века это было буквально спасением для обладателя такого платья. И шелк продавался на вес золота, т. е. фунт шелка стоил фунт золота на римских рынках товаров еще в первых веках нашей эры, а в 301 г. письменные источники свидетельствуют, что стоимость фунта чистого золота в слитках оценивалась в 50 тыс. денариев, а фунт шелка-сырца, окрашенного в пурпур, в 150 тыс., зарплата же поденщика была от 25 до 50 денариев. Невероятно высокие цены на шелк существовали и в раннем средневековье.²⁰⁷ Высокие цены на шелк на мировом рынке и внутренние потребности населения в нем стимулировали развитие шелкоткачества по всей Центральной Азии.

Особенно явственно проступают этнокультурные традиции в орнаменте народов Центральной Азии исследуемого периода. Орнамент тесно связан с историей формирования народа и его культуры, отражает развитие его специфических этнических черт на различных исторических этапах. Структурно-содержательное единство орнамента делает его важным историческим источником. Традиции в орнаменте живут очень долго. Среди устоявшихся элементов узора под влиянием различных факторов могут появляться новые элементы, видоизменяться старые, т. е. орнамент на

²⁰⁶ Дьяконова Н.В. «Сасанидские ткани» //Труды Государственного Эрмитажа.-Л.,1969.Т.10, с.87

²⁰⁷ Петров А.М. Великий Шелковый путь. - Л.,1995, с.48-58.

каждом этапе своего развития представляет собой структуру, в которой гармонично сливаются традиционное и новое, образуя оригинальную, присущую только данному времени форму.²⁰⁸

Н. В. Дьяконова и А. А. Иерусалимская отмечали в свое время общность орнаментальных мотивов и некоторых технологических особенностей полихромных шелков Ирана, Согда и Синьцзяна. И. В. Дьяконова писала, что все формы и образы «сасанидского» орнамента, все эти заключенные в круги из «перлов» семурги, выступающие навстречу друг другу львы, олени, стоящие около «древа жизни», и другие мотивы-все они рождены древними верованиями, представлениями о мироздании, страхах и упованиях тех многочисленных народов, из среды которых вышли мастера, создавшие эти ткани, из среды которых вышли носившие их князья и воины.²⁰⁹ Эти образы были рождены в среде иранских народов Центральной Азии, поэтому мы находим общие сюжеты в тканях Синьцзяна и Согда, Тохаристана и Сасанидского Ирана. Все эти образцы шелков похожи по технике выполнения, цвету, композиции и сюжету. Традиции полихромного шелкоткачества достаточно синхронно распространялись не только в Центральной Азии, Иране, но и в Византии, где уже превалировали традиции коптских тканей. Относительно синхронное распространение традиций полихромного шелкоткачества в Центральной Азии не случайно, поскольку вхождение этих территорий в состав государства Кирпанд, также способствовало созданию синкретического искусства, которое вобрало истоки не только местного искусства разных регионов, но в синтезе со своими сакско-кушанскими истоками выработали свой стиль, ставший популярным и на Западе, и на Востоке. Мы встречаем ткани типа занданечив костюме эфталитов Кучара,

²⁰⁸ Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М., 1990, с. 5

²⁰⁹ Дьяконова Н.В. Указ. раб., с. 88

Кызылы, Балалыктепа, Афрасиаба. Эти ткани становятся популярными в Иране в пору эфталитского влияния в этом регионе. И в Тохаристане, и в Иране шелка с вышеназванным сюжетом и композицией выходят на историческую арену в V веке. Только в VI — VII веках они распространяются в Согде и Синьцзяне. Начиная со второй половины VII — VIII в. в текстильном искусстве Согда получают синкретическое решение заимствованные орнаментальные мотивы; сочетаясь с местными художественными формами они нашли отражение в росписях Варахши и Пенджикента. Этим же временем датируются и найденные образцы занданечи в мугской коллекции и в зарубежных музеях. А. А. Иерусалимская выделила ряд художественных особенностей согдийских шелков: объединение разнородных элементов орнамента, восходящих к «сасанидскому», византийскому, китайскому, дальневосточному текстилю; общая тенденция к упрощению, схематизации и геометризации рисунка (частично за счет техники ткачества) и введение мелких, чисто местных мотивов и приемов орнаментации; размещение узора в виде симметричных зеркальных композиций в медальонах как основной композиционный прием; преобладание определенных (очень немногочисленных) орнаментальных мотивов и сюжетов, а также определенной цветовой гаммы.²¹⁰ Набор определенных элементов орнамента в согдийском текстильном искусстве не случаен. Все они несут смысловую нагрузку, а именно — должны принести носителю одежды благо, охранять его от неприятностей. Мотивы горных козлов, лошадей, «древа жизни», солнечной и лунной символики и прочие прослеживаются в декоре костюма с древнейших времен.

В Тохаристане пока найдено только два фрагмента хлопчатобумажного текстиля с тонким геометрическим орнаментом — в Биттепа и в Кургане. Оба фрагмента украшены ромбическим орнаментом. Гобеленовая ткань из

²¹⁰ Иерусалимская А.А. Указ. раб., с

Кургана орнаментирована крупными однотонными тканными ромбами. Текстиль из Биттепа украшен зелеными чередующимися ромбами с вписанными в них малыми ромбиками — мотивами, традиционными в этом регионе с древнейших времен.

Подлинных художественных шелков в Тохаристане найдено всего три фрагмента, однако отсутствие подлинников восполняют текстильные изображения в живописях Балалыктепа, Калаи Шодмон, Калаи Кафирниган. Орнамент шелка в живописи Калаи Шодмон состоит из пальметток, вписанных в большие круги с «перлами», соединенных между собой с малыми «перлами», с вписанным полумесяцем. Оригинальны орнаменты шелков в росписях Балалыктепа: в круги перлов вписаны в одном случае голова кабана, а в другом — человека. Во многих орнаментах тканей балалыктепинской живописи прослеживаются древнебактрийские традиции. К ним можно отнести текстиль, украшенный «перлами» с вписанными розетками, листьями аканта, крестами, с распахнутыми крыльями и рогами архара. Часть тканей орнаментирована в традициях орнаментации древней бактрийской расписной керамики с геометрическим орнаментом. Своеобразны ткани, украшенные знаками игральнх карт. Эти мотивы прослеживаются в византийских шелках из Ахима и в костюме персонажей живописи Кизила из Синьцзяна. Тохаристанские ткачи не только воспроизводили уже установившиеся традиционные мотивы, но и смело вводили в текстильное искусство выработанные другими народами приемы, композиции, сюжеты. Причем в орнаменте тохаристанских тканей эти мотивы получают синкретическое решение.

Большую часть орнаментированных тканей из известного памятника Курган составляет текстиль, орнаментированный путем перевязки — красные и синие ткани, украшенные кружками, образующими большой кривой клетчатый узор с двумя-тремя кружками в центре. Это был наиболее простой и

популярный способ орнаментации текстиля в Центральной Азии в период раннего средневековья, истоки традиций которого прослеживаются, по крайней мере, с начала нашей эры в Центральной Азии и бытует у таджиков в настоящее время.

В Центральной Азии с древнейших времен в декоративном искусстве бытуют мотивы «древа жизни», козлов, лошадей и т. д. Эти отголоски сакского звериного стиля гармонично вплелись в орнаментальный мотив шелков занданечи.

Например, как мы писали выше, в орнаменте шелков занданечи отражена не только символика Мирового дерева, но и заложен, видимо, более совершенный символ Вселенной — принцип мандалы.²¹¹ В шелках занданечи круги, обрамленные «перлами», расположены в незримой сетке-квадрате, в свою очередь на место смыкания больших кругов с перлами опять же накладываются с четырех сторон малые круги с «перлами» — изображением внутри лунной и солнечной символики, т. е. образа малой Вселенной. Пространство между смыкающимися с четырех сторон большими кругами с перлами всегда заполняет мотив «Древа» в различной ипостаси. Причем зооморфные мотивы, вписанные в круги, всегда связаны с верхним и средним мирами: здесь и крылатые, и копытные, и хищные. Тем самым образцы семургов, пегасов объединяют в себе разные зоны мироздания. Таким посредником был и образ кабана в текстильном искусстве Согда, Тохаристана и Синьцзяна, где особенно много подлинных находок текстиля с изображением этого животного. Текстильные подлинники из Синьцзяна с изображением этих образов строго документированы — в пределах 625—665 гг.

В целом орнамент занданечи, видимо, представлял собой своего рода космограмму. И в тохаристанских, согдийских, синьцзянских, «сасанидских» шелках, но уже в другой технике и в другой форме, передана идея Вселенной, идея

²¹¹ Рубцов Н.Н. Символ в искусстве и в жизни. М, 1991, с. 76—77

объединения всех в мироздании. Эти общие идеи раннесредневекового общества в столь обширном пространстве, отраженные в текстиле, проповедовали взаимозависимость и взаимосвязанность всех в этом мире и Вселенной. В сознании древнего и средневекового человека образ Вселенной представлялся как огромное космическое человеческое тело, и отсюда непосредственно вытекает и символика макро-космоса. Человек — это органически целостная, законченная система, являющаяся точной копией или отображением Вселенной, макрокосмоса. Древние, мысля Вселенную, делили её на три мира: верхний (небесный— кроны), средний (земной — ствол), нижний (подземный— корень). Эти три мира древние представляли в зоологических связанных образах— верхний мир с птицами, средний—с копытными животными, нижний —с рыбами и пресмыкающимися. Эта космологическая схема воплощалась в костюме и в орнаменте художественных шелков, вышивке, аппликациях и в украшениях.²¹²

Наш анализ показал, что орнаментальное искусство юга Средней Азии тесно связано с Ираном, Пакистаном, Афганистаном, в то же время при многих общих чертах север региона явно тяготел к искусству Казахстана и Сибири, но в Синьцзяне в текстильном искусстве прослеживается связь с пастушескими и оседло земледельческими племенами. Как мы заметили, в древности чистых стилей не было. Во все периоды древности существовало взаимопроникновение искусств. Орнамент населения современного Южной Туркменистана, Иранского плато, Хорезма, Согда, Синьцзяна имел много точек соприкосновения.

С IV в. н. э. и до IV в. н. э. в Центральной Азии в искусстве победил мифологический реализм. В орнаменте прослеживаются более ранние традиционные мотивы меандров, кружков, треугольников, углов, квадратов, вписанных друг в друга, и новаций в виде бегущей волны. Но

²¹² Рубцов Н.Н. Указ.раб., с.74-77

основу декора костюма составляют зооморфные и растительные мотивы, реалистично выполненные на нашивных бляшках, полихромных и золотошвейных вышивках, тканом орнаменте.

В V—VIII вв. в Центральной Азии, вместе с возникновением нового направления в орнаментальном искусстве, где творчески переплелись наследие древности и инновации, появился ряд локальных школ художественного шелкоткачества. Наиболее ярко мифологический реализм в орнаменте выразился в текстильном искусстве. Создаются школы шелкоткачества в Тохаристане, Согде, Фергане, Хорезме, в Нижней Сырдарье, Турфане, Куче, Хотане и др. Эти школы были тесно связаны между собой.

В орнаменте центральноазиатских шелков использовались древнеиранские мотивы крылатых лошадей, горных баранов, геометрические фигуры, растительные мотивы и образы «древа жизни». Причем отмеченные композиции противостоящих у «древа жизни» животных еще в энеолитическом искусстве Передней Азии, в раннем средневековье одинаково широко распространяется как в «сасанидских» шелках, так и в согдийских и турфанских занданечи. Вместе с технологией ткачества по Великому Шелковому пути идет процесс распространения и орнаментальных мотивов. В китайских центрах шелкоткачества, согласно запросам покупателей на трассах Шелкового пути, изготавливают наряду с традиционно местными шелками ткани с «сасанидскими» сюжетами. Китайцы не только вырабатывают шелка по иноземным образцам, но и перенимают традиции их ткачества при изготовлении определенного текстиля. Тохаристанские мотивы со знаками карточных мастей уже отражаются в VII в. в стенной живописи Кизила, свидетельствуя о традиционности их в орнаментальном искусстве этого района.

В шелках Тохаристана, Согда, Ферганы, Ирана, Синьцзяна тесно переплетаются древние и

раннесредневековые орнаментальные традиции. В орнамент текстиля были заложены общие мифологические воззрения народов этих стран, магические функции, философское понимание сути орнамента. Эти орнаментальные мотивы свидетельствуют о древних генетических связях между народами Передней и Центральной Азии. И то, с какой легкостью древние и новые традиции распространились одновременно по всей Центральной Азии, свидетельствует о понимании населением региона смыслового содержания орнамента, его характерных функций и о его популярности.

В раннем средневековье, как и в древности, имеются локальные различия в орнаментальном искусстве. Если орнамент, к примеру, Тохаристана тяготеет к древнебактрийским традициям — геометризированным формам, растительным, редким зооморфным и антропоморфным мотивам, то согдийский орнамент на шелках занданечи более связан с сакскими зооморфными образами с вкраплениями древнеземледельческих сюжетов с «древом жизни», павлинами и т. д. В то же время ферганские и джетыасарские полихромные шелка декорировались растительно-геометрическим орнаментом. Здесь совершенно отсутствуют антропоморфные и зооморфные мотивы. Итак, орнамент народов Центральной Азии в древности и в раннем средневековье в своем развитии воплотил в себе оригинальный стиль, в котором творчески сочетались местные художественные традиции и многочисленные инновации, обусловленные разнообразными этническими, культурными и экономическими контактами.

Этнокультурные связи народов Центральной Азии ярко отразились в ювелирном деле. Особой популярностью не только в Индии, но и по всей Центральной Азии пользовались сердоликовые бусы с травленным орнаментом, находимые во множестве в древних и средневековых археологических памятниках. Весь доисламский период важным предметом торговли были индийские ювелирные украшения.

Культурные влияния отразились и в центральноазиатском ювелирном искусстве. Это было прямое заимствование индийских украшений или же их местное подражание. Например, в известном Дальверзинском кладе имеются браслеты двух видов - с утолщением на концах и со спиралевидной обмоткой, аналоги которым найдены в Таксиле.²¹³ В этом же кладе имеются серьги индийского стиля. Эллинизм внес в художественную культуру бактрийских и индийских территорий Кирпанда такие творческие идеи, как ордера в архитектуре; объемная (настенная по преимуществу) скульптура, которой присущи экспрессия и индивидуальность образов; коропластика как массовое искусство; эллинизированные мотивы в торевтике и глиптике. Но в основе своей образы изобразительного искусства и художественного ремесла имели здесь мощный локальный субстрат, на который наслоились формы и идеи, привнесенные греко-римским искусством.²¹⁴

Значительным было воздействие эллинистической культуры в пластическом искусстве Кирпанда. Она предстает в архитектуре в разновидностях объемной или горельефной крупномасштабной скульптуры, размещенной вдоль стен, и малых формах коропластики. Материалом для скульптуры в Индии был шифер, а в Бактрии в основном глина, нередко с гипсовым покрытием. В пластических образах иногда мы видим прямое обращение к эллинистическим образцам, подвергнутым переработке. Так, образы Будды и бодхисатв вбирают в себя черты греческого Аполлона. Ваятели придают им индийский тип лица с лотосовидным очертанием глаз, но

²¹³ Пуганченкова Г.А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства. // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с.246

²¹⁴ Пуганченкова Г.А. Предметы иноземного импорта на среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути // На среднеазиатских трассах Великого Шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990. С.23-38

от греческого образа восприняты нос, продолжающий прямую линию лба, и волнистые волосы, которые венчает шиньон – ушниша. В их мантиях восприняты форма и игра драпировок греческого гиматия или римской тоги, при сохранении, однако, у бодхисатв богатых индийских перевязей, ожерелий и браслетов. В раннем Кирпанде характерен горельефный бюст Геракла на стенах халчаянского дворца – у него выразительное лицо со всколоченными волосами и бородой. Иным предстает Геракл в солдатском храме II-III вв. Дильберджина (Северный Афганистан), где лепку торса характеризует заглаженность форм. Среди других эллинистических образов в Халчаяне – два бюста Афины, распознать которую позволяет шлем, а у одной также рука, сжимающая копье. Геракл и Афина выступают здесь как божества – покровители кушан. В Гандхаре предстает в совершенно классической трактовке Афина из Лахора: на голове шлем; лицо с классическими правильными чертами; одеждой служит длинный хитон и поверх него туника. Характерна для искусства Кирпанда мотив «аморини» (нагие мальчики, несущие цветочные гирлянды), привнесенный из греко-римского искусства. Из круга греческих богов, вошедших в бактрийское ваяние, можно назвать богиню победы Нику и богиню покровительницу городов Тихе. Восприятие эллинистических мотивов запечатлено в орнаментальном репертуаре Бактрии. В числе мотивов явно греко-римского происхождения – акант, пальметта, побег виноградной лозы, плетеные гирлянды.²¹⁵

В искусстве кушанского периода четко прослеживаются два основных художественных течения, которые можно обозначить как династийное и буддийское, поскольку искусство в древности и средневековье всегда было связано с

²¹⁵ Пугаченкова Г.А. Роль эллинизма как одного из связующих звеньев художественной культуры Средней Азии и Индии (первые века до н.э.) //Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.131-134

религиозной идеологией. Династийный культ кирпандцев в кушанский период возникла на базе верований их скотоводческих предков и древних локальных земледельческих обычаев обожествления царей. Буддийское течение в искусстве появилось в результате широкого распространения в Кирпанде буддийской идеологии, распространенных буддийскими монахами и миссионерами из древнеиндийских областей, в первую очередь из Гандхары, а позднее и из Центральной Индии.²¹⁶ Распространение буддизма на территории Кирпанда в кушанский период сопровождалось появлением здесь ряда элементов древнеиндийской культуры. Из Индостана пришли обычаи создавать скульптуры и стенные росписи с изображениями Будды в облике человека. Из Индии заимствованы и отдельные растительные и архитектурные орнаментальные элементы, в том числе такие мотивы, как цветок лотоса.²¹⁷ В декоративном оформлении буддийских построек Кирпанда заметное место занимала скульптура, соподчиненная выработанным в Индии буддийским образам и сюжетам. В отличие от Гандхары, где преобладала каменная скульптура, т.е. ваение, в центральном Кирпанде применялась лепка из глины с поверхностным гипсованием, хотя встречены и каменные скульптуры. Настенная живопись в буддийских постройках Кирпанда содержит традиционные образы Будды и боддисатв, сцены их почитания.

²¹⁶ Ставиский Б.Я., Яценко С.А Искусство и культура древних иранцев. Великая степь. Иранское плато. Средняя и Центральная Азия. М.,2002, с.244

²¹⁷ Ставиский Б. Я. Исследование Кара-тепе в Старом Термезе и значение его для изучения культурных взаимосвязей между народами древнего мира.// Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа.-М., 1990, с.8

Канонические образы Будды и боддисатв получают распространение в коропластике.²¹⁸

Изображения Будды с нимбом и ореолом вокруг тела, а также в обрамлении языков пламени, не характерные для Индостана кушанской эпохи, были широко представлены в буддийских памятниках Синьцзяна и Дальнего Востока, что отражает, видимо, изменения, внесенные в буддийское искусство именно в Кирпанде. Распространение буддизма из Кирпанда в восточноазиатский регион многим обязано среднеазиатским буддийским монахам. Открытые на Кара-тепе стенные росписи с изображением донаторов, выполненные в рамках династийного художественного течения в кушанском искусстве, находят много аналогий в художественных памятниках Индостана, что свидетельствует о среднеазиатском воздействии в кушанское время не только на политические институты, но и на искусство Индии.²¹⁹

Широкое распространение в кушанском Кирпанде получило светское династийное искусство. Обожествление царей, практика возведения и поклонения их изображениям в храмах, благоговение людей передними привели к формированию и росту имперского культа. Поклонение императору, а также поклонение империи вошло в обычай.²²⁰

Наиболее ранним монументальным памятником династийного культа кушанского Кирпанда является, как мы писали выше, дворец в Халчаяне (юг Узбекистана) с уникальными скульптурными композициями и остатками монументальной живописи. В интерпретации известного

²¹⁸ Пугаченкова Г. А. Буддийское искусство кушанской Бактрии. //Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999. с.41

²¹⁹ Ставиский Б.Я. Исследование Кара-тепе., с.9

²²⁰ Мукерджи Б.Н. Имперские культы в Кушанской империи.// Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000, с.177

исследователя Г.А. Пугаченковой основной скульптурный цикл был посвящен прославлению «гераева» рода в сценах с участием музыкантов, комедиантов, проходящих под покровительством богов.²²¹ Связь парадной постройки в Халчаяне с культом Герая или его династии признают все исследователи. Самым известным памятником династийного культа кушан и династийного течения в искусстве Кирпанда является знаменитый культовый центр на холме Сурх-Котал в Баглане, на севере Афганистана. Храм Канишки Победителя построен на вершине холма Сурх-Котал, окруженного поясом крепостных стен. Храм стоял в центре двора, окруженного с трех сторон стеной с прямоугольными башнями, вдоль которых также тянулись айваны. В стенных нишах стояли в древности раскрашенные глиняные скульптурные изображения обожествленных кушанских государей и божеств кушанского пантеона, а в целлах главного и других храмов горел священный огонь. Трактовка храма Канишки Победителя как сооружения, связанного с династийным культом кушан опирается на аналогичное назначение раскопанного в начале XX в. и признанного династийным «дома богов» в селе Мат в Матхуре, в долине Ганга. Здесь изображения кушанских царей и большинства других персонажей выполнены в стиле, чуждом искусству Индии, но находящем аналогии в художественной культуре центрального Кирпанда.

Скульптуры из Халчаяна, Сурх-Котала, из села Мат выполнены в стиле «династийного течения» искусства кушан, для которой характерно стремление передать мощь и несокрушимость обожествленных правителей, изображавшихся в строго фронтальной застывшей позе, с симметрично расставленными ногами и облаченными в богатые одеяния степных вождей. Чуждый искусству Греко-Бактрии и древней Индии своеобразный монументальный

²²¹ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии.- Ташкент, 2008,с. 86-87

стиль – «династийное художественное течение» в передаче кушанских государей, знати и ряда божеств, родственной парфянскому, хотя и отличавшийся от него, сложился в Бактрии в конце II в. до н.э. – начале I в. н.э., скорее всего, под воздействием искусства юэчжей. Изображения, выполненные в русле «династийного художественного течения», нередко довольно механически соединяются с персонажами «буддийского течения», продолжающего гандхарские и античные (греко-римские) традиции (монеты общеимперского чекана, рельефы Гандхары и Матхуры, капители Сурх-Котала, росписи Каратепе и Фаязтепе). Ближе к концу кушанского периода на ряде рельефов Бактрии (Каратепе и Шамкала) отмечается более органичное сочетание разных по происхождению, в том числе и степных мотивов. Все три храма кушанского династийного культа не следуют единой архитектурно-планировочной традиции. Видимо, при возведении каждого из них использовались местные особенности, жесткого же канона храмового зодчества в династийном культе кушан в тот период не существовало. Время наивысшего подъема империи Кирпанд в правление Канишки и Хувишки ознаменовалось новой, заключительной фазой эволюции кушанского искусства. Буддийская скульптура на территории Бактрии возрастает числом, но преимущественно повторяет образцы гандхарского ваяния (рельефы из Сурх-Котала, Кундуза, Баглана). Фрагменты царских статуй из Сурх-Котала и Матхуры свидетельствуют о том, что те же особенности стиля присущи и небуддийским пластическим образам кушанского ваяния. В конечном счете отличия в облике царей и принцев в матхурской скульптуре определяются лишь деталями костюмов и головных уборов, лица же их почти стандартны, неподвижны, лишены какой либо возрастной или эмоциональной характеристики. Стиль кушанского ваяния в эту пору сближается со скульптурами Хатры и Пальмиры,

возвещая какие-то общие тенденции в позднеантичном искусстве Среднего и Ближнего Востока.²²²

Культурные и этнические взаимодействия отражаются в Кирпанде в медальерном искусстве. В нумизматике кушанских и эфталитских правителей отразилось художественное творчество неизвестных медальеров. Пантеон, изображенный на монетах насчитывает около тридцати божеств. Среди этих божеств находятся божество амударьинских вод-Вахш; бог восходящего солнца Митра, богиня победы –Хванида, бог огня – Фарр; «великая госпожа» Нана; солнечный бог Гелиос, лунное божество Селена греко-египетский Сарапис; индийский Будда. В изображениях на монетах, как и в надписях, отразился процесс творческого освоения и использования для своих целей различных, в том числе не в последнюю очередь – античных художественных традиций.²²³

Распространение буддизма по трассам Шелкового пути не означало уничтожения или поглощения местных верований, местных традиций. Это был сложный процесс взаимовлияния и творческого восприятия нового, трансформации привнесенных традиций под влиянием местных.²²⁴

²²² Ставиский Б.Я. Степные элементы в искусстве кушанской державы.// Тез. докл. советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов: «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». Алма-Ата, 19-24 октября 1987 г. Алма-Ата, с.124-125; Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев, с.248-256; Пугаченкова Г.А. Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии.//Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 2. М.,с.317-318

²²³ Ставиский Б.Я. Введение в историю культуры и искусства народов Средней Азии, с.47-48

²²⁴ Гафуров Б.Г. Кушанская эпоха и мировая цивилизация // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Том 1. М., 1974, с.61-80; Майтдинова Г.М. Роль Кирпанда в развитии цивилизаций... С. 89-91

Культурная толерантность в широком смысле этого слова явилась важным условием расцвета искусства населения Центральной Азии, позволяла сохранять своеобразие местных традиций и достижений локальной культур наряду с созданием общих для всего огромного региона культурных ценностей.

Глава 6. Дипломатические традиции в центральноазиатском ареале Великого Шелкового пути

В древних государственных образованиях Центральной Азии внешняя политика была направлена на защиту целостности страны, а также на расширение владений, рынков, захват материальных и людских ресурсов в окружающих территориях. Международные вопросы разрешались обычно вооруженной силой, но в то же время постепенно набирала силу дипломатическая деятельность. Дипломатические сношения велись самими царями. Правители центральноазиатских владений почитались как боги, воплощали в своем лице все государство, имели в своем распоряжении армии «царских слуг» - чиновников и писцов. В соответствии с основными задачами завоевательной внешней политики военно-теократических владений Центральной Азии их централизованная дипломатия разрешала сравнительно ограниченный круг вопросов. Наиболее сильной ее стороной являлась организация всепроникающей военно-политической разведки.²²⁵ Дипломатическая деятельность правителей Центральной Азии выражалась в переговорах, обмене посольствами, созыве религиозного собора, заключении союзов, династических браков.

Дипломатические традиции Центральной Азии складывались еще в рамках межплеменных отношений, когда вырабатывались общие принципы заключения договоров. В «Авесте» гарантом несокрушимости межплеменных договоров выступает бог Митра. На договор в древнем мире смотрели, как на нечто магическое. Нарушение договора, по убеждению людей древности, влекло за собой божественную кару.

²²⁵ История дипломатии. Том 1. М., 1941, с.15

Первый известный в истории среднеазиатской дипломатии международный документ был заключен между парфянами и мидийцами в УП- начале У1 в. до н.э.²²⁶ «Отец истории» Геродот передает сведения о приеме послов Куруша II массагетской царицей Томирис и последующих событиях.²²⁷ Дипломатические отношения в Центральной Азии в период эллинизма можно разделить на два периода: первый – отношения Александра Македонского с народами Центральной Азии, второй – отношения эллинистических государств – Селевкидского и Греко-Бактрийского. Первый период (330-327 гг. до н.э.) характеризуется возросшей дипломатической активностью государств и племенных объединений Центральной Азии, выразившейся в заключении многочисленных мирных договоров и военных союзов с Александром Македонским. Не исключено, что уже в это время, а возможно и несколько ранее формируется определенная группа людей, занимающихся внешними связями. Вторым периодом (конец IУ – начало второй половины II века до н.э.) характеризуется тем, что наряду с сохранением эллинистического государства – Греко-Бактрийского царства происходит не только активный процесс формирования местных государственных образований, но и становление межгосударственных связей и определенных форм дипломатических отношений. Известно, к примеру, о парфяно-греко-бактрийских военных договорах и союзах, заключенных в частности Диодотом II, по-видимому, после 237 г. до н.э. с Тиридатом (Юстин, X,1,4,9) в борьбе с их общим врагом –Селевком II, попытавшимся вновь завоевать Центральную Азию. Известны переговоры и заключение мирного договора в 206 г. до н.э. между

²²⁶ Диодор, II,34,1-4

²²⁷ Негматов Н.Н. Концепция истории дипломатии таджикского народа. Худжанд, 2004, с.6-12

селевкидским царем Антиохом III и греко-бактрийским царем Евтидемом.²²⁸

Если на начальном этапе развития дипломатии вектор внешнеполитических связей государств Центральной Азии был направлен на укрепление региональных отношений, а также в государства Южной и Западной Азии и далее, то начиная со II века до н.э. усиливается восточный вектор внешней политики центральноазиатских царств.

Судя по известным в настоящее время письменным источникам, фиксированные первые дипломатические отношения на евразийском пространстве древние среднеазиатские страны стали устанавливать со II века до нашей эры. Период с конца III века до нашей эры до начала I в. н.э. был эпохой великих исторических событий в Центральной Азии. Это было время создания и расцвета могущественной державы кочевников –Сюнну, простершейся от востока Монголии до Средней Азии, а затем упадка и крушения ее в борьбе с китайской империей Ранняя Хань (206 г. до н.э. - 25 н.э.). Это было время падения Греко-Бактрийского царства, переселения сюда из нынешнего Синьцзяна разгромленных сюннами юэчжей, создавших царство Большое Юэчжи, переселения из Синьцзяна в долину реки Или усуней, создавших царство Усунь.²²⁹

Впервые в 129-128 гг. до нашей эры в Бактрии в качестве посла побывал Чжан Цян - посланник китайского императора У-ди. Чжан Цян, выполняя задачи ханьской военно-политической разведки, доносил ханьскому императору У-ди следующее: «Дася (Бактрия – примечания- Г.М.) находится в 200 с лишним ли (800 км) к юго-западу от Давань (Ферганы- примечания- Г.М.) к югу от Гуйшуй (река Сырдарья – примечания –Г.М.). Обычай в ней оседлые, есть

²²⁸ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. Ташкент, 2008, с.122-134

²²⁹ Боровкова Л.А. Царства «Западного края». М., 2001, с.5

города и дома. Обычай такие же, как в Давань. Не имеет верховного главы, а все города и владения ставят малых глав. Ее войска слабы, боятся войны. Народ любит торговать на рынках. Когда большие юэчжи переселились на запад, напали, но потерпели поражение от нее, и все подчинились и покорились Дася. В Дася много народу, миллион с лишним. Ее столица называется Ланьши.. К юго-востоку от нее – Шэньду (Индия – примечания – Г.М.». ²³⁰ Проведенное комплексное историко-географическое исследование российской ученой Боровкой Л.А., показывает, что бактрийская столица г. Ланьши находилась в районе нынешнего города Душанбе или Шахринау. Бактрия в пору пребывания в ней Чжан Цянь предстает огромной, судя по многочисленности ее населения, земледельческой страной с большим числом городов и развитой рыночной торговлей. В политическом отношении она представляла собой конгломерат множества мелких владений со своими царьками. А город Ланьши считался столицей Дася, видимо, по традиции идущей с тех времен, когда страна была единым централизованным государством, который вошел в историю под названием Греко-Бактрийского царства. Город Ланьши, как считает Боровкова Л. А., был столицей Греко-Бактрийского царства еще при правлении известного по античным источникам правителя Евкратида и назывался Евкратидией. На рубеже II-1 вв. до н.э. юэчжи, пользуясь войной Ферганы с Хань, захватят власть над всей Дася и сделают ее столицу г. Ланьши своей.

После завершения посольской миссии, дав характеристику земель Западного края, Чжан Цянь посоветовал императору У-ди установить отношения с Бактрией, поскольку туда имеются дороги в обход владений враждебных ханьцам суннов. Чжан Цянь о Бактрии

²³⁰ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки).(перевод Л.А. Боровковой) Пекин, 1975, глава 123, с.3254

докладывает: «...в нескольких тысячах ли и там есть изделия из Шу (Сычуань –примечания- Г.М.), то есть она недалеко отстоит от Шу. Если сейчас отправить послов в Дася через Цян, то цяны погубят их, а если немного севернее, то их схватят сюнны. А из Шу удобно идти прямо в Дася, да и нет там разбоя». Ханьский посол далее изложил императору У-ди перспективы взаимодействия со среднеазиатскими странами: «Сын Неба уже знает, что Давань, Дася, Аньси (Парфия – примечания – Г.М.)- великие царства. В них много удивительных вещей. По оседлому образу жизни и занятиям людей они очень сходны с Срединной империей (Чжунго), но войска их слабы. В лежащих же к северу от них Большом Юэчжи и Канцзюй войска сильнее, и их можно с помощью богатых подарков использовать для пользы двора(то есть наладить союзнические отношения – примечания Г.М.). И если действительно добьемся этого и по сути подчиним их, то слава о величии и добродетели Сына Неба распространится меж четырех морей и на пространстве в 10 тыс. ли через переводы с девяти языков дойдет до народов с разными обычаями...». Император У-ди отправил посольства в Дася по четырем дорогам одновременно, но в пути послы были убиты. У-ди пытался еще не раз до 123 года до н.э. отправлять посольства в Бактрию, но все попытки были безуспешными. Таким образом, первая попытка Хань проложить путь в Бактрию из Сычуани через Индию закончилась полным провалом. Но открытый Чжан Цяном мир далеких богатых стран привлекали императора У-ди возможностью получить политические и торговые выгоды в случае установления тесных связей с ними.²³¹

Чжан Цянь предложил императору У-ди план установления связей с Бактрией. План состоял в том, чтобы заключить союз с усунями, против сюнну, для обеспечения безопасности дорог в Бактрию через нынешний Синьцзян, а

²³¹ Боровкова Л.А. Царства «Западного края», с.97-117

затем подчинить бактрийские и другие земли ханьскому влиянию. Ханьский император Чжан Цянь «...отправил послом в Усунь во главе 300 человек. Дал им по две лошади на каждого и 10 тыс. волов и овец, а также несметное количество золота и шелка для даров иноземным правителям. Многие помощники посла получили верительные бирки, чтобы Чжан Цянь по дороге отправил их послами в прилежавшие к ней царства... Цянь не смог заключить договор с усунями. Тогда Цянь разослал помощников посла в качестве послов в Давань, Канцзюй, Большое Юэчжи, Дася, Аньси, Шэньду, Юйтянь и другие сопредельные страны. Усунь предоставила Чжан Цяню проводников и переводчиков для сопровождения его в обратный путь. Вместе с ними отправил своих послов с дарами. Через год прибыли в Поднебесную отправленные Цянем послы из Дася и других царств с их людьми. Поэтому северо-западные царства стали налаживать связь с Хань».²³²

Исследования Л.А. Боровковой показали, что первые ханьские посольство прибыли в Усунь, Дася, Давань и другие царства в конце 117 г. до н.э. В последнем десятилетии II в. богатая и могущественная Хань придавала связям со странами Центральной Азии необычайно большое значение. Как писал Сыма Цянь, император пышно принимал и щедро одаривал многочисленных иноземных послов, чтобы продемонстрировать своё богатство, и отправлял много своих. Для утверждения своего престижа У-ди предпринял войну даже против далекой Давань, затратив на это огромнейшие средства. Действительно, слава о могущественнейшей Хань проникла далеко на запад. Однако ясно и другое: Хань не смогла включить в свои владения мелкие царства по прикуньлуньскому пути, иначе они были бы описаны в «Ди ли чжи». Единственно, что удалось ей

²³² Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с.3168-3169

добиться, — это прибытия ко двору сыновей их правителей, как гарантов заключенных договоров.

В начале 112 года до н.э. ханьские послы вернулись из Бактрии и других царств с их посланниками в столицу Хань. Таким образом, **впервые Бактрия устанавливает дипломатические отношения с Хань в начале 112 года до нашей эры.** С этого времени обмен посольствами стал частым: «По северной дороге из Цзюцюаня до Дася дошло уже много послов».²³³

Первый посол из Парфии прибыл в столицу Хань в конце лета 109 года до н.э. С Усунь были установлены дипломатические отношения ханьского Китая около 107 г. до н.э. и тогда же был заключен династийный брак ханьской принцессы с сыном усуньского правителя.²³⁴ Следует отметить, что путь послов был опасен, труден и длителен. Например, Чжан Цзянь добирался до Бактрии по Прикунлуньской дороге, то есть от столицы Хань до нынешней территории Кашгара, а оттуда через Ферганскую долину, так как северный путь был более опасен. По сведениям Сым Цяня, ханьские послы возвращались из дальних стран через 8-9 лет, а из ближних – через «несколько лет». К примеру, первый поход в Центральную Азию громоздкого посольства Чжан Цяня по опасной дороге занял около двух лет.

По сведению Сым Цяня, идти послами в дальние царства северо-запада изъявляли желание только люди низких званий и состояний, стремившиеся разбогатеть. Причем древнекитайский источник отмечает, что «В маленьких царствах Лоулань и Гуши (современный Синьцзян), когда дорога пустела, грабили ханьских послов. Да и отборные отряды сюннских войск то и дело нападали на

²³³ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3171

²³⁴ Боровкова Л.А. Указ.раб., с.130-132

послов, направлявшихся в западные царства».²³⁵ Ханьский хронист отмечает, что: «иноземные послы из северо-западных царств приходили и уходили друг за другом. Все послы из царств к западу от Давани из-за отдаленности их царств от Хань держались высокомерно и своевольно, не желали кланяться согласно церемониалу цзимо, а ведь были послами. Все царства к западу от Усунь до Аньси из-за близости к Сюнну, а Сюнну некогда поставила в затруднительное положение юэчжей, снабжали сюннских послов продовольствием только по одному письму шаньюя (правителя-примечания- Г.М.), не осмеливаясь задерживать их. Когда же пребывали ханьские послы, то без денег и шелка не могли получить продовольствия, не купив на рынке скот, не могли ехать. Так поступали по причине того, что Хань далеко от них и у нее много богатств. Поэтому ханьские послы только на рынках могли получить желаемое...».²³⁶ Источник свидетельствует о том, что в Хань во II-1 вв. до н.э. уже существовал определенный дипломатический протокол и вербальный язык дипломатии.

Например, другой ханьский источник, свидетельствует о существовании определенного церемониала в дипломатической практике I века до нашей эры: «...правитель Канцзюй (царство располагавшееся, приблизительно, на территории нынешних Ташкентской области Узбекистана, районе Иссык-Куля Кыргызстана, юге Казахстана – примечания –Г.М.) высокомерен и хитер, ни за что не хочет совершать коленопреклонение перед послами императора, а чиновников духу, прибывающих в его царство, сажает ниже послов Усунь и всех других. Правитель и знать сначала сами пьют и едят, а потом уже угощают чиновников

²³⁵ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3171-3172

²³⁶ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с. 3173

духу, не упуская таким образом случая выказать перед соседними царствами свою независимость. Судя по этому, зачем он послал сына в свиту? Это хитрый предлог, под которым он желает прибыльно торговать на наших рынках. Но шаньюй, слыша, что правитель Канцзюй не совершает коленопреклонение, чувствует себя униженным. Следует вернуть его сына, находящегося в свите императора, и ни в коем случае не принимать его новых послов, чтобы показать, что дом Хань не имеет отношений с царствами, не признающими ее церемониал... Но Хань из-за того, что отношения с Канцзюй установлены впервые, и дорожа тем, что слава об этом доходит до дальних народов, не прервала с ним тесных связей».²³⁷ Судя по тому, что с почетом принимали послов соседнего государства, чем ханьских дипломатов, в Канцзюй придавали дружественным связям с Усунь более важное значение. Причем эти дипломатические отношения по-разному оценивались в этих государствах. По данным Го Шуня (приблизительно в промежутках 27- 12 гг до н.э.), связи Хань и Канцзюй реально сводились к обмену посольствами и прибытию сына правителя канцзюй в свиту ханьского императора. При этом цели они преследовали разные. Канцзюй использовал свои многочисленные посольства для прибыльной торговли на рынках Хань. А Хань же, расходуя большие средства на прием и снабжение их, делала это в основном ради своего престижа у дальних народов.²³⁸

Посол того или иного государства по прибытию в столицу Хань сталкивался с пышным приемом. Обычно посол выражал почтительность императору. Очень отдаленные страны, заинтересованные в поддержании торговых отношений с Китаем, иногда просили посольства

²³⁷ Бань ГУ. Хань шу (История Хань) (Перевод Л.А. Боровковой). Пекин, 1964, гл.96/1, с.3692-3693

²³⁸ Боровкова Л.А. Указ. раб., с.307-309

дружественных им соседних владений представлять их интересы вместо того, чтобы посылать собственного посла. По прибытии в столицу посольство помещали на время в одной из гостиниц, расположенных у четырех главных ворот города, в ожидании указаний свыше. С этого момента все действия посла направлялись чиновниками из ведомства Хунлу, отвечающими и за встречу и прием иностранных гостей, представлявшей большую ценность для страны, особенно для военного командования. Специальный представитель Ведомства оружия направлялся для того, чтобы опрашивать послов сразу после их прибытия. Им задавали вопросы о географии и об обычаях их стран, а на основе полученных сведений составлялись карты.

Посол, прибывший в китайскую столицу, должен был иметь официальные свидетельства его полномочий, чтобы получить полноправный статус. Ища расположения или покровительства Китая, чужеземные владельцы направляли грамоту, прося о золотом поясе и облачении императорского поданного для себя, о назначении китайского чиновника советником при нем или о присылке экземпляра одного из китайских классических сочинений, а иногда и о том, и о другом. Но более всего был необходим такому послу красивый футляр, в котором он мог бы возить официальный знак своих полномочий. Такие знаки делались из бронзы и имели форму рыбы (точнее, половины такой рыбы). Каждой стране, поддерживавшей регулярные дипломатические отношения с танским двором, предназначалось двенадцать – по числу месяцев в году – таких рыб, разделенных на две части. На каждом таком знаке ставился порядковый номер месяца и было начертано название страны, которой он был вручен. «Мужские» половинки знаков оставляли в императорском дворце, а «женские» - отсылали в «обязанные данью» владения. Посол, отправленный в Китай, вез в парчовом футляре половину рыбы-верительного знака, на которой стояло число, соответствующее порядковому

обозначению месяца, в котором посол должен был приехать в Чаньян- столицу Китая. Если его половина точно совпадала с той, что хранилась в столице, послу жаловали права и блага, соответствующие его стране. Привилегии не были одинаковыми для всех послов. К примеру, размеры пищевого довольствия были пропорциональны удаленности страны от Китая. Поэтому посланца из Индии, Персии и Аравии полагался шестимесячный рацион; послам из Камбоджи и других недалеких стран выдавалось довольствие на четыре месяца.

Самым ответственным днем за все время пребывания посла в стране был день, когда его принимал император. В таких случаях все было рассчитано на то, чтобы поразить иностранца величием и устрашающей мощью танского властителя. Если посол был достаточно высокого ранга, чтобы присутствовать на большом приеме для князей данников, устраивавшемся в день зимнего солнцестояния, он оказывался перед двенадцатью рядами стражей, выстроенных перед залом для приемов: меченосцы, алебардчики, копейщики и лучники, каждый отряд в сверкающих шапках определенного цвета и с присвоенной ему эмблемой – пучком перьев попугая или павлина – или со знаменем с вышитым изображением дикого осла, леопарда или иных символов доблести. Даже менее важный посол видел перед собой дворцовую стражу, несшую службу на всех приемах. Она подразделялась на пять отрядов, из которых четыре были одеты в алые рубашки и шапки, украшенные хвостовыми перьями манчжурских снежных фазанов, а пятый отряд носил плащи из алой тафты, расшитые изображениями диких лошадей. Вся дворцовая стража имела дубинки и мечи у пояса. Ослепленная этим зрелищем чужеземная миссия приближалась и после подобающего преклонения раскладывала свои подношения вдоль зала для приемов. Глава посольства после этого приближался к трону и, следуя наставлениям, которые

шепотом подавал ему сопровождающий его китайский чиновник, кланялся императору(вот почему вызвал резонанс во время этого пышного церемониала нежелание кангюйского посла преклонится перед императором) и говорил: «Ваш покорный слуга такой-то и такой-то, из такой-то страны, осмеливается преподнести вам эти приношения из его земли». Император продолжал после этого сидеть в державном молчании, а чиновник протокола принимал от его имени эти дары, а также прочие подарки для раздачи придворным. В ответ приславшему дары царю и его послу присваивались звучные (хотя и чисто номинальные) титулы танской администрации в знак признания их поданными Сына Неба, а в качестве «жалованья» им вручались богатые подарки.²³⁹

При дворе Хань уже с древности имелось специальное учреждение со штатом чиновников и переводчиков, ведавшее приёмом иностранных гостей — вождей племён, глав государств и их послов, где фиксировались сообщаемые ими сведения о своих и соседних народах. Китайский двор прежде всего интересовали сведения о политической ситуации в том или ином государстве, возможности обмена с ним дарами, редкими и престижными для того времени изделиями. Высокий, как правило, должностной статус информантов, определял их компетентность именно в таких вопросах и тем самым достоверность их сведений. Кроме того, императоры при благоприятных обстоятельствах посылали и своих послов в интересующие их государства. Именно по сообщениям и своих и иностранных послов, собранным при дворе, составлялись в династийных историях описания иностранных государств. Поскольку же династийные истории донесли до нас только официальные сведения послов, то необходимо учитывать эту их специфику. А она сказывается во многом.

²³⁹ Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981, с.44-47

Во-первых, совершенно очевидно, что частота поступления ко двору сведений об иноземных государствах прямо зависела от интенсивности межгосударственных связей Китая с ними. А эта интенсивность, в свою очередь, определялась внутривосточной обстановкой как в самом Китае, так и в государствах Западного края (через земли которых вели пути на запад) и в дальних странах Запада. В целом в древности межгосударственные связи были развиты слабо, послы ко двору прибывали редко, иногда даже раз в 100 лет. И совершенно естественно, что сведения о западных странах, собранные в «Повествованиях о западном крае», отрывочны, кратки, часто неясны, но время их появления в Китае можно определить по данным о межгосударственных связях того времени (о прибытии и отправлении послов).

Во-вторых, несомненно, что посольские караваны ходили только по самым удобным, хорошо известным караванным путям, где можно было получить (или купить) необходимое продовольствие, гужевой транспорт и обеспечить себе охрану. Так что эти официальные лица знали и описывали только основные караванные пути, а не тропы, которыми пользовалось местное население. К тому же наиболее крупные государства древности, куда направлялись послы, лежали именно по главным караванным путям. Пути эти были (и остаются) теми жизненными артериями, которые обеспечивали функционирование каждого отдельного общества, а также направление, характер и интенсивность его связей с другими обществами.²⁴⁰

Сведения «Хань шу» позволяют заключить, что Большое Юэчжи, поглотившее Бактрию в 1 в. до н.э., превратилось в крупнейшее царство в центре Центральной Азии и стало в значительной мере определять политическую

²⁴⁰ Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н. э. – II в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989, с. 8-10

ситуацию в регионе, поскольку Парфия с начала этого века была занята своими военно-политическими отношениями с Римом. Видимо, перед правителем Кирпанда встали две неотложные задачи: обеспечить мирное вживание юэчжей-кочевников в среду бактрийцев-земледельцев и организовать централизованное управление этой большой страной, долго находившейся в состоянии политической раздробленности. А для такого управления был нужен прочный мир на внешних рубежах. Стремление к миру и определило отношение Кирпанда с соседями.²⁴¹ Кирпандцы тесно налаживали дружественные отношения с соседними государствами.

После обретения мощи кушанской династии Кирпанда резко меняется курс дипломатии Хань в центральноазиатском направлении. Если до возвышения кушан, У-ди разработал геополитический план подчинения их влиянию Хань, то теперь все это становилось невозможным. Ханьский император, узнав от своих послов, отправленных им 99 г. до н.э. в Давань и царства к западу от нее, о поглощении раздробленных бактрийских владений Большим Юэчжи и превращения его в крупнейшее царство, утратил интерес к контактам, столь дорого обходившимся его казне. Но обмен посольствами продолжался регулярно в последующий период.²⁴²

В 7 г. н.э. власть в Китае захватил Ван-ман. После этого дипломатические отношения стран Центральной Азии и Китая были надолго прерваны. Приход к власти Младшего дома Хань в 25 г. н.э. также мало способствовал развитию отношений со странами Центральной Азии. «Младший дом Хань», в отличие от своих предшественников, первоначально придерживался несколько иной политики в отношениях с Западным краем. Правители из этого дома считали, что бремя финансовых расходов на осуществление связей с ним было

²⁴¹ Боровкова Л.А. Указ. раб., с.179

²⁴² Боровкова Л.А. Указ. раб., с.180

весьма тяжелым для Китая, и по этой причине они становятся нерегулярными. Кирпандцы в 84 г. оказали важную услугу ханьскому полководцу Бань Чао, сделав «внушение» владельцу Кангюя, пославшему помощь кашгарскому правителю, который оказывал вооруженное сопротивление ханьцам. Кангюйцы после «внушения» отозвали войска. Кирпандцы выступили союзниками Хань при овладении Турфана войсками Бань Чао. Возможно, между Хань и кушанскими правителями существовали союзнические отношения и определенные договоренности о разделе сфер влияния и контроле коммуникациями Шелкового пути.

Примерно, в 81-82 гг. отношения между бывшими союзниками – Хань и Кирпандом резко ухудшились. Поводом для открытого разрыва послужил арест посольства, посланного кушанским государем (возможно, Вима 1 Такто – примечания Г.М.) к ханьскому двору для заключения династийного брака: сосватать ханьскую принцессу в жены кушанскому царю. В ответ на арест посольства, кушанские войска выступили против Бань Чао и потерпели поражение.²⁴³ Но военные действия не привели к разрыву дипломатических отношений и, возможно, был заключен мирный договор между Хань и Кирпандом.

Как свидетельствуют китайские источники, дипломатические отношения различных владений Центральной Азии и Китая активизируются при правлении императора Тай-У (424-452 гг.), который отправил в Центральную Азию большое посольство во главе с чиновниками департамента императорских советников Дун Вань и Гао Мин, снабдив их большим количеством даров, в том числе парчи и шелковых тканей. Ханьское посольство заключило договоры с усунями, Ферганой, Чачем о признании этими владениями вассальной зависимости от Китая.

²⁴³ Chavannes E. Trois generaux chinoise de la dinastie han Orientaux || TP.-1907.-Vol.7.-P. 230-232

Значение миссии Дун Ваня, восстановившей прерванные на многие годы дипломатические отношения стран Центральной Азии с Китаем, можно в какой-то мере приравнять к значению миссии Чжан Цзяня, открывшей для Китая Западный Край. В обратный путь с Дун Ванем отправились посольства 16 государств Центральной Азии и, как свидетельствует «Бейшу», с этого времени посольства прибывали одно за другим и не проходило и года, чтобы не появилось несколько государственных посольств.²⁴⁴

Что касается дипломатических отношений Кирпанда, как свидетельствуют китайские источники, Кирпанд во все периоды правления династий Хань, Суй, Вэй, Тан постоянно отправляли посольства в Поднебесную. После дипломатической миссии Дун Ваня возобновляются обмен посольствами Кирпанда и Китая. Впервые в источниках эпохи Вэй в 435 г. отмечается прибытие посольства из Кирпанда. В перечне прибывших в Срединную империю посольств из Центральной Азии в 439 г. зафиксирована и дипломатическая миссия Кирпанда наряду с посольствами Кашгара, Ферганы, Чача, Усунь и Согда. Позже, китайские источники отмечают прибытие кирпандских посольств ко двору Вэй в 462 г., 453 г., 502 г. В эпоху Тан эти связи продолжались.²⁴⁵ Охранные функции дорог по Западному краю осуществлял Кирпанд.

Как свидетельствует «Ши цзи» связи Хань с северо-западными царствами осуществлялись в ранний период по прикуньлуньскому–южному пути: послы ходили по южной дороге через Юйтянь(Хотан), Юйми (Керия), Гуши и Лоулань (Чарклык). Ханьские послы терпели беды у реки Яньшуй

²⁴⁴ Ртвеладзе Э. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. с.132-134

²⁴⁵ Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи) (на уйгурском языке). Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 1985, с. 9-16

(р.Черчень), где земли от Ганьсуского коридора и западнее, к северу от Черчен, контролировались сюннами. Сыма Цянь в «Повествовании о Давани» сообщает, что Хань «...послала Цюцюань-дувэя (военного представителя– примечания – Г.М.) в Дуньхуан создать к западу от него до реки Яньшуй (р.Черчен) цепь сторожевых вышек, а в бывшем царстве Луньтоу –военно-земледельческое поселение в несколько сот человек, назначила чиновников охранять поселение и запасы хлеба для снабжения послов в иноземные царства».²⁴⁶

Источники свидетельствуют, что, действительно, после 109 г. до н.э. до реки Черчень империя Хань создала укрепленные линии по южному пути (северная, притяньшанская, дорога из-за нападения сюнну на ханьских послов была опасна), чтобы защитить от нападений суннов начальный отрезок прикуньлуньского пути, по которому ходили ее послы в западные царства, а для снабжения их продовольствием – создать под защитой укрепленной линии военно-земледельческое поселение. Видимо, от Черчени охранные функции Западных земель осуществляли уже кирпандцы.

Через Кирпанд проходили караванные пути, связывающие Восток с Западом. Обеспечение этих путей было источником пополнения казны Кирпанда. Существовали, видимо, в крупных центрах казнохранилища. Например, в столице области Каписа (Беграм, недалеко от Кабула) археологами были обнаружены сокровищницы, в которых хранились высокохудожественные изделия из стран Средиземноморья и Индии. Это были сокровищницы таможи, в которых собирался царями Каписы налог с

²⁴⁶ Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки), глава 123, с.3179

караванов и отдельных путешественников, налог с перемещаемых предметов роскоши Востока и Запада.²⁴⁷

Правитель Кирпанда, демонстрируя свое миролюбие по отношению к Хань, повелел пяти княжествам на трассах дипломатического и торгового пути принимать и обеспечивать всем необходимым прибывавших в его ставку или направлявшихся в другие государства ханьских послов, но не допускать их в столицу Ланьши. Известны сведения, что правитель Кирпанда велел собрать серебро и золото и другие товары для покупки соседних земель, обеспечивая безопасность путешественников.²⁴⁸ Он велел построить в наиболее опасных местах сторожевые крепости – «саховатхона», где послы, торговцы, миссионеры получали продукты, лекарства, обеспечивались ночлегом.

Кирпандцы поддерживают дипломатические связи с Римом. Известно и о связях кушанского Кирпанда с Западом. В 99 г. в Рим прибыло посольство кушан. Римские писатели (III- IV вв.) сообщают о кушанских посольствах (называя их бактрийскими), которые появлялись в Риме в первой половине II в. Изображение кушанских посольств можно видеть и на рельефах, украшающих знаменитую колонну Траяна в Риме (II в.). По сведениям римских источников, кушанские послы участвовали в 274 году в триумфе римского императора Аврелиана, праздновавшего победу над царицей Пальмиры – Зенобией.²⁴⁹

В рамках централизованного Кирпанда активно развивалась «внутренняя» дипломатия между владениями.

²⁴⁷ Hackin J. Nouvelle recherches Archeologiques a Begram (1939-1940)/-Paris,1954/ (MDAFA.-T.11); Wheeler M. Rome beyond the Imperial Frontiers.-Harmoudsworth, 1955, p.194

²⁴⁸ Краткая история таджиков (Тажикларнин кискичи тарихи) с. 9-16

²⁴⁹ Herzfeld E. Paikuli. Monument and Inscription of the Earli History of the sasanian empire.-Berlin, 1924.-Vol.1.-P.42

Значительным событием в истории дипломатии Центральной Азии стал созыв буддийского собора. При императоре – реформаторе Канишке, как выше мы писали, был созван знаменитый четвертый собор буддистов в Кашмире, на котором и были очерчены основы буддизма Махаяны («Широкая колесница», «Широкий путь к спасению»). Смысл этого направления буддизма и его отличие от первоначального буддизма Хинаяны в том, что махаянистское направление оказывало большее влияние буддистам-мирянам- им за поддержку монахов и храмов, за верность буддизму были обещаны если и не нирвана (ее по-прежнему могли достичь лишь ушедшие от мира монахи), то во всяком случае улучшение кармы и даже буддийский рай, по пути к которому их вели святые подвижники-бодхисатвы. Реформа буддизма, связанная с именем знаменитого буддийского монаха Нагарджуны и осуществленная при покровительстве Канишки, укрепила позиции этой религии.²⁵⁰ Но с другой стороны, решения «северного собора», давший новую компромиссную редакцию канона и комментариев с тем, чтобы удовлетворить все два десятка школ, существовавших к тому времени, не приняли южные буддисты. Именно после этого собора через восточный районы Кирпанда буддизм Махаяны начал свое продвижение в Восточную Азию, прежде всего в Китай. Император Канишка, как выше сказано, сам был ревностным буддистом и духовным лидером этой религии. Созванный им четвертый буддийский собор имел характер религиозно-политического института международного характера. Благодаря дипломатической деятельности Канишки стал возможен созыв религиозного собора, который способствовал не только упрочению и распространению буддизма, но и в дальнейшем повлиял на формирование основ буддийско-конфуцианской цивилизации. Кроме того, именно в это время создается,

²⁵⁰ Васильев Л.С. История Востока. Том 1. М., 1998, с.167-168

благодаря дипломатической поддержке, **Большой Совет Кирпанда – первый демократический совещательный всеимперский орган**, в котором принимали участие кроме императора и правители сатрапий, сановники, духовные лидеры.

Очень важный для истории дипломатии Кирпанда документ зафиксирован в изобразительном искусстве – в живописи Афрасиаба – на городище старого Самарканда. Живопись датируется приблизительно около 631 г.²⁵¹ Помимо несомненных художественных достоинств и документальной точности в передаче деталей одежды и других предметов быта, самаркандская монументальная живопись ценна еще и тем, что некоторые из ее сцен сопровождалась бактрийскими и согдийскими надписями, позволившими дать этим сценам достаточно точную интерпретацию. На одной из них изображалось прибытие в Самарканд, ко двору согдийского царя Вархумана, посольства из Чаганиана (историко-культурной области в долине реки Сурхандарья и в Гиссарской долине – примечание Г.М.), на другой- церемония приема Вархуманом чаганианского и чачского посольств и, вероятно, из прилегающих восточных и южных стран посланников.²⁵²

В афрасиабских росписях даны и символы посольских полномочий. В живописи изображены бунчуки – символы власти посла или посланника, наделенного, очевидно, особыми полномочиями. Бунчук представлял собой красное

²⁵¹ Майтдинова Г.М. О трансформации головного убора у древних кочевников (к истории одежды раннего средневековья)// Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990, с.132

²⁵² Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975; Майтдинова Г. К интерпретации живописи Афрасиаба УП в. н.э. (сцена в лодке). Известия АН Тадж.ССР. 1984, №2, с.20

древко с металлическим навершием, с торчащей вертикально большой кистью. Бунчук неоднократно упоминается в источниках и как верительный знак, и как знамя посланника.²⁵³

Для истории дипломатии Центральной Азии особенно важны надписи на халате одного из персонажей живописи. Это пока первый письменный документ, дающий характеристику уровню развития центральноазиатской дипломатии. Данная надпись содержит две сильно поврежденные строки горизонтального курсивного бактрийского письма и шестнадцать вертикальных строк согдийского курсива, сохранившихся значительно лучше. Важно, что начальные сведения о посольстве излагаются в надписях афрасиабской росписи на языке чаганианских дипломатов Кирпанда, а последующая их речь – на согдийском, на официальном языке Согда, Самарканда и царя Вархумана. Посол Чаганиана владел языком страны (согдийским языком), куда был направлен с дипломатической миссией. Причем в рамках Кирпанда, каждое владение входящее в кирпандскую конфедерацию, имели право на самостоятельные внешнеполитические связи.

Известный российский исследователь В.А. Лившиц считает, что чаганианский посол, речь которого изложена в тексте большой согдийской надписи, обращается к самаркандскому царю от имени Туранташа – государя Чаганиана. В.А. Лившиц также полагает, что в надписях, как и в росписях, отражены подлинные события истории Самарканда и взаимоотношений царя Самарканда и взаимоотношений царя Самаркандского Согда с правителями других царств Центральной Азии. Прибывший в Самарканд посол являлся начальником канцелярии – дапирпатом правителя Чаганиана, известного позднее под титулом Чаганхудата. Надпись в живописи гласит «Когда царь Вархуман из

²⁵³ Альбаум Л.И. Указ. раб., с.52

рода Унаш к нему (послу) приблизился, (посол) открыл рот: «я – чаганианский дапирпат (по имени) Пукар-зате. От чаганианского государя Туранташа сюда в Самарканд к царю для выражения почтения я прибыл и пребываю я сейчас в почтении перед царем. И ты (царь), вовсе не имей подозрений относительно меня – о самаркандских богах, а также о самаркандской письменности я хорошо осведомлен, и я не причиню никакого зла (самаркандскому) царю. И прибывай, о царь, в полном благополучии. И царь Вархуман (из рода) Унаш отпустил его. И тогда открыл рот чачский дапирпат». Комментируя большую афрасиабскую надпись, В.А.Лифшиц и Л.И. Альбаум считают, что не случайны заверения чаганианского дипломата о том, что он осведомлен о богах и письменности. Дипломат убеждает, что не будет вмешиваться во внутренние дела Согда, уверяет, что не будет пытаться внедрять в Самарканде чаганианскую веру и связанную с ней письменность. Согдийцы, пережившие к середине V в. много религиозных потрясений и вернувшиеся в лоно маздеизма, прежде всего, имели основание опасаться нового усиления буддизма, который господствовал в Чаганиане. Причем свои заверения дипломат подкреплял ценным даром – он вместе с посланием привез чаганианскую принцессу (с многочисленными служанками) в жены самаркандскому царю. Чаган-худат Туранташ через своего посла Пукар-зате, таким образом, предложил самаркандскому царю Вархуману укрепить самаркандско-чаганианские связи династийным браком.

Афрасиабский документ по истории дипломатии Центральной Азии важен тем, что впервые устанавливается имя дипломата – Пукар-зате. Кроме того, точно устанавливается дата прибытия кирпандского посольства в Согд в 630 году (хотя, возможно, в живописи отображены отголоски событий не столь отдаленного прошлого).

Важно в афрасиабской живописи то, что посольство прибыло из Чаганиана – одного из владений Кирпанда,

который вел оживленные дипломатические сношения от Китая до Византии. В афрасиабском источнике языком дипломатии выступают бактрийский и согдийский языки. Данный памятник свидетельствует о том, что в УП веке для дипломата было обязательно знание обычаев, богов, письменности страны пребывания. Дипломат во время представления правителю страны пребывания обязан был заверить не вмешиваться во внутренние дела, не нарушать обычаев, уверить в знании местных богов и письменности.²⁵⁴ Выше приведенный анализ развития дипломатии Центральной Азии в древности и раннем средневековьи свидетельствует о том, что уже в этом периоде, были определены требования к профессиональному качеству посла, задачи посла в чужой стране. Эти требования, видимо, позже, в 11 веке запечатлены в знаменитом труде «Сиесатнаме» Низам-аль-мулька.²⁵⁵ Низам-аль-мульк утверждает: «Для посольства годится тот человек, который был бы смел в беседе, но немногоречив, который совершал бы много путешествий, зная что-либо во всякой науке, был бы человеком памятливым, предусмотрительным и обладал бы достоинством. Если к тому он – учен и почтенного возраста, тем лучше... Если послать человека смелого, мужественного--- это очень целесообразно, так как будет показано, что все наши люди таковы, как этот».²⁵⁶ Учитывая опасный путь в страну назначения, послу действительно нужны были мужество, знания, аналитическое мышление и достоинство.

²⁵⁴ Майтдинова Г.М. Первый таджикский дипломат...из Гиссарской долины. //Мероси ниегон. 2001, № 5, с.58-59

²⁵⁵ Низам-аль-мулька. Книга об управлении государством. Душанбе, 1998

²⁵⁶ Ятимов С.С.Низам-аль-мулька: взгляды о личности, задачах и функциях посла. //Таджикистан и современный мир. Душанбе, 2008, № 1(16), с. 84

Таким образом, в Кирпанде активно развивалась внутренняя и внешняя дипломатия. Были налажены дипломатические связи со многими государствами на всем евразийском пространстве. Наладился обмен дипломатами. Выработался определенный дипломатический церемониал, этикет и сложились дипломатические традиции.

Глава 7. Традиции великого шелкового пути в XXI веке: новые концепции и межкультурный диалог в условиях глобализации

Интерес к Великому Шелковому пути особенно возрос в конце XX века. По решению ЮНЕСКО, принятому на XXI У сессии Генеральной конференции этой организации в 1987 году, был выдвинут международный проект по комплексному изучению Великого Шелкового пути. В 1988 году ЮНЕСКО начинает проект Всестороннего исследования Шелкового пути: Пути диалога как часть Всемирной декады культурного развития. Его цель состояла в том, чтобы осветить сложные культурные взаимодействия, которые явились результатом диалога цивилизаций Востока и Запада на евразийском пространстве. По результатам международных научных экспедиций, семинаров и встреч и применяя мультидисциплинарный подход, был разработан проект по изучению Шелкового пути. Как мы выше отмечали, в рамках десятилетнего проекта ЮНЕСКО " Великий Шелковый путь- путь диалога народов" в 1990-1995 гг. проводились пять международных экспедиции по его морским и сухопутным трассам, которые способствовали возрождению основных путей, их комплексному исследованию, а также освещению результатов экспедиции в СМИ. Цель проекта по исследованию Шелкового пути состояла в том, чтобы осветить сложный процесс межкультурного взаимодействия вдоль магистралей, а также исследовать объекты культурного наследия. Результаты проекта привели к рассмотрению возможности внесения всего или части Шелкового пути в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Несмотря на многочисленные культурные объекты в Центральной Азии, многие уникальные памятники до настоящего времени не были внесены в Список всемирного культурного наследия, хотя в этом списке значился на июль 2006 года 830 объектов. В октябре 2006 года в Самарканде

региональным семинаром ЮНЕСКО по серийной номинации Центральноазиатского Шелкового пути, при участии государств-сторон, была утверждена следующая стратегия:

-Разработать всеобъемлющий концептуальный документ для всего Великого шелкового пути, а также любых отдельных секций, обосновывающий выдающуюся мировую ценность в целом, который может быть представлен Комитету всемирного наследия.

- пересмотреть и согласовать Предварительные списки для всех центральноазиатских стран на встрече в одной из этих стран.

- согласовать подходы и срок первой номинации объектов в Центральной Азии и Китае.

-подготовить пакет руководящих документов для разработки стандартного формата для номинаций Шелкового пути.

- разработать скоординированные подходы к менеджменту и стратегии туризма.

- подготовить общий план необходимых ресурсов.

- подготовить заявку для спонсирования.

- определить координацию между странами Центральной Азии и Китая.

Эта концепция была утверждена в 2007 году на субрегиональном семинаре ЮНЕСКО по Серийной номинации Шелкового пути постсоветскими государствами. Считается, что серийная транснациональная номинация Шелкового пути является одной из самых перспективных концепций для объективной оценки значимости культурного наследия народов Центральной Азии. Благодаря реализации этой концепции в Список всемирного наследия ЮНЕСКО внесены горы Памир и археологический памятник Саразм в Таджикистане.

С возникновением в начале 90-х годов новых независимых государств Центральной Азии одним из долгосрочных их приоритетов государственной политики стало развитие

транспортной инфраструктуры - Возрождение Великого Шелкового пути. Расположение новых государств в центре евразийского континента делает регион важным в военно-стратегическом и транспортно-коммуникационном отношении. После распада советского государства в регионе стала формироваться новая модель международных отношений. В рамках этой модели важную роль отводилась коммуникационному сотрудничеству и вопросам интеграции. С момента обретения суверенитета новые государства осознавали, что интеграционной основой для них может служить историческая общность различных народов, проживающих в регионе в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи. Учитывается в стратегиях развития новых государств, что реально в Центральной Азии существует ресурсная взаимозависимость экономик. Она определяется тем, что Туркменистан, Узбекистан и Казахстан нуждаются в водно-энергетических ресурсах Кыргызстана и Таджикистана, а те, в свою очередь, - в газе и нефтепродуктах, производимых в Туркменистане, Узбекистане, и Казахстане. Богатые природные ресурсы новых государств оказались в замкнутом транспортном пространстве, с ограниченными выходами на мировые рынки и сравнительно слабо развитой сетью коммуникаций. С первых лет становления новых государств пришло осознание необходимости создания коммуникационной стратегии, учитывая, что существует большая коммуникационная взаимозависимость стран для обеспечения их выхода на международные рынки, а также необходимость региональной интеграции, учитывая, что в условиях глобализации на равных могут сотрудничать только большие сообщества.

В 1993г. на конференции в Брюсселе, в которой принимали участие восемь стран (пять новых независимых государств Центральной Азии и три Кавказские страны) была принята Брюссельская декларация. Целью этой программы является

оказание технической помощи для развития транспортного коридора Запад - Восток из Европы, вдоль Черного моря, через Кавказ и Каспийское море в Центральную Азию. 8 сентября 1998г. в Баку, Азербайджан, Армения, Румыния, Молдова, Болгария, Грузия, Турция, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Украина подписали основное многостороннее соглашение о международном транспорте по развитию коридора Европа - Кавказ - Азия в рамках проекта ТРАСЕКА. 12-13 сентября 2000 года в г. Санкт - Петербурге в ходе 2-ой международной евроазиатской конференции по транспорту Иран, Индия и Россия подписали Соглашение о международном транспорте коридора " Север - Юг", по которому должны связываться транспортные маршруты в Индию, Оман, Иран, Каспийский регион, Россию.

В начале XXI века активизировалась коммуникационная стратегия новых государств Центральной Азии. Появились геополитические концепции интеграции активных внешних акторов: американская геоконцепция Большой Центральной Азии, российская концепция Нового Среднего Востока, создание Евразийского Союза и озвученная в сентябре 2013 года Новая стратегия Китая в Центральной Азии в рамках китайской геоконцепции Экономический пояс Нового Шелкового пути, где Поднебесная в своей концепции ЭПНШП подчеркивает экономическую интеграцию новых государств с Западным Китаем и отводит важную роль в механизме реализации ШОС. Все три актора предлагают свое видение развития государств региона, но основная цель – реализация своих национальных интересов.

Форматы моделей интеграции и коммуникационных стратегий внешних акторов выходят далеко за пределы традиционного постсоветского пространства, способствуя восстановлению геополитической целостности Центральной Азии, разорванной в конце XIX века.

С подачи американского политолога Фредерика Старра возникла категория Большая Центральная Азия –

пространство новых независимых государств, Афганистан, Пакистан, где должна быть создана организация Партнерства по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА). По мнению США Партнерство должно по идее привлечь в дальнейшем Индию, Турцию, то есть сама эта интеграция выходит далеко за географические рамки Центральной Азии. Проект Нового Шелкового пути, разработанный американскими аналитическими центрами, такими как Институтом Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса и Центром Стратегических и Международных исследований²⁵⁷ подразумевает особую стратегию США для стран Центральной Азии, включая противодействие другим важным акторам Евразии, прежде всего России, Китаю и Ирану. Научные работы Фредерика Старра, являющимся автором концепции Нового Шелкового пути и Большой Центральной Азии, обосновывают интересы геополитической и экономической стабильности под управлением и ведущей роли США в этом проекте. Как и характерно для работ американских геополитиков, под Большой Центральной Азией подразумевается трансформация региона и пересмотр существующих границ, а к региону присоединяется еще и Кавказ. Но геоконцепция Большая Центральная Азия нужна США для того, чтобы управлять всеми экономическими и политическими процессами в регионе без помех со стороны России и Китая. Новая геополитическая структура ЦА может служить

²⁵⁷ См. Впервые очередь работы Фредерика Старра: A Strategic Assessment of Central Asia and the Caucasus, 1999-2000 и The New Silk Roads. Также полный список его работ можно найти на: http://www.silkroadstudies.org/new/inside/staff/staff_web/frederick_star_r.htm

закреплению доминирующей роли США на региональном и мировом уровнях.²⁵⁸

Российская концепция интеграции предлагает новым государствам соразвитие в Большом пространстве и не исключает участия других внешних акторов. В конце 2008 года группой российских экспертов (Ю.Крупнов, А.Дереникьян, И.Батыршин, Б.Крупнов, С.Мелентьев) во главе с председателем наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю.В. Крупновым выдвигается геопропространственная концепция Нового Среднего Востока. Авторы концепции Нового Среднего Востока считают, что ключевым смыслом макрорегиона Новый Средний Восток должно стать создание единого целостного геоэкономического и геокультурного пространства. Предлагается «из плацдарма геополитических столкновений и инструментального использования в интересах отдельных стран, макрорегион следует перевести в состояние ядра центральноевразийского общего рынка и площадки диалога укорененных здесь цивилизаций и народов... Основой единого экономического пространства должны стать общие инфраструктуры электроэнергетики, ирригации и обеспечения водой, управления транспортно-логистическими потоками, обеспечения перспективной занятости». По мнению авторов концепции, интеграция под названием Нового Среднего Востока в состоянии решать в этом новом макрорегионе важные задачи.²⁵⁹

²⁵⁸ Савин Л. Новый шелковый путь и евразийская интеграция//Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Тема выпуска: Центральная Азия. Вып. XX. М., 2013, с.22

²⁵⁹ Майтдинова Г.М. Геополитические концепции «Новый Средний Восток» и «Большая Центральная Азия»: анализ, возможности, механизмы //Материалы междунар. Научн. конф. «Проблема безопасности государств Среднего Востока в условиях мирового кризиса».-Душанбе,2009, с.72-78

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве отвечают национальным интересам государств Центральной Азии, учитывая, что в условиях глобализации могут получить мощный импульс к развитию только большие пространства. Природные ресурсы Центральной Азии имеют существенное значение для развития экономического потенциала как в целом для России, так и для ряда крупных российских корпораций. В свою очередь, Россия представляет собой обширный рынок сбыта для центральноазиатских энергоносителей, людских, сельскохозяйственных, минеральных и других ресурсов. Наконец, Россия играет роль одного из важнейших транспортных каналов, связывающих государства региона с внешним миром.²⁶⁰ В связи с этим роль России в решении проблем стабилизации социально-экономического положения в постсоветской Азии резко возрастает.²⁶¹ Учитывая эти обстоятельства, начиная с 2011 года российские эксперты во главе с руководителем Международного «Движения развития» Ю.В. Крупновым с участием центральноазиатских экспертов разрабатывается Проект развития Центральной Евразии, где предлагалось реализация программа соразвития государств постсоветской Азии и России в рамках реализации геоконцепции Нового Среднего Востока. Авторы проекта НСВ считают, что развивать постсоветскую Азию в отрыве от ее южных соседей - Афганистана, Пакистана, Ирана - невозможно. Поэтому целесообразно создать интеграционный проект развития, в котором, помимо России и государств постсоветской Азии, будут участвовать Монголия, Китай,

²⁶⁰ Матвеев В.А. Роль России в решении проблемы стабилизации социально-экономического положения в центрально-азиатском регионе//Мировые державы в Центральной Азии. М., 2011, с.214-215

²⁶¹ Матвеев В.А. Роль России в решении проблемы стабилизации социально-экономического положения в центральноазиатском регионе//Мировые державы в Центральной Азии, с.214

Индия, Пакистан, Афганистан, Иран и Турция, что позволит создать на Новом Среднем Востоке зону стабильности и развития. Проектируемый макрорегион ими назван Новым Средним Востоком (НСВ). Реализация проекта НСВ позволит организовать коридор развития Сибирь — Иран и интенсивную торговлю в меридиональном направлении, закрепиться российским (и, прежде всего, сибирским) компаниям и технологиям в регионе НСВ, а также может привести к сокращению, а затем и к полной ликвидации наркотрафика из Афганистана, а реализация проектов модернизации новых постсоветских государств будет способствовать стабильности региона. Механизмом реализации принципа совместного развития может стать специально создаваемая Российской Федерацией с участием заинтересованных государств Центральной Евразии Корпорации развития Центральной Азии (КРЦА). Задачей Корпорации развития Центральной Азии должно быть решение самых важных проблем региона путём разработки и реализации проектов совместного развития, служащих механизмом решения следующих проблем: сокращение бедности, создание рабочих мест и подготовка квалифицированных кадров, решение проблем водопользования на основе внедрения новых технологий, решение продовольственных проблем, реализация электроэнергетических проектов и др. При разработке «Проекта развития Центральной Азии» учитывались стратегические направления развития государств с учетом предложений экспертов из государств региона. Акцент при создании проекта ставился на развитии Ферганской долины, поделенной между тремя государствами (Таджикистаном, Узбекистаном, Кыргызстаном), учитывая существующий конфликтный потенциал. Вышеуказанные проекты могут быть реализованы в рамках Евразийского союза. Общая концепция модернизации и соразвития государств постсоветского пространства как единой большой страны

был представлен в проектно-аналитическом докладе «Новая большая страна. Евразийский союз - единая цивилизация, много государств», разработанным Международным общественным Движением развития, российскими и таджикскими экспертами.²⁶² Вместе с тем, в Таджикистане есть свое видение развития евразийства. Воспринимая позитивно идеи евразийства, в Таджикистане существуют определенные позиции на перспективы развития идей евразийства:

1. На постсоветском пространстве цивилизационное развитие следует начинать не с восстановления советского наследия, а закладывать и укреплять основы новой цивилизации. Евразийство ставит задачу объединения народов и государств Евразии, предлагая соразвитие локальных цивилизаций в их многообразии, учитывая при этом, что в начале XXI века, в условиях ускорения глобализации, на евразийском континенте активно идет процесс интеграции ценностей, что в конечном итоге приведет к сложению евразийской цивилизации. В процессе

²⁶² Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. М., 2008; Майтдинова Г.М. Международное сотрудничество в Центральной Евразии по обеспечению региональной безопасности: противодействие новым угрозам, механизмы, векторы взаимодействия //Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических реалиях. Душанбе, 2011, с.236-238; Новая Большая страна. Евразийский Союз-единая цивилизация, много государств (авторы доклада: Ю. Крупнов (руководитель разработки), Ш.Бобоев, А.Иванов, Г.Майтдинова, С.Мелентьев, Д.Пурыжинский, Н.Фридрихсон и др.) - Душанбе-Москва, 2012; Сибирь – новая Центральная Россия или как юг Западной Сибири станет экономическим центром Планеты. Проектно-аналитический доклад.(авторы: Ю. Крупнов (руководитель разработки), Г.Майтдинова, Д.Верхотуров, И.Мельник, А.Петрушин, А.Палагин, Ю. Царик, О.Цымбал Д.Пурыжинский).М., 2013

становления новой евразийской цивилизации, евразийцы стремятся к сохранению цивилизационного многообразия.

2. Евразийство как идеология мира должна исключать идеи антогонизма, конфронтационного восприятия мира в парадигме Восток - Запад. Борьба конфронтационных идей на протяжении истории являлась основным сдерживающим фактором соразвития. В евразийстве доминирующим фактором должны быть цивилизационные ценности, идеи равенства, взаимопонимания, доверия.

3. Объединяющая платформа евразийства должна вобрать в себя ценности существующих на постсоветском пространстве локальных цивилизаций (православно - христианской, исламской (со спецификой оседлоземледельческих и кочевых цивилизаций Центральной Евразии).

4. Политическая составляющая евразийства должна учитывать цивилизационные ценности политической культуры локальных цивилизаций на постсоветском пространстве.

5. Целесообразно из идеологии евразийства исключить категорию Империя, несущей негативную историческую память для большинства евразийского сообщества. На постсоветском пространстве не приемлем имперские цели, или объединения, которые могли бы поглотить новые суверенные государства, но приемлем союз равноправных государств, учитывающих взаимные национальные интересы, союз государств Евразии, не допускающие роста радикализма. Не приемлема евразийская империя, но необходимо единство позитивных сил в евразийском пространстве.²⁶³ Рассматривая Центральную Азию под призмой пространственного анализа, однозначно, можно

²⁶³ Майтдинова Г.М. Фактор новых государств в формировании и развитии геополитической обстановки в Центральной Евразии в условиях «Большой игры» // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Тема выпуска: Центральная Азия. Вып. XX. М., 2013, с.12-13

сказать, что этот участок Евразии является важным пересечением маршрутов и миграций различных народов. Центральная Азия включает в себя Великий Шелковый Путь и сама является таковым. Выражаясь современным языком геоэкономики, это, в первую очередь хаб, где связаны потоки человеческих и природных ресурсов. Страны, входящие в этот узел, так или иначе являются реципиентами этих потоков, наряду с акторами, находящимися в зоне Римланда и Хартланда, которые эти потоки формируют и заинтересованы в их постоянной циркуляции. Вполне логично, что при попытке максимизации прибылей и преференций со стороны наиболее удаленных акторов от хаба Центральной Азии, данные расходы непременно понесут государства региона. Исторически регион являлся важным коридором между Восточным Средиземноморьем, Индией и Китаем, Персией и Кавказом. Индия, Пакистан, Иран как наблюдатели в ШОС, и Китай как член ШОС должны гармонично дополнить усилия России по соразвитию стран Центральной Азии.²⁶⁴ Для соразвития новых государств важны проекты экономического развития государств Центральной Азии. В этих условиях новые центральноазиатские государства, исходя из собственных национальных интересов, как субъекты геополитики, заинтересованы в координации действий внешних игроков для сохранения баланса интересов и учета национальных стратегий государств, для которых жизненно важны модернизация и развитие разноректорных коммуникаций.

В 2012 года в китайском городе Ухань между 10 государствами (Афганистан, Азербайджан, Китай, Казахстан, Киргизия, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), входящими в организацию Центрально - азиатской программы экономического сотрудничества (The

²⁶⁴ Савин Л. Новый шелковый путь и евразийская интеграция//Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Тема выпуска: Центральная Азия. Вып. XX. М., 2013, с.22

Central Asia Regional Economic Cooperation – CARES) было достигнуто соглашение об инвестировании 23 млрд. долларов США в развитие региональной транспортной системы, финансирование которой будет осуществляться через возможности Азиатского банка развития (The Asian Development Bank). Предполагается в рамках этой программы провести работы по 68 региональным транспортным проектам. В том числе создание транспортных коридоров, связывающих порты на востоке КНР с транспортными узлами в Карачи и Гвадаре в Пакистане. Этот новый южный маршрут создаст совершенно новый транспортный коридор между Центральной Азией и мировыми рынками через морские порты на побережье Индийского океана. Протяженность этого маршрута будет вдвое меньше маршрута, который традиционно используется этими странами к побережью Балтийского моря". Ветку протяженностью 75 километров от границы до Мазари-и-Шарифа построил Узбекистан, а 126-километровую дорогу до Андхоя (север Афганистана) - Туркменистан.

В начале второго десятилетия XXI века в Центральной Азии идет активный процесс сближения культур народов в связи с усилением глобализации и коммуникационный фактор играет важную роль в интеграционных процессах. Традиционные магистрали на центральноазиатском участке Великого Шелкового пути модернизируются. В настоящее время действуют два железнодорожных перехода на границе Китая и Казахстана, а также семь автомобильных пограничных переходов, открытых для торговли на границах Китая и Казахстана, Киргизии и Таджикистана соответственно. В настоящее время предпринимаются усилия для реализации геоконцепции Нового Шелкового пути – возрождения аналога древнего Шелкового Пути – от TRASECA до New Silk Road (copyright Hillary Clinton). Основной задачей этого проекта является строительство коммуникаций в евразийском пространстве по югу широтным

транспортным коридором по бывшим среднеазиатским и закавказским республикам СССР, где Афганистану отводится роль финансового и логистического центра новой Центральной Евразии.

В рамках формирования Евразийского Союза предполагается строительство стратегически важных коммуникаций. Как известно, еще в XIX в. продвижение России в Туркестанский край было четко спроецировано через строительство железных дорог – Закаспийской железной дороги и дороги Оренбург – Ташкент. В XX веке строились Турксиб и локальные сети в интересах разработки месторождений и индустриализации. Для эффективной интеграции Кыргызстана и Таджикистана в будущий Евразийский Союз необходима реализация важных инфраструктурных проектов. Нужны железные дороги, связывающие дополнительно Россию и Казахстан, с одной стороны, а также создание новых коммуникаций между Кыргызстаном и Таджикистаном – с другой. Российские эксперты предлагают построить железнодорожную ветку из Казахстана (г. Тараз, бывший Джамбул, от ст. Маймак) по Таласской области Киргизии с выходом на г. Токтогул Джалал-Абадской области. Как считает эксперт К.Рахимов, окупаемость дороги будет складываться из логистики для Камбартинской ГЭС, будущей модернизации Токтогульской ГЭС, разработки полезных ископаемых вдоль предлагаемого маршрута, а также транзитных перевозок в случае продления маршрута до Ферганской долины (второй этап Токтогул – Джалал-Абад – Ош и на Узбекистан) и далее третьим возможным отрезком Ош - Кызыл-Кия – Баткен и далее на Таджикистан. Он подчеркивает, что при реализации этих коммуникационных проектов резко активизируется разработка месторождений полезных ископаемых, появляется возможность строительства энергоемких металлургических производств благодаря связке «железная дорога – дешевая электроэнергия», аграрии Кыргызстана и Таджикистана

получают платежеспособность на рынках Казахстана, Урала и Сибири. При электрофикации железных дорог, то они могут стать крупными потребителями электроэнергии. При реализации проектов Казахстан сможет получить еще одну транзитную коммуникацию в регионе через Таласскую долину. Увеличение экспортно-импортного потока Ферганская долина - Китай через недавно построенную ветку Хоргос – Жетиген (граница Китая – Алматы) позволит быстрее окупить почти миллиардные вложения в эту дорогу. Япония выделяет 700 млн. долл. США под проекты в Центральной Азии, исходя из своих интересов по доступу к месторождениям редкоземельных металлов, включая уран. Также интерес к данной дороге проявляет Южная Корея, а через их посредничество – США. Многие международные финансовые организации – ЕБР, АБР, ИБР, Всемирный банк и т.п. также заинтересованы в финансировании крупных инфраструктурных проектов с хорошим уровнем проработки.

В 2013 году во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, он выдвинул стратегическую концепцию о совместном создании Экономического пояса Нового Шелкового пути. Для реализации данной геоконцепции китайским лидером была предложена программа из пяти пунктов: усиление координации государств региона в политической области; интенсификация строительства единой дорожной сети; развитие торговли путем ликвидации торговых барьеров, снижения издержек торговли и инвестиций, повышения скорости и качества экономических операций в регионе; увеличение валютных потоков за счет перехода на расчеты в национальных валютах; увеличение роли народной дипломатии, углубление прямых связей между народами государств региона. Данная концепция предполагает более тесное экономическое взаимодействие новых государств Центральной Азии с Западным Китаем, реализация проектов по развитию автомобильного транспорта, железнодорожного

и воздушного сообщения Центральная Азия-Китай; развитие производства нефти и газа и других ископаемых, сотрудничество в области сельского хозяйства, свободное передвижение товаров, капитала и услуг.²⁶⁵ Усиливая торговлю и экономические отношения с Центральной Азией, Китай намерен развивать свои западные провинции, расширить и связать их с экономикой всего центральноазиатского региона. Причем планируется превратить Синьцзян в главный логистический и информационный центр Китая по оказанию услуг Центральной Азии. То, что Синьцзян расположен в сердце Евразии, граничит с восемью странами и имеет 17 официальных пограничных переходов, объясняет желание Китая развивать в дальнейшем внешние торговые отношения этой провинции.²⁶⁶ В китайской геоконцепции важно отметить следующие моменты: Во-первых, углубление сотрудничества предлагается осуществлять за счет внутренних ресурсов государств региона, а также Китая и России. Во-вторых, в отличие от американских проектов, речь идет о сотрудничестве государств Центральной Азии, России и Китая, а Афганистан не упомянут. В-третьих, в геоконцепте в первом пункте указывается на необходимость политического взаимодействия как основы экономического сотрудничества. В-четвертых, важнейшим фактором углубления сотрудничества в регионе указывается взаимодействие действующих здесь международных организаций ШОС и ЕврАзЭС. Это означает, что Китай не рассматривает евразийскую интеграцию как противоречащую китайским интересам или конкурента ШОС, а напротив

²⁶⁵ Ашуrow А. «Экономический пояс Шелкового пути» Китая бросает вызов США и России <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1389385200>

²⁶⁶ Саипов З. Центральная Азия становится форпостом Китая http://www.atimes.com/atimes/China_Business/NI25Cb01.html

считает ее важной составляющей взаимодействия. ШОС может стать одним из инструментов реализации геоконцепции Экономического пояса Нового Шелкового пути во взаимодействии с другими региональными объединениями. Важно то, что программа создания экономического пояса Шелкового пути могла бы стать катализатором многостороннего экономического сотрудничества государств ШОС и проводиться под эгидой этой организации, но при координации со схожими программами других международных организаций.²⁶⁷

Председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао, выступая в 2013 г. на «Втором Китайско-Евразийском форуме по развитию и сотрудничеству», призвал евразийские страны к углублению сотрудничества в области таможенного контроля, таких сферах, как контроль качества, электронная коммерция, транзитные перевозки, стандарты сертификации и права интеллектуальной собственности, к содействию свободному перемещению в регионе персонала, капитала, технологий, товаров и услуг, а также предложил совместно противостоять торговому протекционизму. Выступление руководителя Госсовета вполне вписывается в стратегию создания Евразийского Союза, над реализацией которой работают Россия, Казахстан и Беларусь. В его словах прослеживается интерес к созданию транзитного коридора между Северо-Западом Китая и Европой.²⁶⁸

В настоящее время Китай заинтересован в скорейшем строительстве железной дороги, которая соединит Китай, Кыргызстан и Узбекистан. В конечном итоге может быть реализована сухопутная «жемчужная нить» - мост через Центральную Азию в Европу. У партнеров Китая в

²⁶⁷ Lukin A. The Concept of the Silk Road and the Eurasian Integration // Conference Papers 12 Countries Think Tank Forum “The Silk Road Economic Belt Construction and Future”. Beijing, 2014, p.132-141

²⁶⁸ Савин Л. Столкнутся ли в Евразии глобальные интересы Москвы, Пекина и Вашингтона? // Геополитика.ру

Центральной Азии появится возможность воспользоваться преимуществами экспортных маршрутов на мировые рынки. В экспертных кругах чаще всего российские и китайские геополитические концепции противопоставлялись, но есть вариант сотрудничества для реализации геоконцептов. Возможно взаимодействие России и Китая в Центральной Азии, учитывая взаимные интересы и интересы новых государств, по реализации совместных проектов по линии соприкосновения интересов.

Большое значение Возрождению Великого Шелкового пути придается и в Таджикистане. Проблема коммуникаций становится для Таджикистана одной из важных геостратегических задач. В настоящее время в Таджикистане осуществлена важная геополитическая задача - завершено строительство важной транспортной артерии Душанбе - Куляб - Хорог - Мургаб - Кульма, которая дает возможность выхода в Китай, далее по Каракорумскому шоссе осуществлен выход на Пакистан и Индию и, таким образом, можно достичь морского порта Карачи на берегу Индийского океана. Эта автомагистраль дает уникальный выбор: одно направление в Китай и через него в Японию и в страны Азиатско - Тихоокеанского региона; другое - в Пакистан, Индию и выход к океану. Кроме того, между Китаем и Афганистаном достигнуты договоренности о строительстве автомобильной дороги через Ваханский коридор, что откроет дополнительный выход Таджикистана по этой трассе в Пакистан, Индию, Китай. В настоящее время решена еще одна очень важная геостратегическая задача со сдачей железнодорожной линии Курган - Тюбе - Куляб, которая в будущем через трассу Термез - Мешхед - Тегеран свяжет страну с Персидским заливом или же откроет выход через Турцию путь в Европу.

Активизируется в регионе и строительство железнодорожных трасс. Планируется, что уже в 2015 году завершится строительство новой железнодорожной

магистрали «Таджикистан –Афганистан–Туркменистан» протяженностью 400 км. При реализации этого проекта Таджикистан сможет подключиться на территории Северного Афганистана, в районе Мазари-Шарифа к железной дороге "Китай–Иран". Северный железнодорожный маршрут в Афганистане обеспечит для Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана выход на мировые рынки через иранский порт Бендар-Аббас, а также создаст новый железнодорожный коридор для государств Центральной Азии, который обеспечит выход на мировые рынки. В соответствии с Планом действий ЦАРЭС отрезок новой 230-километровой железной дороги между Мазари-Шарифом и Андхоем на западе Афганистана явится частью планируемой железной дороги, которая пройдет по маршруту Шерхан – Бандар – Кундуз – Хульм – Найбабад – Андхой – Герат. Этот же план предусматривает постройку Таджикистаном к 2015 году 50-километровой железной дороги Колхозобод – Дусти – Нижний Пяндж, а также строительство Туркменистаном и Афганистаном 126-километровой железной дороги Атамурат – Ымамназар – Акина – Андхой, которая должна быть введена в строй также в 2015 году. Афганская железная дорога протяженностью в 1100 километров соединит его со всеми соседними государствами. В рамках Организации экономического сотрудничества обсуждается вопрос о создании маршрута Турция - Иран - Афганистан - Таджикистан - Кыргызстан - Китай.

В 2013 году Россия предложила строительство железной дороги Россия–Казахстан-Кыргызстан-Таджикистан в ходе обсуждения стратегии ЦАРЭС на 2020 год в Астане. Предложенный российской стороной проект по строительству железной дороги станет продолжением ныне осуществляемого проекта по строительству железной дороги Таджикистан-Афганистан-Туркменистан. Основное строительство будет проходить на территории Таджикистана и Кыргызстана, а Россию и Казахстан уже соединяет

железная дорога и эти пути планируется соединить. Кроме этого, таджикской стороной предлагается альтернативный маршрут по строительству ныне действующего проекта железнодорожной ветки Туркменистан-Афганистан-Таджикистан, протяжённостью 400 км. Строительство этой ветки уже началось в Туркменистане. Эта магистраль будет проходить по маршруту Атамырат-Ымамназар-Акина-Андхой: 85 км линии Атамырат-Имамназар на территории Туркменистана и 38 км линии от Ымамназара до населенного пункта Андхой в Афганистане. В дальнейшем строительство дороги на территории Афганистана продолжится до Шерхан-Бандара и приграничного пункта Нижний Пяндж в Таджикистане, где магистраль соединят с существующими железными дорогами Нижний Пяндж - Колхозабад. Не отказываясь от этого варианта строительства железнодорожного пути, таджикская сторона предлагает более короткий путь – это строительство ветки до приграничного с Афганистаном района Шахритус. Этот вариант находится на этапе согласования с Афганистаном и Туркменистаном. Строительство таджикской части железной дороги началась в 2014 году и должно завершиться в 2016 году. Часть магистрали, соединяющей Туркменистан с Афганистаном планируется сдать в эксплуатацию в июне 2015 года.

Прохождение трансконтинентальной дороги через Таджикистан дает возможность связи стран АТР с государствами Центральной и Южной Азии, а также связывает страны СНГ со Средним и Ближним Востоком, с выходом в Европу. Таким образом, реализация вышеназванных проектов способствует решению важной геостратегической задачи - выхода Таджикистана из географического тупика. Именно выход Таджикистана из географической изоляции будет способствовать восстановлению геополитической целостности Центральной Азии и даст новый импульс расширению коммуникаций на

новом этапе развития Великого Шелкового пути. Географическое положение Таджикистана создает благоприятные условия для возрождения Современного Южного Шелкового пути, по которому в прошлом шел обмен не только торгово-экономический, но и интеллектуальный. Именно это активное взаимодействие культур заложило основу современного облика цивилизации в Центральной Азии. По трассам Великого Шелкового пути в XXI веке вновь активизируется диалог цивилизаций. Для переосмысления общего культурного наследия Шелкового пути и его потенциала для углубления международного научно-культурного и гуманитарного сотрудничества в рамках Международного десятилетия сближения культур (2013-2022 годы) 14-16 октября 2013 года в городе Алматы, Казахстан, состоялся Международный форум по Великому Шелковому пути. На форуме международные и национальные эксперты обсудили перспективы исследования культурного наследия и его сохранения в Центральной Азии, а также в ходе мероприятия состоялся официальный запуск в рамках ЮНЕСКО первого в мире комплексного веб-портала по Шелковому пути. Главной целью электронного проекта является создание открытой онлайн базы данных на основе материалов ведущих научно-исследовательских учреждений мира в таких областях, как общее нематериально-культурное наследие, роль Великого Шелкового пути в культурном взаимодействии Центральной Азии и за ее пределами. В условиях глобализации важно сохранение культурной идентичности народов, проживающих вдоль трасс Нового шелкового пути.

Заключение

Центральная Азия находится на стратегическом перекрестке Евразии, где еще с древнейших времен существовали интенсивные контакты между народами, населяющими евразийское пространство. Здесь шел активный диалог евразийских цивилизаций: исламской, индо-буддийской, конфуцианской, православно-христианской. Именно активное взаимодействие культур народов Евразии заложило основу современного облика цивилизации в Центральной Азии.

В истории народов Центральной Азии наблюдаются три модели взаимодействия: локальные, этнические и культурные. Именно эти модели взаимодействия способствовали сложению основ современной традиционной культуры народов Центральной Азии, в частности таджикского народа. С начала нашей эры шел межцивилизационный диалог по Великому Шелковому пути – громадному динамичному цивилизационному ареалу, где происходило активное сухопутное и морское международное общение от крайних пределов Азии до стран Запада. Межкультурный диалог на Великом Шелковом пути привел к сближению культур на евразийском пространстве и формированию основ современных локальных цивилизаций. Особо важную роль в диалоге цивилизаций сыграл центральноазиатский отрезок Великого Шелкового пути. Расположение магистралей на стратегически важном перекрестке Восток – Запад способствовало активному взаимообмену материальными и духовными ценностями. Значение Шелкового пути значительна в формировании экономической, социальной, культурной структуры стран, лежащих вдоль главных магистралей. На трассах знаменитых путей возникали поселения и колонии торговцев. Активную цивилизаторскую роль сыграли на трассах Великого Шелкового пути предки таджикского народа – бактрийцы и согдийцы. Если бактрийцы были трансляторами духовных

ценностей, то роль согдийцев важна в распространении материальных ценностей и городской культуры.

Вдоль артерий Великого Шелкового пути шли активные этноконсолидационные процессы, формировались этнокультурные традиции, взаимодействовали между собой различные культуры, распространялись на огромном пространстве письменность и религии, знания и технические достижения, художественные традиции, складывались основы современной торговой и банковской систем, закладывались правовые основы международных отношений, формировались основные принципы дипломатии. Евразийские коммуникации открывали миру некогда замкнутые общества, воздействовали на формирование мировоззрения и развитие интеллектуального потенциала людей на континенте. Торговые пути способствовали к многочисленным межкультурным взаимодействиям и приводили к передаче материальных ценностей, а также идеи. Торговцы, миссионеры, паломники пользовались словесными и письменными элементами коммуникации, что способствовало распространению языков и письменности. Таким образом, можно считать, что Великий Шелковый путь был дорогой и системой взаимообмена, которая значительно влияла на развитие цивилизаций, расположенных вдоль трассы. На магистралях Шелкового пути создавались сети торговцев, которые способствовали безличной торговле и формированию основ евразийских финансовых систем. Сети торговцев основывались на регулярных контактах. Древние и средневековые торговцы являлись собирателями и хранителями знаний о странах, где осуществлялся торговый взаимообмен, они распространяли знания об обычаях и традициях народов, живущих в странах вдоль магистралей Шелкового пути. Привозимые экзотичные товары, предметы роскоши давали толчок для их заимствования и творческого подхода к их производству на новом месте, они служили толчком для новых инноваций и способствовали к пониманию других культур.

Важные знания о традициях культуры, о народах и их обычаях, дорогах, странах на трассах Великого Шелкового пути оставили в наследие арабские и иранские авторы, об этих данных свидетельствуют хроники китайских путешественников, сведения европейцев Марко Поло, Руи Клавихо Гонсалеса, флорентийского торговца Барди Франческа Паголотти, который после путешествия по Великому Шелковому пути оставил в 1355 году бесценный фолиант “Практика торговли, или сочинение о далеких землях, торговых мерах и других предметах, сведения которых необходимо купцам всех стран”. Великий Шелковый путь сыграл не только интегрирующую роль, но и оказал дифференцирующее воздействие на этнокультурные и этногенетические процессы. Еще в древности и в раннем средневековье в Центральной Азии идет процесс формирования определенных этнических стереотипов и устойчивых культурных традиций.

Современные локальные цивилизации активно втянуты в глобализационные процессы и все более центростремительные силы ускоряют движение народов и стран к интеграции. Исторический опыт дает понимание преемственности развития цивилизации и взаимосвязь судеб этносов евразийского континента. Великий Шёлковый путь является одним из древнейших факторов, способствовавших интеграции духовных и материальных ценностей. Реализованный с 1988 года крупномасштабный гуманитарный проект «Великий Шелковый путь- путь диалога» усилил культурный диалог между странами и народами, принадлежащими к различным культурам, религиям и общественно-экономическим системам, а также активизировался туризм по старым караванным трассам Великого Шелкового пути. Модернизация старых караванных путей дает огромный потенциал для активного взаимодействия на евразийском пространстве на новом этапе истории. 32 евразийских государства(Япония, Южная Корея, Китай, Индия,Россия, новые государства Центральной Азии и

др.) заложили международно-правовые основы для строительства Трансазиатской дороги протяжённостью более 14 тыс. км., которая должна связать государства бассейнов Атлантического и Тихого океанов.

В современных евразийских трассах Нового Великого Шёлкового пути мировые транснациональные компании видят огромный еще не реализованный потенциал для проявления деловой активности в модернизации и индустриализации, активизации энергетической политики. Богатейшее духовное наследие Великого Шелкового пути и сейчас дает огромный импульс для развития современной культуры, а опыт политической культуры и механизмы интеграции древних и средневековых обществ все еще остается не реализованным ресурсом для развития в XXI веке. В современной культуре народов региона и сейчас обнаруживаются самые разнообразные цивилизационные пласты, которые стали неотъемлемой частью уже традиционной культуры.

По трассам Великого Шелкового пути в XXI веке вновь активизируется диалог цивилизаций. Активное участие Таджикистана в интеграционных процессах Евразии, сдача в эксплуатацию намеченных коммуникаций, рациональное использование природных ресурсов позволит Таджикистану занять соответствующее место не только в региональной и мировой экономике, но и выйти за пределы сформировавшегося в советский период односторонне замкнутого субрегиона. Географическое положение Таджикистана создает благоприятные условия для возрождения Южного Шелкового пути, по которому шел обмен не только торгово-экономический и интеллектуальный, но и происходил активный диалог цивилизаций.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АД	Автореферат докторской диссертации.
АКД	Автореферат кандидатской диссертации.
АО	- Археологические открытия в СССР.
АРТ	- Археологические работы в Таджикистане.
ВАН	- Вестник Академии наук СССР.
ВДИ	- Вестник древней истории.
ГЭ	- Государственный Эрмитаж.
ЗВОРАО	- Записки Восточного отделения русского археологического общества.
ЗКВ	- Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук.
ИАК	Известия археологической комиссии.
ИАН	- Известия Академии наук.
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии.
ИМКУ	- История материальной культуры .
ИООН	- Известия Отделения общественных наук.
КСИА АН СССР.	- Краткие сообщения Института археологии
КСИВ	- Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИНА АН СССР.	- Краткие сообщения института народов Азии
КСИЭ АН СССР.	- Краткие сообщения Института этнографии
МАИКЦА	- Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МИА СССР.	- Материалы и исследования по археологии

МКТ	Материальная культура Таджикистана.
НАА	- Народы Азии и Африки.
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика.
ОНУ	- Общественные науки в Узбекистане.
ПВ	- Проблемы востоковедения.
РАН	- Российская Академия наук.
СА	- Советская археология.
СВ	- Советское востоковедение.
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа.
СНВ	- Страны и народы Востока.
СТАКЭ	-Северо-Таджикская археологическая комплексная экспедиция.
СТАЭ	- Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.
СЭ	- Советская этнография.
ТАКЭ	- Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТАЭ	- Таджикская археологическая экспедиция.
ТВОРАО	- Труды Восточного отделения Русского археологического Общества.
ТИИА	-Труды Института истории и археологии.
ТОВГЭ	- Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТПЭ	- Таджикско-Памирская экспедиция.
УСА	- Успехи среднеазиатской археологии.
ЭВ	- Эпиграфика Востока.
ЮТАКЭ	- Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
АА	- Ars Asiatica.
BSO (A)S	- “Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)”.
EW	- “East and West”. Roma.
IHQ	- “Indian Historical Quarterly. New Delhi.
JA	- “Journal asiatique”.

- JASB - Journal of the Asiatic society of Bengal. New series. Calcutta.
- MASI - Memoirs of the Archaeological Survey of India. Delhi.
- MDAFA - Memoires de la Delegation ArcheologiQue Francaise en Afghanistan/Le Cairo. Paris.
- TP - T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire, les langues, la geographie, l'ethnographie et les arts de l'Asie Orientale. Paris-Leiden.